

Б.Г. Гафуров

Л.И. Мирошников

**Изучение
цивилизаций
Центральной
Азии**

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**Б. Г. Гафуров,
Л. И. Мирошников**

Изучение цивилизаций Центральной Азии

**(ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ПО ПРОЕКТУ ЮНЕСКО)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976**

Книга рассказывает об уникальном опыте сотрудничества в изучении культурного наследия народов Центральной Азии, осуществлявшегося по проекту ЮНЕСКО, который был утвержден в 1966 г. по предложению советских ученых.

Г $\frac{60103-074}{013(02)-76}$ 246-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В июле 1973 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже состоялась международная встреча ученых, завершившаяся учреждением новой организации востоковедов — Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Ее создание явилось итогом и вместе с тем новым этапом развития международного сотрудничества в изучении цивилизаций Центральной Азии, осуществлявшегося начиная с 1967 г. в рамках программы культурных исследований ЮНЕСКО — Международной организации по вопросам науки, культуры и образования.

Проект по изучению цивилизации Центральной Азии был включен в программу ЮНЕСКО на основании рекомендаций советских востоковедов, получивших поддержку со стороны ученых стран региона — Афганистана, Индии, Ирана, Пакистана — и делегаций этих стран, участвовавших в работе 14-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в конце 1966 г. В программе говорилось, что цель нового проекта состоит в «лучшем ознакомлении с цивилизациями народов Центральной Азии посредством археологических исследований и изучения их истории, науки и литератур», и пояснялось, что исследования эти будут иметь отношение к географическому региону, включающему территории Афганистана, Восточного Ирана, Индии, Западного Пакистана и азиатских республик Советского Союза: Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана¹. Первоначальная программа исследований включала ряд тем, касавшихся древней истории и культуры народов Центральной Азии (кушанский период), историю искусства эпохи средних веков (XIV—XVI), историю идей

и философии и развития науки, а также изучения литератур народов этой части мира.

Новый проект ЮНЕСКО рассматривался как опытный, экспериментальный проект и был рассчитан на четырехлетний период (1967—1970). Это был первый опыт практической организации сотрудничества в изучении культур Центральной Азии — ученых из стран данного региона. В недалеком прошлом, в силу ряда политических причин, изучение истории и культуры народов этой части мира осуществлялось в основном специалистами из зарубежных стран; возможности развития национальной науки были весьма ограничены, а о научном сотрудничестве стран, находившихся в колониальной или полуколониальной зависимости, говорить вообще не приходилось. В новых исторических условиях, когда получившие независимость страны Азии стали равноправными участниками международных отношений, а их национальная наука получила заметное развитие, проект ЮНЕСКО должен был стать одним из инструментов организации активного участия этих стран в изучении общего культурного наследия в рамках регионального и международного сотрудничества.

Экспериментом было и применение широкого междисциплинарного подхода к изучению культур народов региона. Работа над основными темами проекта предусматривала сотрудничество ученых многих специальностей: историков и археологов, лингвистов и литературоведов, искусствоведов, этнографов, социологов, специалистов по нумизматике и палеографии и др.

В ходе осуществления проекта накопился некоторый опыт организации и координации международных исследований, который требует осмысления и обобщения. За последние годы был проведен ряд крупных международных научных конференций и симпозиумов, способствующих практическому осуществлению исследований и координации международного сотрудничества², принята работа по подготовке научных публикаций, посвященных истории и культуре народов Центральной Азии.

В подведении итогов и обобщении опыта проделанной работы состоит основная цель настоящей книги. Отдавая себе отчет в том, что время для глубокого и всеобъемлющего анализа этой деятельности еще не на-

стало, авторы тем не менее полагают, что публикация даже самого общего обзора работы по центральноазиатскому проекту ЮНЕСКО для информации широких кругов научной общественности нашей страны может оказаться весьма полезной. Вовлечение в работу новых сил, а также распространение знаний о вкладе народов Центральной Азии в мировую цивилизацию являются одной из важных задач проекта.

ВВЕДЕНИЕ

«Центральная Азия». В прошедшем и настоящем столетии появление этого географического названия в заглавиях книг и статей обычно ассоциировалось у читателя с новыми географическими исследованиями или интересными археологическими находками, открывающими миру малоизвестные или забытые цивилизации. Внутренние районы Азиатского материка стали известны остальному миру так же недавно, как глубинные районы Африки или труднодоступная Арктика. Всего лишь около столетия назад один из наиболее известных русских исследователей Центральной Азии, Н. М. Пржевальский, писал: «Вся восточная нагорная Азия, от гор Сибирских на севере до Гималайских на юге и от Памира до собственно Китая, до сих пор так же мало известна, как Центральная Африка или внутренняя часть острова Новая Голландия»¹.

История и культура народов Внутренней Азии, как и других частей этого региона, была мало изучена.

До европейских народов первые сведения о Центральной Азии, правда скудные и фрагментарные, дошли в связи с походами Александра Македонского. Географические познания древних несколько расширились лишь к началу II в. н. э., когда римские купцы по Великому шелковому пути через Мерв и Кашгар проникли в западные пределы Китая. Полученные ими сведения нашли отражение в «Географии» Птолемея, представлявшей собой вершину географических познаний древней Европы об Азии. О жизни народов Центральной Азии в древности и раннем средневековье знали лишь их соседи и пришедшие в качестве завоевателей арабы, но эти сведения стали достоянием мировой науки лишь много веков спустя².

Монголо-татарское нашествие, оказавшееся страшным бедствием для многих народов Азии и Европы, тем не менее способствовало установлению контактов между Западом и Востоком и новому открытию европейцами далекой Азии. В середине XIII в. путешествие в Центральную Азию в ставку монгольских ханов совершил посол папы римского Иннокентия IV францисканский монах Плато Карпини (1245—1247) и вслед за ним посол короля Франции Людовика IX фламандец Гийом де Рубрук (1252—1255). Плато Карпини оставил блестящее для своего времени описание пройденного им пути, а также жизни народов и стран, которые он посетил. Не меньшую научную и познавательную ценность имеют записки более образованного, чем его предшественник, и весьма наблюдательного Рубрука³.

Дальнейшему расширению знаний о Центральной Азии Европа обязана венецианским купцам Николо, Маффео и Марко Поло. Записки Марко Поло, переведенные на многие европейские языки,—ценнейший свод географических и этнографических сведений о Внутренней Азии, не утративший своего значения и в наши дни⁴. О западной части Центральной Азии интересные сведения оставил посол кастильского короля Генриха III Рюи Гонсалес Клавихо, совершивший в первом десятилетии XV в. путешествие в Самарканд ко двору Тимура. В своем дневнике он дал подробное описание жизни столицы и других городов Средней Азии в эпоху Тимура⁵.

В связи с захватом турками-османами Константинополя и закрытием известного с древних времен Великого шелкового пути—сухопутного пути из Европы в Азию, а затем с открытием и освоением европейскими странами морских путей в Индию и на Дальний Восток Центральная Азия осталась в стороне от мировых торговых коммуникаций. Пути экономических и культурных связей между Западом и Востоком переместились: они обходили Центральную Азию с юга и с севера.

Изоляции Центральной Азии от остального мира содействовал усилившийся в XVI и XVII вв. процесс ее феодального дробления и сопутствовавший ему экономический и культурный упадок. Но политические и экономические контакты народов и государств Средней и

Центральной Азии полностью не прекращались: одни из них сокращались, а другие, наоборот, получали большее развитие. На XVI и XVII столетия приходится период установления контактов с набравшим силу после свержения монголо-татарского господства централизованным русским государством — Московской Русью. Торговые и политические связи между княжествами Руси и народами Центральной Азии имели место и раньше — в VIII—IX вв., о чем свидетельствуют находки в России монет, чеканенных в Мавераннахре. Даже в период монголо-татарского владычества эти отношения не прерывались; в них участвовали представители народов Средней Азии, тоже находившихся под монгольским владычеством. Известно, например, что под Нижним Новгородом в середине XIV в. существовала большая колония бухарских и хивинских купцов⁶.

Установлению более регулярных торговых сношений между Россией и среднеазиатскими ханствами содействовало занятие русскими Казани в 1552 г. и Астрахани в 1554 г., а также последующее освоение казаками Западной Сибири. Сразу же после этих событий в Москву ко двору Ивана Грозного прибыли посольства из Хивы и Бухары с просьбой «дозволить» их купцам торговать в Астрахани⁷. А в 1557 г. из Москвы в Бухару и Хиву отправилось посольство представителя «Московской компании торговцев Лондона» («*Merchants of London of the Muscovie Company*») англичанина Дженкинсона. Английская миссия считала своей главной задачей установить торговые связи через Среднюю Азию с Персией, Индией и Китаем. Дженкинсон вез с собой грамоту московского царя. В 1559 г. он вернулся в Москву вместе с послами Хивы и Бухары⁸. Таким образом, в середине XVI столетия налаживаются регулярные сношения, преимущественно торговые, между Россией и Средней Азией. В это же время устанавливаются контакты Московской Руси с Индией. В 1533 г. в Москву приезжает «индийский гость» Таусейн-хозя (по-видимому, Тахакусейн-ходжа) с товарами и грамотой от «индийского владетеля Бабур-Падши» (султан Бабур — основатель империи Великих Моголов), в которой великому князю предлагалось «быть с ним в дружбе и братстве». Индийскому гостю позволили продать свои товары, а в ответной грамоте Василия Иоанновича говорилось о со-

гласни, «чтобы люди промеж их ездили; а о братстве к нему [Великий князь] не приказал; потому что не ведает его государства; неведомо: он Государь или государству тому урядник»⁹. Дальнейшие шаги по установлению контактов с Индией были предприняты при Иване Грозном и в более позднее время¹⁰.

Торговые и дипломатические связи между Россией и народами восточной части Внутренней Азии и Китаем возникают в XVII в., после освоения русскими Восточной Сибири. Направленные в Китай посольства предоставили русским сведения об этой стране и соседних с ней странах Центральной Азии — Монголии и Восточном Туркестане. В 1618—1619 гг. в Монголию и Китай совершил путешествие казак Иван Петлин. В 1654 г. посол царя Алексея Михайловича Ф. И. Байков отправился в Пекин через Джунгарию. А в 1675 г. по пути в столицу Китая восточные районы Центральной Азии посещает русское посольство во главе с Н. Г. Спафарием.

Отчеты, или так называемые статейные списки русских посольств в Китай и Среднюю Азию, служили источником сведений о географии, образе жизни и истории этих народов. О хорошем знании русскими соседних стран говорит написанная в начале XVII в. «Книга Большого Чертежа». Она представляет собой подробный письменный комментарий к составлявшемуся еще при Иване Грозном «Большому Чертежу» — первой карте Московского государства¹¹.

Особенно много сведений о сопредельных с Россией землях Центральной Азии было накоплено в царствование Петра I. При нем снаряжаются экспедиции для изучения пограничных с владениями России азиатских стран. Это экспедиции И. Бухгольца, а затем И. Лихарева в Сибирь и Восточный Туркестан, А. Бековича-Черкасского от берегов Каспия в Хиву, посольства Ф. Беневени в Бухару и И. Унковского в Джунгарию. За два года пребывания в Джунгарии миссия И. Унковского собрала большой и интересный материал по географии восточной части Центральной Азии, по истории и современному состоянию государства ойратов и соседних стран и народов¹². Составленные И. Унковским карты Джунгарии использовались многими последующими русскими экспедициями и посольствами. Весьма ценным

с точки зрения получения политических и этнографических сведений о жизни среднеазиатских ханств — Бухары и Хивы — было посланное Петром I посольство во главе с секретарем Ориентальной экспедиции Посольского приказа Ф. Беневенн¹³.

Одним из результатов исследований русскими Средней Азии в XVII — начале XVIII столетия явилась карта Арало-Каспийского бассейна, за которую Петра I избрали почетным членом Французской академии¹⁴.

Из последующих русских экспедиций в Среднюю Азию в XVIII в. заслуживает упоминания миссия Гладышева и Муравина в Хиву в 1840—1841 гг., собравшая интересные географические, этнографические и исторические сведения о Хивинском ханстве¹⁵. Значительный интерес представляют также наблюдения находившегося в плену в Бухаре унтер-офицера Филиппа Ефремова, которому удалось побывать в Хиве и Мерве, а после побега из плена посетить Коканд, Кашгар, Яркенд, Тибет и Индию. По возвращении в Россию он написал о своих странствиях книгу, выдержавшую несколько изданий еще при жизни автора¹⁶.

Первая четверть XIX в. была отмечена новыми попытками урегулировать политические отношения среднеазиатскими ханствами и обеспечить безопасность торговли с ними. Направлявшиеся в Хиву и Бухару экспедиции и посольства не добились сколько-нибудь заметных успехов в достижении этой цели, но значительно умножили сведения об истории и современном положении среднеазиатских ханств. Это можно отнести, в частности, к посольству Н. Муравьева в Хиву в 1819 г. Были собраны интересные сведения о политическом и административном устройстве Хивинского ханства, о нравах и обычаях его населения, а также составлено описание ранее неизвестного пути в Хиву от юго-восточного побережья Каспия¹⁷. Столь же плодотворной в познавательном плане была и дипломатическая миссия, направленная в 1820 г. в Бухару по просьбе ее правителя. В состав миссии, возглавляемой посланником А. Ф. Негри, кроме дипломатических чиновников входили: географ Е. К. Мейендорф, естествоиспытатель Пандер и другие лица, занимавшиеся всесторонним изучением Бухары и соседних с нею стран. Собранные географические, статистические и этнографические дан-

ные стали достоянием ученых после публикации в Париже книги Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару»¹⁸.

К этому же времени относятся и сведения о возникшем лишь в начале века Кокандском ханстве, полученные в результате поездки туда в 1813—1814 гг. переводчика Отдельного Сибирского корпуса Филиппа Назарова. Его записки содержат любопытный этнографический материал, описание главных городов ханства: Коканда, Ташкента, Ходжента, Маргелана, Чимкента — и сведения о занятиях их жителей¹⁹. В первой половине XIX в. проводились географические исследования в районе Аральского моря. В 1825—1826 гг. экспедиция под руководством геодезиста Ф. Берга обследовала плато Устюрт и западное побережье Аральского моря²⁰. А в 1848—1849 гг. экспедицией капитана А. И. Бутакова было проведено полное гидрографическое исследование Аральского моря²¹. Из экспедиций в Хивинское и Бухарское ханства, совершенных во второй четверти столетия, наиболее результативными в научном плане были миссии К. Ф. Бутенева в Бухару в 1841—1842 гг. и Г. И. Данилевского в Хиву в 1842 г. Кроме Бухары члены миссии посетили многие другие города ханства, включая Самарканд. Они собрали за восемь месяцев богатейший географический и статистический материал о жизни ханства. По возвращении из экспедиции член миссии ориенталист Н. Ханыков опубликовал исследование о Бухаре²². Менее полным, но также весьма интересным является описание Хивинского ханства, составленное Г. И. Данилевским²³.

XIX век открывает собой эпоху подлинно научного изучения Центральной Азии. Географические исследования осуществляются специально для этой цели снаряженными экспедициями, в состав которых входят ученые самых различных специальностей, включая ориенталистов. При составлении сводов географических сведений об Азии широко используются источники на восточных языках. Это стало возможным в результате наметившегося прогресса в области изучения и переводов восточных источников о жизни народов Центральной Азии в древности и средневековье. Были получены достаточно точные сведения о границах некогда существовавших государств, о переселениях народов и о

путях торговых и культурных обменов. Данные арабских, персидских, китайских и других восточных источников, а также материалы, почерпнутые из античных произведений и записок европейских путешественников более позднего времени, используют в своей работе крупнейшие географы XIX в.: А. Гумбольдт, Ф. Рихтгофен и многие другие. Знание восточных источников позволило составить первые сводки по истории народов Центральной Азии, а открытие и приобретение в результате экспедиций и путешествий ряда ценнейших документов в свою очередь, послужило дальнейшему интенсивному развитию востоковедческой науки.

Прежде чем перейти к рассказу об изучении Центральной Азии во второй половине XIX в., необходимо остановиться на самом определении понятия «Центральная Азия». Термин этот получил особенно широкое распространение в географической литературе середины XIX в., чему в значительной мере способствовала публикация книги знаменитого немецкого географа и путешественника Александра Гумбольдта «Центральная Азия»²⁴. Автор первым попытался определить границы Центральной Азии и дать им научное обоснование. А. Гумбольдт подразумевал под Центральной Азией район внутренней части Азиатского материка, отстоящий на пять градусов к северу и югу от $44\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. На запад этот район простирался до Устюрта или берегов Каспийского моря, восточные же границы Гумбольдтом не были определены²⁵.

Тридцать лет спустя другой немецкий ученый — известный исследователь Китая Фердинанд Рихтгофен — предложил новое определение Центральной Азии, в основу которого был положен геологический принцип²⁶.

В русской научной литературе первой и второй трети XIX в. для обозначения внутренних областей Азии использовались два термина: «Средняя Азия» и «Центральная Азия». Причем первый из них, появившийся раньше, имел и более широкое хождение. Нам представляется, что он пришел в европейскую науку из восточных источников и переводился на западноевропейские языки как «центральная», а на русский — как «средняя» Азия. Термин «Центральная Азия» получил в России распространение после выхода в свет книги

А. Гумбольдта. Для большинства русских ученых того времени оба термина означали — по крайней мере до появления в конце 70-х годов книги Ф. Рихтгофена — обширный район Внутренней Азии от Каспия на западе до Монголии на востоке. Современники и друг А. С. Пушкина, русский синолог Н. Я. Бичурин, сделавший первый перевод на русский язык свода китайских исторических сведений о народах Средней Азии в древние времена, в предисловии к своей книге пояснял, что речь идет о «всей полосе Средней Азии от Восточного океана на западе до Каспийского моря»²⁷.

Известный русский ориенталист и выдающийся географ Николай Ханьков в своей книге «Записки о южной части Центральной Азии»²⁸ первым высказал мысль о том, что геометрический метод определения границ Центральной Азии не отвечает требованиям географической науки. Он предложил руководствоваться в этих целях физическими особенностями, общими для группы районов Внутренней Азии. Центральная Азия у Н. Ханькова была еще более обширной, чем у Гумбольдта, и включала все регионы Азии, имеющие бессточную гидрографическую систему²⁹. Десятилетием позже этот принцип определения границ Центральной Азии получил более фундаментальное обоснование в уже упоминавшейся нами работе немецкого ученого Фердинанда Рихтгофена «Китай». В первой же главе он проанализировал все определения Центральной Азии, имевшиеся в его время в научной литературе, и, посчитав их неудовлетворительными, предложил свое³⁰. Ф. Рихтгофен делил всю Азию на центральные районы и периферические, которые отличались геологическим происхождением, физическим характером, а также находившимся в зависимости от этого историческим и культурным развитием. Под собственно Центральной Азией он понимал район внутренней части материка, характеризующийся бессточностью гидрографической системы. Его границами служили Алтай на севере, Тибет на юге, Памир на западе и горы Хингана на востоке. Эта территория в очень отдаленную геологическую эпоху была занята морем и получила у китайцев название Хань-хай, что в переводе означало «высохшее море». Рихтгофен исключил из Центральной Азии значительные по площади области Внутренней Азии, тоже ха-

рактизирующиеся присущими Хань-хаю физическими признаками, лишь потому, что их обособление от мирового океана произошло в более позднюю геологическую эпоху. Однако результаты последующих исследований не подтвердили предположений ученого о более позднем обособлении западных областей Внутренней Азии, в частности Туркестанского бассейна, но тем не менее термин «Центральная Азия» в том значении, которое придал ему немецкий исследователь Китая, получил в последней четверти XIX в. весьма широкое употребление³¹.

В русской научной литературе вопрос о значении термина «Центральная Азия» наиболее глубоко и основательно рассматривается в книге известного исследователя Средней Азии И. В. Мушкетова³². Отдавая должное заслугам Ф. Рихтгофена, благодаря которому этот термин получил «такую точность, какой он не имел никогда прежде»³³, И. В. Мушкетов указывал, однако, на необоснованное сужение немецким ученым его значения. Основываясь на своих собственных и на других исследованиях, он доказывал, что разница в обособлении Хань-хая и Туркестанского бассейна не столь велика, как полагал Ф. Рихтгофен. По своему геологическому происхождению и другим физическим признакам эти два региона имеют так много общего, что отнесение одного из них к разряду внутренних, а другого — периферических (или даже переходных) не имеет под собой достаточных оснований. И. В. Мушкетов писал, что при разделении Азии надо «строго придерживаться основного принципа, заключающегося в отсутствии или присутствии стока воды к открытому морю, а также в преобладании золотых или водных агентов». Следуя этому принципу, он подразделял материк Азии на две главные части, «резко различающиеся по своему положению, физическому характеру и происхождению»: Периферическую (или Крайнюю) и Внутреннюю (или Среднюю) Азию³⁴. Под Внутренней, или Средней, Азией Мушкетов понимал совокупность «всех замкнутых областей материка Азии, не имеющих стока к открытому морю и обладающих характером Хань-хая...» В ее состав, по мнению Мушкетова, входят «следующие три большие области: Центральная Азия Рихтгофена с частью Тибета, Иран с частью Малой Азии и

Туркестан с частью Арало-Каспийской области»³⁵. Он обосновывает и вводит в научный оборот предложенный несколько ранее немецким ученым А. Петцольдом термин «Туркестанский бассейн»³⁶.

Работа И. В. Мушкетова как бы подводит итог дискуссии о содержании терминов «Центральная», «Средняя» и «Внутренняя Азия», употреблявшихся в научной литературе XIX в. для наименования внутренних областей Азиатского материка. Ознакомление с этой литературой показывает, что к концу столетия наметилась общая тенденция употреблять термин «Центральная Азия» в значении, которое придавал ему Ф. Рихтгофен, и «Туркестан» — для наименований западных районов Внутренней Азии. В то же время довольно большое распространение имел и термин «Средняя Азия»; он употреблялся и в широком понимании — как синоним Внутренней Азии (или гумбольдтовской Центральной Азии), и в более узком, когда заменял собою имевший преимущественно политическое значение термин «Туркестан».

Если мы заглянем в издававшийся в России «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона под редакцией И. Андреевского, то в статье, озаглавленной «Средняя Азия (Центральная Азия)», найдем следующее толкование этого термина: «В настоящее время все внутренние замкнутые бассейны Азиатского материка называются чаще всего Внутренней Азией, причем восточной части этой огромной области, лежащей к Востоку от Памира, придают по-прежнему название Центральной Азии, а западной, занимающей Туркестан, часть Арало-Каспийской низменности и Иран — Средней Азии. В более узком смысле под Средней Азией разумеют Туркестанский бассейн, т. е. страну между Каспийским морем на Западе, Памиром на Востоке, Арало-Иртышским водоразделом на Севере до Колетадага и Гиндукуша на Юге»³⁷.

Что касается зарубежной научной литературы второй половины XIX в. о Внутренней Азии, то здесь наметилось широкое использование термина «Центральная Азия» применительно к восточной части этого региона, т. е. в понимании Рихтгофена. Вместе с тем термин «Центральная Азия» широко применялся для наименования самых различных комбинаций внутренних обла-

стей Азиатского материка. Одновременно в ходу были — особенно это касается названий книг, рассчитанных на массового читателя, — термины: «Высокая Азия» (*Haute Asie*), «Внутренняя Азия» (*Innermost Asia*). Большая путаница получалась от того, что при переводе литературы об Азии с западноевропейских языков на русский термин «*Central Asia*» (или «*Asie Centrale*») толковался двояко: как «Центральная» и как «Средняя Азия». Что же касается переводов с русского, где уже четко наметилась разница между этими двумя названиями, оба термина переводились как «*Central Asia*» («*Asie Centrale*»).

Неопределенности значения термина «Центральная Азия» во многом способствовало широкое использование его в середине и конце XIX в. в политической литературе, где он употреблялся для обозначения районов Внутренней Азии, но без какой-либо связи с критериями, предложенными Гумбольдтом, Рихтгофеном или другими представителями географической науки.

Речь идет прежде всего об обширной литературе, касающейся политики Англии и России в Центральной Азии и их политического и военного соперничества в этом районе мира. О том, как понимается термин «Центральная Азия» в такого рода литературе, можно составить представление по книге Х. Роулинсона «Англия и Россия на Востоке». «„Центральная Азия“, — пишет Х. Роулинсон, — название больше условное, чем строго географическое. Это наименование не относится лишь к той части Азии, которая с точки зрения длины и широты расположена в центре ее. Оно употребляется, скорее, как удобное общее название для всей внутренней части континента и может означать большую или меньшую по протяженности территорию, в зависимости от того, ведет ли автор речь об этнографии, физической географии или политических границах стран, входящих в ее пределы»³⁸.

Вторая половина XIX столетия характеризуется невиданным ранее размахом и интенсивностью изучения Внутренней Азии: физической географии, этнографии, истории и культурного наследия народов, ее населяющих. В этих исследованиях, осуществляемых преимущественно с помощью экспедиций, участвуют ученые многих стран мира, но если говорить о западной части

Внутренней или Средней Азии, а также о восточных районах или Центральной Азии Рихтгофена, то они исследуются преимущественно русскими экспедициями. Изучению русскими учеными Средней и Центральной Азии³⁹ в значительной мере способствовали как активная деятельность основанного в 1845 г. в Петербурге Русского географического общества и других научных ассоциаций⁴⁰ и учреждений, так и заметное развитие отечественного востоковедения. Исследование новых земель географическими экспедициями обычно включало в себя этнографические, статистические и историко-культурные наблюдения⁴¹. Между представителями географической науки, этнографии, ориенталистики и истории существовала тесная связь, которая во многом способствовала успеху всестороннего изучения Внутренней Азии. Так, из истории деятельности Русского географического общества, составленной одним из его руководителей, известным исследователем Центральной Азии П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, известно, что одним из первых шагов, предпринятых обществом для исследования Внутренней Азии, было изучение богатых материалов, находившихся в петербургских и оренбургских архивах, а также их издание⁴². В первые же годы своего существования Русское географическое общество осуществило издание перевода на русский язык томов «Землеведения» К. Риттера, описывающих азиатскую часть территории России и сопредельные страны Востока. В данном случае речь шла в основном о географии Внутренней Азии, но в русское издание перевода вошли и дополнения, отражающие все последние достижения науки⁴³. В подготовке русского издания «Землеведения» и составлении дополнений приняли участие наряду с представителями географической науки крупнейшие русские ориенталисты В. В. Григорьев, Н. В. Ханыков и др.⁴⁴. Подготовленное издание представляло собой поистине энциклопедический свод современных знаний об отдельных частях Внутренней Азии, базирующихся на результатах открытий, сделанных учеными различных стран в области географии, этнографии, истории и ориенталистики⁴⁵.

Начало научных исследований в Центральной Азии, предпринятых по инициативе и при поддержке Русского географического общества, было положено экспеди-

цией П. П. Семенова в горную страну Тянь-Шань в 1856—1857 гг. Ко времени этой экспедиции, как впоследствии совершенно справедливо отмечал другой выдающийся исследователь Центральной Азии, Г. Е. Грумм-Гржимайло, «...всю сумму европейских сведений о Небесном хребте китайцев давала риттерова Азия, а наглядно — карты д'Анвилля в позднейшей переработке Ж. Клапрота. Эти знания если не равнялись нулю, то были ничтожны...»⁴⁶. В результате исследований П. П. Семенов составил схему хребтов неведомого ученым Тянь-Шаня, открыл там альпийские ледники, определил высоту снежной линии и установил факт отсутствия на Тянь-Шане каких-либо вулканических явлений, опровергнув мнение А. Гумбольдта о вулканическом происхождении этой горной системы.

В течение всей второй половины XIX и в начале XX в. П. П. Семенов — один из организаторов Русского географического общества — был вдохновителем почти всех состоявшихся в это время экспедиций в Центральную и Среднюю Азию⁴⁷.

Мы не имеем возможности остановиться подробно на всех русских экспедициях, которые открыли для науки эти малоизвестные дотопе районы мира, и потому лишь перечислим главные из них. Это экспедиции Н. А. Северцова (1866—1878), А. П. Федченко (1868—1871), З. Л. Матусовского (1870—1875), Н. М. Пржевальского (1870—1885), И. В. Мушкетова (1874—1880), М. В. Певцова (1876—1890), Г. Н. Потанина (1876—1899), А. Ф. Миддендорфа (1877—1878), Н. М. Ядринцева (1878—1891), Г. Е. Грумм-Гржимайло (1884—1914), В. А. Обручева (1886—1909), В. И. Роборовского (1889—1895), Д. А. Клеменца (1892—1898), П. К. Козлова (1893—1926), А. И. Цыбикова (1899—1902) и др. Сведения о результатах исследований Внутренней Азии во второй половине XIX в. содержатся в составленной П. П. Семеновым трехтомной истории деятельности Русского географического общества, а также в более поздних научно-популярных работах⁴⁸.

О русских исследованиях в восточных районах Внутренней Азии очень высоко отзывались многие зарубежные ученые. Так, например, известный английский путешественник и исследователь Монголии Дуглас Каррутерс в своей книге «Неведомая Монголия» заявил, что в

ряду повествований об изучении Центральной Азии нет более захватывающей главы, нежели глава о русских исследованиях в этой части мира. «Это было величайшим предприятием, оказавшимся по плечу Московитам, — писал Каррутерс. — Русский привык все делать в крупном масштабе. Его путешествия чаще всего являются колоссальными предприятиями. Пржевальский, пионер русских путешественников, покрыл, например, 19½ тысяч миль пути и употребил на это 9 лет и 4 месяца своей жизни, а Козлов пересек великую Гоби 5 раз в трех различных направлениях»⁴⁹.

Большинство русских путешественников в Среднюю и Центральную Азию имели солидную географическую и естествоиспытательскую подготовку, а возглавляемые ими экспедиционные отряды часто состояли из представителей различных специальностей, которые наряду с естественнонаучными вели этнографические, историко-культурные и другие наблюдения. Так, зоолог и ботаник А. П. Федченко оставил после своих экспедиций в Туркестан интересные этнографические и антропологические сведения о расселении там узбеков и таджиков. Большим мастером этнографических наблюдений был М. В. Певцов⁵⁰. Интересные этнографические материалы и фольклор народов Западного Китая и Монголии собраны Г. Н. Потаниным⁵¹. П. К. Козлову принадлежит честь открытия мертвого города Хара-Хото — столицы тангутского государства Си-ся, а затем и памятников древней культуры гуннов в курганах-могильниках Ноинула⁵². Естествоиспытатель Г. Е. Грумм-Гржимайло создал капитальный труд по истории народов Центральной Азии⁵³.

История географических исследований Средней и Центральной Азии отечественной наукой дает многочисленные примеры плодотворного участия в них ученых-востоковедов. Мы уже говорили о входившем в состав посольства К. Ф. Бутенева в Бухару в 1841 г. молодом ориенталисте Н. Ханькове. Семнадцать лет спустя, в 1858 г., Н. В. Ханьков сам возглавил комплексную экспедицию Русского географического общества⁵⁴ для исследования Иранского нагорья. По свидетельству П. П. Семенова, Хорасанская экспедиция Н. В. Ханькова «по своему счастливому составу, объему и разнообразию своих исследований и обилию собранных на-

учных материалов была одним из успешных и даже блистательных предприятий Географического общества»⁵⁵. О результатах же деятельности самого Н. В. Ханыкова как разносторонне подготовленного ориенталиста можно судить по следующему отзыву П. П. Семенова: «Край подвергся подробному археологическому обзору, несомненно пролившему новый свет на его историю, и были собраны сведения, позволявшие пополнить то, что до того было известно о его этнографических элементах»⁵⁶.

Конец 60-х — начало 70-х годов XIX в. отмечены путешествиями русских востоковедов в различные районы Средней и Центральной Азии. Благодаря путешествиям, которые стали возможными в значительной мере лишь после присоединения Средней Азии к России⁵⁷, было проведено всестороннее историко-культурное, лингвистическое и этнографическое исследование малоизвестных земель и народов. Одним из первых русских востоковедов, совершивших поездку в Среднюю Азию, был известный уже тогда своими лингвистическими и этнографическими исследованиями учитель Барнаульской горной школы В. В. Радлов. В 1868 г. он совершил путешествие в восточные районы Бухарского ханства, откуда привез интересные этнографические и лингвистические материалы, а его отчет Русскому географическому обществу содержал подробные сведения о гидрографии и топографии Зеравшанской долины. Двумя годами позже В. В. Радлов совершил путешествие в Западную Монголию, в район г. Кобдо, где занимался лингвистическими исследованиями и изучал вопрос о торговле русских с Монголией. В это же время совершают поездки в Среднюю Азию и другие русские ориенталисты. Еще в 1858 г. состоялось первое знакомство со Средней Азией известного востоковеда П. И. Лерха, посетившего в составе миссии Н. П. Игнатьева Хиву и Бухару. А в 1867 г. по поручению Археологической комиссии Русского археологического общества он снова едет в Туркестан, где исследует древние памятники страны, составляет описание развалин Джанкента⁵⁸. Во время поездки им были собраны ценные нумизматические коллекции и восточные рукописи. Изучая монеты бухар-худатов⁵⁹, П. И. Лерх открыл древнесогдийскую письменность.

А. Л. Кун, будучи в 1868 г. прикомандирован к канцелярии туркестанского генерал-губернатора, искал остатки легендарной библиотеки Тимура в Самарканде и попутно собрал сведения о приобретенном там знаменитом «Коране» Османа. В 1871—1872 гг. он участвовал в Искандеркульской экспедиции А. П. Федченко, где занимался изучением быта таджиков и узбеков Верхнего Зеравшана. В 1873 г. Кун принял участие в Хивинском походе генерала Кауфмана. После взятия русскими войсками Хивы он приобрел там коллекцию восточных рукописей и документов, а также хивинских монет и печатей огромной ценности. В 1875 г. Кун побывал в Кокандском ханстве, где ему тоже удалось собрать много восточных рукописей, документов и предметов старины. Находясь в Средней Азии, он принимал активное участие в составлении знаменитого «Туркестанского альбома» — важного источника по истории и культуре народов Туркестана⁶⁰.

Одним из наиболее крупных русских специалистов по Средней Азии второй половины XIX в. был первый профессор кафедры истории Востока Петербургского университета В. В. Григорьев, весьма разносторонний ориенталист, имевший превосходную лингвистическую и историческую подготовку. Являясь специалистом в области восточной нумизматики, он первым из европейских ученых стал широко использовать ее данные для воссоздания истории народов Востока. В своих научных изысканиях В. В. Григорьев опирался не только на блестящую академическую подготовку, но и на личный многолетний опыт политической работы на Востоке. Он был активным участником и организатором деятельности Русского географического и Русского археологического обществ⁶¹. Из его многочисленных статей по истории Средней Азии наибольшую ценность представляют и поныне не утратившие своего значения работы: «О скифском народе саках», «О походах Александра Великого в Западный Туркестан», «Об отношениях кочевников к оседлым» и др. Составленные им дополнения к томам «Землеведения» К. Риттера, посвященным Афганистану и Восточному Туркестану, представляют собой собрание историко-культурных, географических и этнографических сведений об этих сопредельных с Россией районах Внутренней Азии⁶².

Другим выдающимся историком Средней Азии был современник В. В. Григорьева акад. В. В. Вельяминов-Зернов. Наиболее важные его работы в этой области посвящены изучению Кокандского ханства и сношений России со Средней Азией⁶³. 70-е годы отмечены появлением большого числа новых и интересных публикаций по Средней Азии. Это объяснялось не столько недавно свершившимся присоединением ее к России, сколько предшествующим развитием отечественного востоковедения, в котором среднеазиатские исследования и изучение сопредельных с Россией территорий Центральной Азии занимали почетное место. В эти годы публикуется книга о Хивинском ханстве ученика и преемника В. В. Григорьева на кафедре истории Востока Петербургского университета Н. И. Вессловского⁶⁴, историко-географический обзор Хивинского ханства П. Лерха⁶⁵, блестящее исследование талантливого русского востоковеда И. П. Минаева о Памире⁶⁶, книга В. П. Наливкина по истории Кокандского ханства⁶⁷. В 1876 г. в Петербурге был созван III Международный съезд (конгресс) ориенталистов. Выбор столицы России для проведения третьего (после Парижа и Лондона) конгресса, несомненно, был свидетельством международного признания заслуг русской науки в изучении Востока.

На заключительном заседании конгресса, обращаясь к русским ориенталистам, руководитель итальянской делегации Дегубернатис заявил: «С радостным удивлением узнали мы, сколько успели вы уже совершить и сколько обещаете еще предпринять на поприще изучения Востока. Уносим потому, возвращаясь в свои края, живейшую надежду, что вы по-прежнему будете оказывать обильные услуги науке, раскрывая для нас такие, почти неведомые страны, какова Средняя Азия»⁶⁸. Не случайным было и то, что программа петербургского конгресса востоковедов была в значительной мере ориентирована на обсуждение вопросов, связанных с историей и культурой народов азиатской части России и сопредельных с нею стран, т. е. Монголии, Западного Китая, Афганистана и Ирана⁶⁹.

Последняя четверть XIX и начало XX в. отмечены еще более заметным прогрессом востоковедных исследований в России. При этом развитие получили не толь-

ко традиционное филологическое востоковедение, базировавшееся на глубоком, всестороннем исследовании живых и мертвых языков и изучении восточных источников и литератур, но также и историко-культурные исследования, включавшие изучение памятников материальной культуры при широком применении вспомогательных исторических дисциплин, и в первую очередь археологии. Последнее стало возможным с получением доступа к памятникам культуры и развитием самой археологии: ее методологии и техники ведения раскопок.

Востоковедные исследования данного периода связываются с уже известными именами В. В. Григорьева, В. В. Радлова, Н. И. Веселовского, И. П. Минаева, В. П. Васильева, В. В. Вельяминова-Зернова, а также с новым поколением ориенталистов, арабистами В. Г. Тизенгаузеном и В. Р. Розеном, иранистами К. Г. Залеманом, В. А. Жуковским и А. Г. Туманским, тюркологами Н. Н. Пантусовым и П. М. Мелноранским, монголоведом А. М. Позднеевым и принадлежащими в большей степени к XX, чем к XIX в., историком Средней Азии и Ирана В. В. Бартольдом и индологом С. Ф. Ольденбургом.

Археологические исследования Средней Азии начались с обследования П. И. Лерхом памятников городов долины Сырдарьи. В 1884 г. Археологическая комиссия направила в долину Зеравшана и Фергану профессора кафедры истории Востока Петербургского университета Н. И. Веселовского. Целью экспедиции, рассчитанной на один год, было общее ознакомление с сохранившимися в Туркестане памятниками древности и средневековья. Н. И. Веселовский первым произвел раскопки городища Афрасиаб в Самарканде и составил его топографический план. В результате раскопок были обнаружены остатки памятников, носящих следы древнегреческой, древнеперсидской и буддийской культур. Экспедицией был установлен факт широкого распространения в Средней Азии буддизма в период до арабского завоевания. Н. И. Веселовский обследовал также архитектурные памятники средневекового Самарканда— Шахи-Зинда, гробницу Тимура и др.⁷⁰ Другую экспедицию под руководством В. А. Жуковского организовала Археологическая комиссия в Среднюю Азию. В ее задачи входило изучение археологических памятников За-

каспийского края, в первую очередь Мерва и его окрестностей. Результаты проведенного В. А. Жуковским в 1890 г. археологического обследования городищ старого Мерва и исследования всех доступных письменных источников вошли в его труд⁷¹, удостоенный большой золотой медали Русского археологического общества, а в среде востоковедов рассматривались как ценнейшее исследование по истории средневекового города и истории культуры Средней Азии. В. В. Бартольд писал, что результатом поездки В. А. Жуковского в Закаспийский край стал «капитальный труд о развалинах старого Мерва, заключающий в себе, кроме описания самих развалин, исследование о прошлом города, составленное по первоисточникам, какого нет до сих пор ни в одной из европейских литератур ни для одного из городов Средней Азии или Персии»⁷².

Последние десятилетия XIX в. ознаменовались организационным объединением отечественного востоковедения на базе Восточного отделения Русского археологического общества. Как уже упоминалось ранее, в работе Русского археологического общества и возникшего с первых лет его существования Восточного отделения принимали активное участие ведущие русские ориенталисты: П. С. Савельев, Х. Д. Френ, Дж. Топчибашев, Н. В. Ханыков, В. В. Вельяминов-Зернов, И. Н. Брезин, П. И. Лерх, В. В. Григорьев, В. Г. Тизенгаузен, К. П. Патканов и др.

Объединение востоковедных сил произошло главным образом после того, как в 1885 г. управляющим Восточным отделением Русского археологического общества был избран выдающийся арабист акад. В. Р. Розен, с чьим именем часто связывается и общий прогресс отечественной востоковедной науки конца XIX — начала XX в. Важную роль в этом деле сыграли созданные по инициативе В. Р. Розена и вышедшие под его редакцией «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»⁷³. По его настоянию правление Общества согласилось с тем, чтобы в изданиях Восточного отделения допускалось печатание не только археологических исследований, но также и трудов по истории и философии Востока. Организационное объединение востоковедов дало, как нам представляется, положительные результаты, поскольку оно не могло не

способствовать расширению базы востоковедения, представлявшей собой целый комплекс наук. Этим русское востоковедение выгодно отличалось от по преимуществу филологической западноевропейской ориенталистики.

Наиболее крупными событиями последних десятилетий XIX в. в области изучения культур Центральной Азии, по признанию многих историков отечественной науки, явилось открытие христианско-несторианских кладбищ в Семиречье и рунических надписей на р. Орхон в Монголии. Найденные Н. Н. Пантусовым и Ф. В. Поярковым в 1885 г. сирийско-тюркские надписи на надгробных камнях несторианских кладбищ позволили осветить малоизвестные факты распространения среди народов Средней Азии в VIII в. христианства несторианского толка⁷⁴. Экспедиция Н. М. Ядринцева, направленная в 1889 г. в Монголию Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества для определения места древней столицы монгольского государства Каракорума, обнаружила в долине р. Орхон памятники с двуязычными надписями⁷⁵.

Обнаруженные Н. М. Ядринцевым рунообразные надписи, подобные найденным двумя столетиями ранее в верховьях Енисея, сопровождалась текстом, который позволил расшифровать и прочесть эти древнейшие письменные памятники истории народов Центральной Азии VII—XI вв.⁷⁶ Это открытие послужило толчком к целой серии русских и иностранных экспедиций в Центральную Азию и положило начало новому направлению тюркологических исследований. В 1890 г. на Орхон отправилась экспедиция финских ученых, а в следующем году в Монголию была снаряжена комплексная экспедиция Российской Академии наук во главе с В. В. Радловым⁷⁷.

В 1893—1894 гг. датскому лингвисту В. Томсену удалось найти ключ для расшифровки, а акад. В. В. Радлову впервые прочесть написанные руническим письмом источники по древней и раннесредневековой истории Центральной Азии⁷⁸.

Последнее десятилетие XIX — начало XX в. отмечены весьма интересными открытиями, проливающими свет на древнюю и средневековую (до эпохи монгольских завоеваний) историю и культуру Восточного Туркестана. В научной литературе обсуждается вопрос о про-

исхождении памятников письменности и искусства Восточного Туркестана, носящих явные следы влияния Индии, Китая, Передней Азии и Греции. Материалом служили по большей части находки и наблюдения, сделанные попутно различными экспедициями и отдельными путешественниками, занимавшимися географическими исследованиями Центральной Азии. Сведения об обнаруженных в Восточном Туркестане остатках памятников когда-то высоко развитой культуры поступали от русских исследователей Центральной Азии: Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, братьев Грумм-Гржимайло, а также от английского путешественника Форсайта, француза Дютрей де Ренса, шведа Гедина. Большое количество древних памятников письменности доставил в Петербург российский генеральный консул в Кашгаре востоковед Н. Ф. Петровский. Основываясь на сообщениях Н. М. Пржевальского о памятниках Таримского бассейна, проф. И. П. Минаев высказал мысль о необходимости снарядить в Восточный Туркестан специальную археологическую экспедицию. Но при жизни И. П. Минаева она не состоялась. Толчком к организации такой экспедиции послужило изучение материалов, привезенных в Петербург экспедицией В. И. Роборовского и П. К. Козлова (Русское географическое общество) 1893—1895 гг. Именно тогда по инициативе акад. В. В. Радлова Академия наук направила в Восточный Туркестан небольшую археологическую экспедицию во главе с Д. А. Клеменцом для обследования памятников культуры Турфанского оазиса⁷⁰. Результаты ее превзошли все ожидания, а успех послужил стимулом для дальнейшего изучения Центральной Азии в историко-культурном отношении.

В это время происходит еще одно важное для последующего развития центральноазиатских культурных исследований событие — образование Международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Инициатива ее создания принадлежала русским ученым, в частности, представителю Российской Академии наук В. В. Радлову, выдвинувшему предложение о создании этой ассоциации на XII Международном конгрессе ориенталистов в Риме в 1899 г. Римский конгресс уполномочил В. В. Радло-

ва и С. Ф. Ольденбурга подготовить к следующему конгрессу проект устава нового союза, при этом его центральным комитетом должен был стать Русский комитет в Петербурге. XIII Международный конгресс ориенталистов, проходивший в Гамбурге в 1903 г., рассмотрел и одобрил подготовленный русскими учеными проект устава Ассоциации. На конгрессе был объявлен список ученых, представлявших в Ассоциации науку стран-участниц до создания в них национальных комитетов⁸⁰. В их число вошли такие известные исследователи истории, языков и культуры Центральной Азии, как А. Стейн, А. Вамбери, А. Грюнведель, В. Томсен, О. Доннер, Е. Сенар, А. Фуше. Центральный комитет Ассоциации в Петербурге возглавил акад. В. В. Радлов, в его Бюро вошли также профессора Восточного факультета Петербургского университета В. А. Жуковский, В. В. Бартольд и этнограф Л. Я. Штернберг⁸¹.

Уставом Ассоциации предусматривалось комплексное изучение Центральной Азии, включавшее исторические, лингвистические, археологические и этнографические исследования, что нашло отражение и в полном названии созданной научной организации⁸². Функции Центрального комитета Ассоциации состояли в поддержании постоянных контактов с исследователями Средней и Восточной Азии и сборе сведений о ведущихся исследованиях с целью информации всех национальных комитетов; в оказании помощи в организации научных экспедиций (включая совместные) и содействии в получении необходимых разрешений на исследования от правительств; в издании бюллетеня Ассоциации, в котором должны публиковаться сведения о деятельности национальных комитетов, о новых экспедициях и различных исследованиях. Петербургскому комитету вменялось в обязанность издавать на французском языке бюллетень Ассоциации.

Хотя Ассоциация и была обязана своим возникновением желанию ученых наладить сотрудничество в первую очередь в изучении памятников культуры Восточного Туркестана, само название говорило о том, что имелся в виду более обширный регион, включающий практически всю Внутреннюю Азию. Кроме того, при создании Ассоциации ее учредители договорились, что каждый национальный комитет сам определит геогра-

фические рамки предусматриваемых исследований и необходимые для этого средства.

В первые же годы своего существования новая Ассоциация стала важным инструментом международного научного сотрудничества, а Русский комитет благодаря неутомимой деятельности авторитетных руководителей действительно стал играть роль ее центрального органа. Выполнению этой роли в значительной мере способствовало издание в Петербурге бюллетеня Ассоциации⁸³. Первые годы деятельности новой Международной ассоциации совпали с заметным оживлением исследований в восточных областях Центральной Азии. В Восточный Туркестан направляются шведский путешественник С. Гедин, германские экспедиции Грюнведеля и Леккока, французская миссия под руководством Поля Пелльо, русские экспедиции П. К. Козлова и М. М. Березовского. Все они находят массу новых материалов, позволяющих правильно оценить вклад Центральной Азии в развитие мировой культуры. Русский комитет оказывал посильное содействие другим национальным комитетам в подготовке и проведении экспедиции в Центральную Азию, а также иностранным ученым, проводившим исследования в русской Азии. Весьма плодотворными были контакты комитета с венгерскими, финскими, французскими и датскими учеными. Бюллетень Ассоциации служил весьма ценным источником научной информации для ученых всех стран; то же самое можно сказать и об «Известиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии». Международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии во многом содействовала успеху научных исследований.

К сожалению, в Ассоциацию входили лишь представители европейской и американской науки⁸⁴. Однако иного и быть не могло. В начале XX в. народы Центральной Азии находились в колониальной или полуколониальной зависимости от крупных капиталистических держав. Полноправное участие ученых стран Центральной Азии в изучении своей собственной культуры стало возможным лишь в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в России и упорной борьбы народов других стран Азии против империализма, приведшей к достижению ими независимости.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮНЕСКО

Последние десятилетия XIX и первое десятилетие XX в. являются периодом завершения географического открытия Центральной Азии для науки и началом интенсивных исследований этого региона в историко-культурном отношении. Первая половина XX столетия характеризуется продолжением поисков новых источников, открытием археологами и путешественниками памятников культуры народов Центральной Азии эпохи древности и средневековья, куда входят архитектура, произведения прикладного искусства и живописи, восточные рукописи на ранее неизвестных языках. Значительное развитие получают центральноазиатская археология и этнографические исследования. Политические и социальные процессы начала XX в., получившие название «пробуждение Азии», коснулись и народов, населявших Центральную Азию. Они положили конец многовековой изоляции этой части материка от остального мира, способствовали расширению и углублению знаний о прошлом и настоящем региона, который по мере его изучения стали называть колыбелью человеческой цивилизации.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла перед народами бывшей колониальной окраины царской России — Туркестана — широкую дорогу политического, социального и культурного развития с перспективой быстрого перехода от феодализма к социализму. Включение образованных в Туркестане советских национальных республик в состав СССР способствовало не только их быстрому социальному, экономическому и культурному прогрессу, но и изуче-

нию богатого исторического прошлого и культуры. Прогресс в изучении культур народов Центральной Азии в 20—30-е годы связан в первую очередь с именами таких крупных представителей отечественного востоковедения, как В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, С. Е. Малов, А. М. Позднеев, Н. А. Невский, Ц. Жамцарано, И. М. Рейснер, А. А. Семенов, Е. Э. Бертельс, Б. Я. Владимирцев, С. А. Козин, А. Н. Самойлович, В. А. Вяткин. Некоторые из них начали свою научную деятельность в дореволюционное время и активно продолжили ее в советский период.

Последующие десятилетия отмечены значительным развитием археологических и этнографических исследований в советских республиках Средней Азии. Открытия советских археологов позволили заглянуть в глубину истории народов Средней Азии и по-новому оценить их вклад в мировую цивилизацию.

Объем настоящего издания не позволяет авторам дать даже краткий обзор истории изучения советскими учеными Средней Азии и соседних с нею стран Внутренней Азии. Успехи их в этой области достаточно хорошо известны и признаны специалистами во всем мире. Значительного прогресса изучение Внутренней (или Центральной) Азии достигло в последние десятилетия и в других странах. Это относится как к традиционным центрам востоковедной науки и археологии в странах Европы — Англии, Франции, Италии и др., так и к новым, образовавшимся в освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости от империалистических держав странах, входящих полностью или частично в ареал Центральной Азии, — Иране, Афганистане, Пакистане, Индии, Монгольской Народной Республике. На этом новом этапе именно интерес самих народов Центральной Азии к своей собственной истории и культурному наследию стал основным стимулом прогресса в данных областях знания. Теми же причинами объясняется и энтузиазм, с которым ученые многих стран Азии проявляли инициативу к международному сотрудничеству в востоковедных и азиатских исследованиях. Важными вехами вовлечения ученых стран Азии в международное сотрудничество были XXV Международный конгресс востоковедов в Москве в 1960 г. и XXVI Международный конгресс востоковедов в Нью-

Дели в 1964 г. Впервые за многолетнюю историю мировой ориенталистики учеными стран Азии были продемонстрированы значительные достижения национальной науки в области истории, экономики, филологии и культуры.

К этому же времени относится и зарождение международного научного сотрудничества в изучении культур Центральной Азии, опыт которого и является предметом настоящей работы. Истоки этого сотрудничества следует искать в истории создания основного проекта ЮНЕСКО — «Взаимного признания ценности культур Востока и Запада» (сокращенно — проект «Восток — Запад»), осуществлявшегося в рамках программы деятельности ЮНЕСКО в области культуры с 1957 по 1966 г. Проект «Восток — Запад», как это видно из приведенного выше его полного названия, был направлен на улучшение взаимопонимания между странами Востока и Запада посредством обоюдного ознакомления с культурными ценностями. Однако в силу сложившейся международной обстановки в начале второй половины XX столетия, характеризующейся пробуждением чувства национального самосознания у народов стран Востока, связанным с желанием познать свою собственную историю и культуру, а также сделать ее достоянием народов других стран, проект ЮНЕСКО стал по преимуществу востоковедным. В процессе осуществления проекта «Восток — Запад» изучение культур Востока было более активным, нежели культур Европы и Северной Америки. В рамках проекта были проведены международные встречи ученых, посвященные изучению восточных культур, а также предприняты шаги по организации международного научного сотрудничества; создавались региональные центры культурных исследований в странах Азии¹. Не являясь исследовательским предприятием, проект ЮНЕСКО не мог оказать заметного воздействия на развитие востоковедения, но тем не менее, как нам представляется, имел важное значение для организации международного сотрудничества в этой области науки при активном участии в ней ученых стран Азии. Проектом «Восток — Запад» было предусмотрено осуществление, при содействии ЮНЕСКО, ряда научных исследований в области восточных культур, и в первую очередь изучение цивилизаций

Центральной Азии. На последней сессии Международного комитета советников по проекту «Восток — Запад», проходившей в Париже в декабре 1965 г., некоторыми участниками, в том числе представителями науки и культуры Советского Союза, Индии, Ирана, Афганистана и Пакистана, были внесены конкретные предложения по изучению различных аспектов истории, литературы, искусства и философии народов Азии. Предложенные темы имели немаловажное значение для науки и в то же время отвечали интересам стран, их выдвинувших, так как речь шла об изучении культурного наследия, которое было общим для целого ряда азиатских стран. В качестве примера можно сослаться на инициативу советского эксперта, предложившего изучить историю кушанского государства, или афганское предложение об исследовании искусства эпохи тимуридов.

Рекомендации сессии Международного комитета советников были включены в проект «Программы и бюджета ЮНЕСКО на 1967—1968 гг.» в виде нового самостоятельного проекта «Изучение цивилизаций народов Центральной Азии», который был одобрен 14 сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, проходившей в Париже в конце 1966 г. В утвержденной программе говорилось, что цель проекта состоит в «лучшем ознакомлении с цивилизациями Центральной Азии посредством проведения археологических и исторических исследований, изучения литературы и истории науки»².

В подготовленном Секретариатом ЮНЕСКО «Информационном документе», содержащем обоснование нового проекта и более подробную, чем в общей программе ЮНЕСКО, информацию о нем, отмечалось, что проект «„Изучение цивилизаций народов Центральной Азии“ по своей сущности является *исследовательским* и *экспериментальным* исследовательским проектом... История народов Центральной Азии,— говорилось далее,— не была в достаточной мере изучена и известна миру. Главным образом по этой причине проект был включен в настоящую программу ЮНЕСКО. При этом исходили также из предположения, что прогресс в этой важной области исследований не может быть достигнут до тех пор, пока не будет осуществлено на практике тесное сотрудничество ученых из самого района Центральной Азии и ученых из других стран мира, и что

ЮНЕСКО идеально подходит роль организатора подобного сотрудничества»³.

В качестве главных практических задач на первое двухлетие действия проекта ставились следующие: а) организация системы научных институтов, которые примут участие в исследованиях и координации работ как специалистов из самого района Центральной Азии, так и других стран; б) создание исследовательских групп для работы по темам, представляющим наибольший интерес.

Проект предусматривал проведение исследований по пяти основным направлениям: археология и история Кушанской империи; история искусства народов Центральной Азии (гандхарское искусство и искусство эпохи тимуридов); вклад народов Центральной Азии в развитие науки; история идей и философии; литературы народов Центральной Азии.

В отношении географических рамок исследований по новому проекту в документах ЮНЕСКО указывалось, что они включают в себя советские республики Средней Азии, Афганистан, север Индии и (в то время Западного) Пакистана и Северо-Восточный Иран⁴. Там же отмечалась условность термина «Центральная Азия», входящего в название проекта ЮНЕСКО, и говорилось о различии между географическим и историческим понятием «Центральная Азия». «Центральноазиатский проект ЮНЕСКО,— подчеркивалось в „Информационном документе“,— имеет прежде всего отношение к району, где возникли древние государства Бактрия, Согдиана и Хорезм. Это место—колыбель цивилизации, которая на протяжении долгой истории была тесно связана и находилась в контакте с иранской и индийской цивилизациями, а в последние столетия до нашей эры испытала большое влияние со стороны эллинистической культуры. Здесь образовалась и процветала на протяжении почти пяти столетий Кушанская империя. Этот район был местом рождения двух религий: зороастризма и манихейства. Буддийская религия получила здесь новый импульс и развитие, то же было в более позднее время и с исламом...»⁵.

Таким образом, речь шла об изучении культуры народов, населяющих обширный географический район Внутренней Азии, судьбы которых на протяжении мно-

гих веков были тесно связаны. Средняя Азия и степные просторы к северу и востоку от нее, как полагают многие ученые, были заселены арийскими племенами, начавшими продвигаться отсюда в сторону нынешних Афганистана, Индии и Ирана в середине II тысячелетия до н. э. В результате этой миграции уже в начале исторического времени можно было наблюдать значительную общность народов, населявших Среднюю Азию, Иранское плато и север Индостанского полуострова. Культуры этих народов, имевших языковое и генетическое родство, тесно соприкасались и в более позднее время. Античные источники свидетельствуют о передвижении в IX—VIII вв. до н. э. отдельных групп ираноязычных племен из Средней Азии в Юго-Восточную Европу, а восточным пределом распространения этих племен стал Восточный Туркестан, где в III—II вв. до н. э. засвидетельствовано появление племен сакской группы.

Сложившиеся, по-видимому, в конце I тысячелетия до н. э. на территории Средней Азии и Афганистана государственные образования Бактрия, Согдиана и Хорезм впервые упоминаются в Бехистунской надписи как восточные владения иранской империи ахеменидов. Позже значительная часть территории Средней Азии, Афганистана и Индостана становится провинцией обширной империи Александра Македонского. В середине III в. до н. э. в этом же районе возникает Греко-Бактрийское царство, столетие спустя павшее под ударами пришедших из Туркестана кочевых племен юэчжей. Территория Греко-Бактрии служит пришельцам-кочевникам базой для создания еще более могущественной центральноазиатской державы — империи Великих кушан. Ее история насчитывает почти половину тысячелетия, а территория в период наибольшего расцвета империи — в первые века нашей эры — включает Среднюю Азию до Аральского и Каспийского морей, весь нынешний Афганистан и всю северную половину Индостана.

Существование различных народов в пределах одного государства имело своим следствием взаимопроникновение их культур. Кушанское, или гандхарское, искусство, представляющее собой синтез искусства различных народов Центральной Азии, а также эллинистического и римского, получило распространение далеко

за пределами государства кушан. Следы воздействия этого искусства, родиной которого считается древняя историческая область Гандхара, на границе нынешних Афганистана и Пакистана, несут на себе некоторые памятники искусства глубинных районов Восточного Туркестана. Они проникли в восточные районы Центральной Азии, по-видимому, теми же путями, какими следовали в древности торговые караваны, теми же путями, по которым шло распространение буддизма в первые века нашей эры.

Пришедшее на смену Кушанской империи государство эфталитов, или белых гуннов, история и происхождение которых столь же мало изучены, как и история кушан, тоже было центральноазиатским, так как в его пределы входила значительная часть Средней Азии, Афганистана, северные районы Индостана и часть Восточного Туркестана. Возникший в середине VI в. на землях Монголии и Алтая тюркский каганат тоже объединял обширные территории Центральной Азии. Созданная тюрками кочевая империя доходила на западе до сасанидского Ирана и Причерноморья, а на востоке ее данником был Китай. История средних веков дает нам и другие примеры сосуществования в рамках единого государства многих народов, населяющих регион Центральной Азии, как он был условно очерчен в документах ЮНЕСКО применительно к одноименному исследовательскому проекту. Так, в результате имевших место в VII и VIII вв. арабских завоеваний многие народы Центральной Азии оказались в составе Арабского халифата. История государств саманидов и газневидов — это история народов, населяющих ныне Среднюю Азию, Иран, Афганистан, Пакистан и Индию. Еще шире были географические пределы центральноазиатской империи монголов. В качестве других примеров средне- и центральноазиатских государств, история и культура которых является общей для многих народов региона, могут служить империи Тимура и Великих Моноголов.

Таким образом, мы видим, что на протяжении почти двух тысячелетий судьбы многих народов Центральной Азии были взаимосвязаны. Это породило известную общность их материальной и духовной культуры, отразилось на их языке и литературе. Отсюда, с одной сто-

роны, заинтересованность современных государств данного района в проведении исследований, а с другой — необходимость объединения усилий ученых этих стран в изучении во многом общего культурного наследия.

Естественно, что программа исследований по проекту ЮНЕСКО не могла объять все малонизученные аспекты истории и культуры народов Центральной Азии и даже те направления исследований, которые по предложению стран региона оказались включенными в программу и требовали уточнения. Необходимо было также решить, каким темам следует уделить преимущественное внимание и какие пути избрать для организации исследований в рамках международного сотрудничества. Обсуждением этих и многих других важных вопросов организации исследований должно было заняться международное совещание экспертов по Центральной Азии, проходившее с 24 по 28 апреля 1967 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже⁶.

Для участия в совещании были приглашены в первую очередь ученые из государств региона Центральной Азии — Афганистана, Индии, Ирана, Пакистана и СССР, являвшиеся основателями нового проекта ЮНЕСКО, а также востоковеды из Англии, Норвегии, Франции и Чехословакии. Повестка дня совещания предусматривала обсуждение и уточнение тематики исследований, определение приоритетных направлений, основных целей проекта, выбор метода организации регионального и международного сотрудничества, распределение ответственности за координацию исследований между различными странами — участницами проекта ЮНЕСКО и решение ряда других теоретических и практических вопросов.

В отношении целей проекта «Центральная Азия» участники совещания согласились в принципе с их формулировкой, содержащейся в программе ЮНЕСКО. При этом отмечалось, что новый проект должен предусматривать два аспекта деятельности: проведение фундаментальных научных исследований в рамках международного сотрудничества и распространение знаний о культурах Центральной Азии. Говоря о втором аспекте, эксперты подчеркивали, что сведения о научных открытиях в Центральной Азии являются до сего времени достоянием лишь небольшого числа специалистов. Оз-

накомление широких масс с той позитивной ролью, какую играли народы этой части мира в культурных контактах Востока и Запада и в развитии мировой цивилизации, заполнило бы пробел в знаниях людей и послужило бы делу международного взаимопонимания.

При рассмотрении плана работ участники совещания пришли к выводу, что темы исследований, которые будут включены в него, должны отвечать следующим требованиям: охватывать широкий географический район и представлять историко-культурный интерес для всех стран — основных участниц проекта «Центральная Азия»; изучать взаимоотношения и связи различных культурных традиций; основываться на организации регионального и международного сотрудничества и исследования, предусматривающего широкий междисциплинарный подход. В связи с последним требованием подчеркивалось, что изучение цивилизаций народов Центральной Азии должно идти другим путем, по сравнению с тем, которым шло востоковедение или отдельные его ветви, такие, как иранистика и тюркология. В данном случае основная задача состоит не в исследовании отдельных языков, литератур и историй того или иного народа, а в изучении взаимоотношений и связей культур, причин и характера их соприкосновения и взаимодействия⁷.

На совещании экспертов, естественно, возник вопрос о географических рамках проекта и об определении понятия «Центральная Азия». Резюме дискуссии по этому вопросу нашло отражение в «Окончательном докладе»: «Термин „Центральная Азия“ может пониматься по-разному, и всякие попытки установить его значение были бы противоречивыми. Район, указанный Генеральной конференцией ЮНЕСКО, несомненно, отвечает практическим целям. Осуществить проект будет, конечно, значительно легче благодаря точному географическому определению понятия „Центральная Азия“. Установленный район соответствует исторической и культурной реальности. Таким образом, проект может базироваться на районе, включающем советскую Среднюю Азию, Афганистан, Западный Пакистан, Северную Индию, а также Восточную часть Ирана»⁸.

На совещании экспертов были уточнены формулировки названных в документах ЮНЕСКО тем иссле-

дований и исходя из степени важности установлен следующий порядок их приоритета:

1. Археология и история Центральной Азии в кушанский период.
2. Искусство Центральной Азии в эпоху тимуридов⁹.
3. Вклад народов Центральной Азии в развитие науки (IX—XIII вв.).
4. Литература народов Центральной Азии.
5. История идей и философии Центральной Азии.

Хронологические рамки исследований по проекту были в значительной мере predetermined совокупностью включенных в него тем. Поэтому совещание отметило, что на начальной стадии осуществления проекта¹⁰ основное внимание будет уделяться изучению древних и средневековых культур. Тогда же была достигнута договоренность о включении в программу исследований на последующие годы некоторых тем, касающихся современных цивилизаций Центральной Азии¹¹.

Участники совещания экспертов обсудили практические вопросы организации исследований по основным темам в рамках международного сотрудничества и договорились, что ответственность за международную координацию работ по каждой из пяти тем возьмут на себя страны региона — основные участницы проекта ЮНЕСКО: Афганистан, СССР, Пакистан, Иран и Индия. Более детально были обсуждены вопросы организации и координации исследований по кушанскому периоду и искусству эпохи тимуридов.

Координационная ответственность за кушанские исследования была возложена на Афганистан, а точнее — на Афганское историческое общество¹². Эксперты отмечали необходимость применения при изучении кушанской цивилизации широкого междисциплинарного подхода, предусматривающего участие в этих исследованиях археологов, историков, искусствоведов, этнографов, нумизматов, палеографов, лингвистов. При этом подчеркивалось, что прогресс в изучении кушанской эпохи зависит в первую очередь от успехов археологических исследований. В этой связи говорилось о необходимости скорейшей организации археологических раскопок, ведущихся в странах Центральной Азии. Были приняты рекомендации о регистрации всех известных источников по кушанскому периоду и их публикации, а также по

составлению археологической карты Центральной Азии применительно к кушанскому времени.

Представитель СССР внес предложение о проведении осенью 1968 г. в г. Душанбе международной научной конференции по кушанской эпохе. В ее задачи должно было входить установление контактов между учеными стран региона и их ознакомление с достижениями советских ученых в области кушанской археологии, культуры и искусства.

Тема «Искусство Центральной Азии в эпоху тимуридов», как полагали участники совещания экспертов, не требовала проведения фундаментальных исследований, а нуждалась лишь в обобщении уже накопленных знаний в области тимуридской архитектуры, миниатюры, искусства каллиграфии и украшения книги и широкой популяризации знаний об этом блестящем периоде развития центральноазиатского искусства. Предложенная экспертами программа предусматривала подготовку объединенными усилиями специалистов разных стран публикаций по архитектуре и искусству книжной миниатюры, а также компиляцию сводного каталога рукописей тимуридского времени. Хронологически период исследования был ограничен рамками XIV—XVI вв. Координация работы по теме была возложена на советских ученых.

В отношении изучения истории науки также было признано целесообразным сосредоточить усилия только на популяризации знаний о том вкладе, какой внесли народы Центральной Азии в развитие мировой науки¹³. Совещание рекомендовало подготовку ряда публикаций, адресованных массовому читателю, в том числе: серии популярных брошюр, посвященных жизни и деятельности выдающихся ученых средневековья; антологии трудов Ал-Бируни; фундаментальной монографии по истории развития науки Центральной Азии в эпоху ислама.

Координацию работы по истории науки взяли на себя ученые Пакистана.

Организация международных исследований по литературе Центральной Азии была поручена Ирану¹⁴. По предложению иранского эксперта, проф. З. Сафы, на первом этапе работы предусматривалось изучение истории развития литературы до XIII в., т. е. до эпохи монгольского владычества. Как полагали эксперты, ме-

ждународное сотрудничество ученых должно было способствовать более объективной оценке того вклада, какой внесли в развитие литературы народы различных стран региона. Участники совещания поддержали инициативу чехословацкого литературоведа д-ра И. Бечки, предложившего в последующем двухлетии осуществления проекта ЮНЕСКО начать исследование по истории развития литератур Центральной Азии в новое время (XVII—XIX вв.).

В меньшей степени, чем все прочие, обсуждалась тема «История идей и философии». Признавая тот факт, что проект ЮНЕСКО предоставляет ученым редкую возможность изучения истории философской мысли и идей в Центральной Азии в их взаимосвязи и взаимозависимости, эксперты в то же время отметили необытность темы и необходимость выбрать для исследований наиболее важные и интересные ее аспекты. Это было поручено сделать индийским участникам проекта ЮНЕСКО.

Совещание экспертов по Центральной Азии в Париже, будучи сравнительно узким по числу участников и соответственно представленным ими научным дисциплинам, естественно, не могло выработать всеобъемлющую программу исследований и разрешить все практические вопросы. Но оно сделало очень много для организации ранее никогда не имевшего места сотрудничества ученых стран Азии в целях изучения общего культурного наследия. Совещание продемонстрировало огромную заинтересованность стран Центральной Азии в реализации проекта ЮНЕСКО. Вместе с тем участники совещания совершенно недвусмысленно заявили, что этот проект является не региональным, а в полном смысле слова международным, открытым для участия специалистов из всех стран мира. Выработанные совещанием экспертов методы организации совместных исследований служили делу практической организации сотрудничества весь первоначальный период осуществления проекта ЮНЕСКО.

Обязательства, взятые странами Центральной Азии по участию в совместных исследованиях и координации работ по отдельным направлениям, потребовали от них в первую очередь координации тех или иных исследований в национальных масштабах. Одновременно следовало найти (или создать) такие институты, которые

могли бы стать звеньями системы международного и регионального сотрудничества по проекту ЮНЕСКО. Во всех странах эти проблемы решались по-разному, в зависимости от степени развития тех или иных исследований, наличия институтов и специалистов. Но в каждой из них в решении вопросов, связанных с осуществлением международного сотрудничества по проекту «Центральная Азия», принимали участие национальные комиссии по делам ЮНЕСКО.

В Советском Союзе уже в конце 1967 г. при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО был учрежден Комитет по изучению цивилизаций Центральной Азии. Научно-организационной базой Комитета стал Институт востоковедения Академии наук СССР. В состав Комитета входили крупные ученые и представители ведущих научных учреждений советских республик Средней Азии. В Индии при Национальной комиссии по сотрудничеству с ЮНЕСКО был создан Национальный комитет советников по изучению Центральной Азии (National Advisory Committee for Central Asian Studies) под руководством генерального секретаря Индийской национальной комиссии по сотрудничеству с ЮНЕСКО. В Тегеране в 1968 г. в целях координации литературных исследований основан Центр по изучению литератур народов Центральной Азии (Centre pour l'étude des littératures des peuples de l'Asie Centrale). Его возглавил декан факультета словесности Тегеранского университета проф. З. Сафа — вице-президент Иранской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО. Вопросы участия афганских ученых в проекте ЮНЕСКО сначала занималось министерство информации и культуры Афганистана, а в конце 1968 г. при содействии и финансовой помощи ЮНЕСКО в Кабуле был создан Региональный центр по изучению истории кушан (Centre régionale pour l'étude d'histoire Kouchane). Руководителем Центра стал директор Афганского института археологии.

В Пакистане в первые годы существования проекта ЮНЕСКО не было научного центра, который занимался бы координацией центральноазиатских исследований. Эту работу выполняла Национальная комиссия Пакистана по делам ЮНЕСКО. Но начиная с 1969 г. центром координации исследований по истории развития науки в Центральной Азии стал Исламабадский универ-

ситет. Ответственным за координацию участия Пакистана в проекте ЮНЕСКО был назначен вице-канцлер этого университета проф. Р. Сиддики.

Функции общей организации и координации исследований по программе проекта Центральной Азии в целом ввиду отсутствия другого центра взял на себя отдел Секретариата ЮНЕСКО в Париже (Division of Cultural Studies, Department of Culture, UNESCO), несущий ответственность за осуществление программы культурных исследований¹⁵. Финансовые ассигнования ЮНЕСКО на осуществление проекта «Центральная Азия» были невелики¹⁶. Выделенных средств было недостаточно для обеспечения запланированных совещанием экспертов мероприятий, но и они оказались все же весьма важным подспорьем в организации работы по проекту. В 1967—1969 гг. Секретариат ЮНЕСКО заключил контракты с национальными комиссиями ЮНЕСКО стран Центральной Азии на проведение целого ряда организационных мероприятий и исследований, таких, как: подготовка международной конференции по истории, археологии и искусству Центральной Азии в Душанбе; подготовка книги по архитектуре Центральной Азии в эпоху тимуридов; создание регионального центра по истории кушан в Кабуле; написание обзоров по состоянию изучения истории развития науки, философской и политической мысли; составление библиографий.

В первое двухлетие основное внимание при организации исследований по проекту уделялось сотрудничеству ученых стран региона в изучении истории и археологии Центральной Азии в кушанскую эпоху — наиболее важной теме исследований по программе ЮНЕСКО.

Глава II

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КУШАНСКУЮ ЭПОХУ: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О существовании в сердце Азии в древности империи Великих кушан историкам стало известно из восточных источников, переводы которых на европейские языки были опубликованы в начале XIX в.¹ Несколько позже были открыты первые клады монет кушанских государей и большое количество памятников искусства, в основном скульптуры, соединяющие в себе черты эллинистического, римского и буддийского искусства Индии. По историческому названию местности, где были найдены эти памятники, искусство получило наименование гандхарского. Изучение обильного нумизматического материала и памятников искусства и сопоставление их с данными письменных источников позволили ученым еще в конце XIX — начале XX в. реконструировать в самых общих чертах политическую историю кушанского государства и определить хронологические рамки его существования: II в. до н. э. — IV в. н. э. Тогда же были выяснены имена наиболее важных правителей империи Великих кушан и в известной мере хронологическая последовательность их царствования.

Основателями Кушанского царства считают племена юэчжей. В начале II в. до н. э. эти племена, располагавшиеся примерно на территории современной китайской провинции Ганьсу, по соседству с хуннами и ханьским Китаем, подверглись нападению хуннов. Потерпев в борьбе с ними серьезные поражения в 176, а затем и в 174 г. до н. э., юэчжи откочевали на запад. Они попытались осесть в Средней Азии, в долине р. Или, но не смогли этого сделать из-за противодействия пле-

мени усуней. Продвигаясь еще далее на запад, юэчжи разгромили племена сэ, или саков, вынудив последних мигрировать на юг в сторону Бактрии. Сами же они заняли земли к северу от Амударьи. Юэчжи, как полагают ученые, осели на юге Средней Азии в начале второй половины II в. до н. э. После разгрома пришедшими из Средней Азии кочевниками-саками Греко-Бактрии юэчжи начали распространять свою власть на земли к югу от Амударьи. Но, как об этом свидетельствует посетивший Бактрию между 135 и 127 гг. до н. э. посол ханьского Китая Чжан Цянь, ставка правителей юэчжийского союза племен находилась в это время к северу от Амударьи².

В конце II — начале I в. до н. э. племена юэчжей постепенно овладели всей Бактрией, и, возможно, в середине I в. до н. э. предводитель племени, называемого в китайских источниках — гуйшун (отсюда название кушан), Киодзюкю, или Куджула, объявил себя верховным властителем юэчжийских племен. Куджула Кадфиз, первый из известных кушанских государей³, объединил под своей властью всю Бактрию и часть соседних с нею областей, положив конец царству Гермея — главы последнего греческого государственного образования в Северной Индии. Сын Куджулы Кадфиза — Вима Кадфиз (или Кадфиз II) распространил власть кушанских правителей на весь район верхнего Инда и западную часть бассейна Ганга. Ему на смену пришел Канишка — один из самых известных кушанских царей, с именем которого связывают наибольший экономический и культурный расцвет государства кушан. Империя Канишки включала кроме Средней Азии северные области Афганистана и Индостана. В первые века новой эры Кушанская империя играет чрезвычайно важную роль в политической, экономической и культурной жизни древнего мира и выступает в качестве достойного партнера в квартете «великих держав» своего времени наряду с Римом, Парфией и Китаем.

Нумизматические данные говорят о том, что Канишке наследовали кушанские государи Васишка, Хувишка, Канишка II и Васудева. Дальнейшая последовательность смены правителей империи пока не установлена с той долей уверенности, с какой ученые говорят о первых кушанских государях. Считается, что

в III в. н. э. начался процесс ослабления Кушанской империи: стала меньше подвластная ей территория, наметился упадок экономики и торговых связей, а также культуры и искусства. Нумизматический материал и письменные источники свидетельствуют о том, что в это время кушаны оказались в какой-то мере подвластны сасанидским правителям Ирана. Однако во второй половине IV в. н. э. Кушанское царство вновь усилилось. Основателем новой династии стал Кидара (или Цидоло — по китайским источникам). Власть династии кидаритов (или Малых кушан) в Центральной Азии продержалась до середины V в. н. э., когда Кушанская империя окончательно распалась, испытав на себе удары новых кочевых пришельцев с восточных земель Центральной Азии — племен эфталитов, известных в истории также под именем белых гуннов.

Уже на первых порах изучения истории кушанского государства ученые столкнулись с непреодолимой трудностью — проблемой кушанской хронологии. В распоряжении историков имелись материалы с указаниями на даты правления тех или иных кушанских царей, но их нельзя было сопоставить ни с одной из известных науке систем летосчисления. Невозможным оказалось определить хронологию царствования и самого знаменитого правителя Кушанской империи — Канишки; таким образом, XX век унаследовал от XIX вместе с большим материалом по истории кушанской эпохи и знаменитый вопрос о «датах Канишки».

В начале XX столетия кушанская историография насчитывала с десятков различных теорий хронологии правления Канишки. Еще в 1874 г. английский ученый Э. Томас первым предложил связывать нумизматические данные о хронологии правления Канишки с селевкидской эрой (начинающейся с 312 г. до н. э.). На этом основании Томас считал, что начало его царствования относится к последним годам I в. до н. э. Этому же мнения придерживался и французский синолог Сильвэн Леви, но уже на основании данных китайских источников. Британский ученый Д. Фергюссон предложил считать началом правления Канишки 78 г. до н. э. — первый год эры Шака. Его соотечественник, известный археолог и нумизмат А. Каннингэм, сначала придерживался того мнения, что правление Канишки следует

отсчитывать от начала эры Викрамы (т. е. от 57 г. до н. э.), но затем склонился к мысли, что его можно соотносить с началом эры Шака. И наконец, в 1892—1900 гг. индийские ученые Р. Дж. и Д. Р. Бхандаркар выдвинули совершенно отличную от всех прочих теорию, по которой даты Канишки относятся ко времени после 278 г. н. э. Английский индолог Винсент Смит в своем обзоре существовавших в начале XX столетия теорий кушанской хронологии справедливо заметил: «Ученый, изучающий индийские древности, оказывается совершенно сбитым с толку, когда сталкивается с девятью различными теориями кушанской хронологии, которые предлагают в качестве отправной точки отсчета времени правления Канишки годы, начиная от 57 г. до н. э. и до 278 г. н. э., что означает разницу в 335 лет»⁴. Сам же Смит предложил десятую версию отсчета дат Канишки. Он считал, что эра Канишки совпадает с распространенной в древности в Северной Индии эрой Лаукика. Тем самым Смит относил начало периода правления Канишки к 60-м годам I в. н. э.⁵

В июне 1913 г. в Лондоне после публикации в журнале Азиатского общества серии статей Дж. Кеннеди⁶, в которых предлагалась новая версия хронологии царствования кушанских правителей, была проведена научная дискуссия по этой проблеме. В ней приняли участие крупнейшие английские специалисты по кушанской эпохе — Ф. Томас, В. Смит, Э. Рапсон, Дж. Кеннеди и др. В дискуссии был затронут ряд вопросов относительно истории и культуры кушанской эпохи. Для доказательства правомерности тех или иных теорий хронологии правления Канишки приводились аргументы, базировавшиеся на обширном пумизматическом материале, данных палеографии, китайских и римских источниках, на выводах, сделанных в результате изучения памятников искусства и распространения буддизма. Утверждения Дж. Кеннеди о том, что Канишка правил в I в. до н. э. и что его царство включало лишь Северную Индию, нашли поддержку, но адепты иных теорий о «датах Канишки» остались при своих прежних убеждениях. Поэтому, заключая дискуссию, Ф. Томас отметил, что дебаты отнюдь не прояснили общей картины, хотя и способствовали лучшему пониманию частных вопросов⁷.

В период между двумя мировыми войнами и в последующее время происходило накопление материалов по кушанской эпохе. Их источником были в основном археологические раскопки, ареал которых значительно расширился, распространившись на территории Афганистана и советской Средней Азии. Проводились новые археологические исследования на севере Индии и Пакистана. В изучение истории кушанской эпохи включились представители национальной науки Афганистана и добившихся независимости после второй мировой войны Индии и Пакистана. Кушанская эпоха продолжала занимать умы многих европейских ученых. Библиография научных работ по ней состояла из многих сотен статей и книг, но проблема кушанской хронологии по-прежнему оставалась нерешенной.

В апреле 1960 г. в Лондоне была созвана конференция для обсуждения проблемы хронологии правления Канишки. Она привлекла к себе более широкий, чем в 1913 г., круг участников — историков, нумизматов, палеографов, археологов и искусствоведов — представителей науки разных стран. Но и вторая дискуссия по «датам Канишки» не принесла разрешения загадки знаменитого кушанского правителя⁸.

Проблема «дат Канишки» при всей ее важности для истории кушанского государства, и особенно политической истории, все же неоправданно долго приковывала внимание многих ученых и в какой-то мере отвлекала их от решения других, более важных задач по изучению истории и культуры кушанского времени. Накопленные за последние десятилетия материалы дают возможность воссоздать общую картину зарождения кушанского государства, составить представление об уровне его социального и экономического развития и характере культуры и искусства народов, входивших в состав этой обширной центральноазиатской империи. История кушанского государства — это почти полутысячелетнее прошлое народов Средней Азии и Афганистана, на протяжении нескольких столетий тесно связанное с историей народов современных Индии и Пакистана. Необходимость написания истории стран, входивших на заре нашей эры в состав кушанского государства, послужила импульсом для составления первых обобщающих трудов по кушанской эре. В основном в этих публикациях

она рассматривается лишь как часть истории народов Индии, Афганистана или Средней Азии⁹, что не позволяет получить представление о кушанском государстве в целом. Но эти исследования, бесспорно, являются необходимой ступенью для начала работы по составлению пока еще не написанной главы всемирной истории человечества¹⁰. Такую главу можно было создать лишь объединенными усилиями ученых из стран — наследниц культуры кушан и специалистов из других районов мира.

По мнению специалистов, достижение прогресса в изучении кушан во многом зависит от успехов археологических исследований в южных районах Средней Азии и в северной части Афганистана — на земле древней Бактрии, занимавшей центральное положение во владениях кушан. Изучение афганских древностей началось еще в начале XIX в. Тогда были найдены первые клады кушанских монет и проведены археологические раскопки. Систематические археологические исследования в современном смысле этого слова начались в Афганистане лишь в 20-е годы нашего века — после достижения страной политической независимости. Раскопками на афганской земле в течение многих лет занимались французские археологи, основавшие в начале 20-х годов в Кабуле постоянную археологическую миссию — «Délégation archéologique française en Afghanistan» (DAFA), которую поочередно возглавляли известные французские ученые А. Фуше, Ж. Акэн, Ж. Барту, А. Годар и Р. Гиршман. В результате исследований в Афганистане был получен богатый материал, во многом способствовавший выяснению вопросов истории кушанского государства, характера и происхождения так называемого греко-буддийского искусства, путей распространения буддизма и международных связей Кушанской империи. Работы французской археологической миссии в Афганистане были продолжены после окончания второй мировой войны сначала под руководством Д. Шлюмберже, а затем П. Бернара. Основными вехами их исследований можно считать открытие на севере Афганистана в Сурх-Котале святилища кушанских правителей (в 1951 г.) и первого греко-бактрийского города близ селения Ай-Ханум (1963). Продолжавшиеся в течение 20 лет раскопки храмового комплекса в Сурх-Котале подтвердили выд-

винутую руководителем работ Д. Шлюмберже гипотезу о греко-бактрийских корнях искусства Гандхары. В Сурх-Котале был найден, а потом и расшифрован усилиями ведущих специалистов мира первый памятник кушанской письменности. Строительная надпись Сурх-Котала впервые поведала о том, что языком кушан был ранее неизвестный миру бактрийский язык.

Послевоенный период отмечен также становлением и развитием афганской исторической науки. Основанное в 1942 г. Историческое общество Афганистана выпустило в свет два научных журнала: «Ариана» и «Афганистан». Афганские ученые принимали участие в исследованиях, проводившихся в стране французской, а затем и другими иностранными археологическими экспедициями.

В 1966 г. в Афганистане приступила к самостоятельным раскопкам первая национальная археологическая экспедиция. Она начала свою деятельность с изучения памятников кушанского времени. Были произведены раскопки в районе Хадды близ Желалабада¹¹. Первый же сезон работ (весной 1966 г.) на развалинах буддийского монастыря в Теле-Шотор, а также сезон 1966/67 г. доказали целесообразность продолжения исследований кушанских памятников долины Желалабада¹². Афганские ученые предприняли также раскопки в районе Кабула — в Каме-Заргар (Каписа) и Демире (в 30 км к северу от Кабула). Их самостоятельные археологические исследования получили дальнейшую поддержку, и в 1967 г. в Кабуле был создан первый национальный археологический центр — Афганский институт археологии.

Именно этот институт был выбран министерством информации и культуры Афганистана в качестве базы для создания регионального центра по кушанским исследованиям, который должен был взять на себя координацию работ по проекту ЮНЕСКО. Региональный центр (Centre régionale d'histoire Kouchane) был создан в августе 1968 г. Он получил финансовую помощь ЮНЕСКО на приобретение необходимого оборудования и доукомплектование библиотеки специальной литературой по кушанской проблеме. По согласованию с ЮНЕСКО Центр взял на себя работу по составлению текущей библиографии в области истории, археологии и

искусства Центральной Азии в кушанский период и сбору информации о результатах археологических исследований, ведущихся в Афганистане и соседних странах национальными институтами и иностранными миссиями.

В то же время в Советском Союзе Оргкомитетом Академии наук Таджикской ССР под руководством Комитета по изучению цивилизаций Центральной Азии велась большая работа по подготовке в Душанбе международной конференции ЮНЕСКО на тему «Археология, история и искусство Центральной Азии в кушанский период». В ней участвовали многие научные центры и ведущие специалисты из других республик Средней Азии, ученые Москвы и Ленинграда. Предварительная программа конференции в Душанбе предусматривала широкий междисциплинарный подход к основным проблемам кушанской эпохи. Время, отведенное для работы конференции, давало ее участникам возможность поочередно обсуждать все эти проблемы на пленарных заседаниях, в результате чего на них могли присутствовать представители различных дисциплин и отраслей науки — историки, археологи, искусствоведы, этнографы, специалисты по нумизматике и палеографии, лингвисты и представители других научных дисциплин.

В отличие от двух предшествующих научных дискуссий по кушанской проблематике, проходивших в 1913 и 1960 гг. в Лондоне, основной задачей которых было выяснение «дат Канишки», программа конференции в Душанбе предусматривала главным образом обсуждение проблем социальной, политической и культурной истории Центральной Азии:

1. Теории о происхождении кушан.
2. Политическая и социально-экономическая история кушанского государства, включая хронологию кушанского периода.
3. Происхождение кушанского искусства и анализ различных его школ.
4. Лингвистические проблемы, связанные с изучением кушан.
5. История религии в Центральной Азии в кушанский период¹³.

В то же время участникам конференции предлагалось обсудить ряд вопросов, связанных с планированием будущих исследований кушанского периода и организацией международного сотрудничества в рамках проекта ЮНЕСКО. В «Информационном документе» ЮНЕСКО были названы, в частности, следующие вопросы:

1. Перспективы и ориентация предстоящих исследований.

2. Планирование и координация будущих археологических раскопок, связанных с изучением кушанского периода.

3. Составление археологической карты Центральной Азии (специально для кушанского времени).

4. Составление международного Корпуса археологических и художественных памятников кушанской эпохи.

5. Координация исследований по истории Центральной Азии, ведущихся в рамках международного сотрудничества¹⁴.

Большое значение Оргкомитет и ЮНЕСКО придавали тому, чтобы собрать подлинно международную конференцию. При этом особенное внимание уделялось обеспечению максимально широкого участия в ней ученых из стран Центральной Азии — Афганистана, Индии, Ирана, Пакистана и СССР. То обстоятельство, что конференция проводилась в СССР, тоже имело немаловажное значение. Это давало возможность познакомиться зарубежным специалистам с результатами громадной работы, проделанной советскими учеными по изучению кушанской эпохи. Именно с этой целью Оргкомитет конференции подготовил к ее началу ряд специальных изданий на английском языке, дающих представление о советских работах по кушанской проблеме. Были изданы: аннотированная библиография работ советских ученых¹⁵, сборник докладов советских ученых¹⁶ и ряд других публикаций¹⁷. Кроме того, ко времени открытия конференции в Душанбе вышли в свет специальные выпуски научных журналов Академий наук Таджикской и Узбекской республик, посвященные кушанской проблеме. С этой же целью в Душанбе была устроена выставка «Культура и искусство Средней Азии в кушанский период», на которой зарубежные специалисты могли познакомиться с предметами материальной

культуры и искусства кушанского времени, обнаруженными советскими учеными на территории Средней Азии и хранящимися в музеях и научных институтах различных городов Советского Союза.

Комитет по изучению цивилизаций Центральной Азии при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, Организационный комитет Академии наук Таджикистана и Секретариат ЮНЕСКО провели значительную работу для того, чтобы оповестить о предстоящей конференции специалистов разных стран мира. Для этого были использованы проходившие в 1967—1968 гг. международные конференции и симпозиумы востоковедов и представителей других дисциплин: Международный семинар ЮНЕСКО по восточным рукописям в Кабуле (июль — август 1967 г.), XXVII Международный конгресс востоковедов в Анн Арборе (август 1967 г.), V Международный конгресс по иранскому искусству и археологии в Тегеране и Ширазе (апрель 1968 г.). Деятельная подготовка к конференции была проведена в Индии и Пакистане. В результате на конференцию ЮНЕСКО в Душанбе прибыло более 200 ученых из 18 стран мира — Англии, Афганистана, Болгарии, Венгрии, ГДР, Индии, Ирана, Италии, МНР, Пакистана, Польши, СССР, США, Турции, ФРГ, Франции, Швейцарии и Японии. Наиболее многочисленными были делегации стран региона Центральной Азии — СССР, Индии, Афганистана, Пакистана и Ирана. Торжественное открытие конференции состоялось 27 сентября 1968 г. На первом заседании был избран президиум конференции, ее рабочие органы¹⁸ и заслушаны приветствия Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, шахиншаха Ирана Мухаммеда Реза Пехлеви, Председателя Совета Министров Таджикской ССР и представителей Академии наук Таджикистана и Секретариата ЮНЕСКО. В заключение первого заседания с докладом «Кушанская эпоха и мировая цивилизация» выступил председатель конференции¹⁹.

На проходивших в последующие дни 11 пленарных заседаниях было заслушано более 100 научных докладов и сообщений, посвященных различным аспектам истории и культуры Центральной Азии кушанского времени²⁰. На одном из заседаний иностранным участникам конференции было сообщено о новых открытиях

советских археологов в Таджикистане и Узбекистане. Состоялись экскурсии к местам археологических раскопок в Аджина-тепе, Кафир-кала, Пянджикенте (Таджикистан) и Афрасиабе (Узбекистан).

Результаты научных дискуссий были обобщены на последнем пленарном заседании и нашли затем отражение в тексте итогового доклада конференции, опубликованного ЮНЕСКО²¹. В нем отмечался определенный прогресс, достигнутый в деле изучения основных проблем кушанских исследований: этнического происхождения, истории, хронологии, языка и письма, искусства и культурных контактов. Конференция дала реалистическую оценку перспектив кушанских исследований на ближайшее будущее и пришла к заключению, что главным направлением этих исследований является определение места кушанской культуры в истории мировой цивилизации.

Участники конференции с удовлетворением отметили тот факт, что в кушанских исследованиях все больше внимания уделяется изучению внутренней истории государства кушан, а также определению характера его социально-экономической структуры. При этом подчеркивалась необходимость расширения археологических исследований на всей территории бывшей Кушанской империи и координации деятельности экспедиций.

Участники конференции выразили пожелание более глубоко изучить и классифицировать нумизматический материал. В отношении кушанской хронологии конференция в Душанбе не достигла удовлетворительных результатов, и ученые отложили решение этой проблемы до поступления новых данных.

В результате обсуждения проблем языка и письма был подтвержден вывод о том, что бактрийский язык следует считать языком кушан. В этой связи подчеркивалась необходимость проведения дальнейших исследований в области кушанской филологии и палеографии, а также публикации Корпуса бактрийских надписей.

«Сложность кушанской проблемы и масса специальных работ, разбросанных в большом числе не всегда легко доступных публикаций,— говорилось в заключительном докладе,— ставят вопрос о необходимости составления подробной историографии с тем, чтобы довести кушанскую проблему до сведения исследователей,

специализирующихся в смежных областях, и заручиться их помощью, которая во многих случаях могла бы быть весьма ценной»²². Доклад констатирует достижение определенного прогресса в понимании и толковании процессов зарождения и развития кушанского искусства. В нем отмечается, что новые археологические находки, обнаруженные в Афганистане, советской Средней Азии, Пакистане и Индии, требуют пересмотра прежних взглядов на искусство кушан как просто буддийское или греко-буддийское. Недавние раскопки выявили ряд местных школ кушанского искусства, свидетельствующих о важной роли светского направления в этом искусстве. Все это требует пересмотра вопроса о вкладе различных народов Центральной Азии в создание кушанского искусства и культуры²³.

Участники конференции отметили положительную роль междисциплинарного метода при изучении кушанского периода и важное значение международного сотрудничества для достижения успеха в этих исследованиях. Особое значение при этом придавалось активному включению в изучение кушанской эпохи ученых из стран Центральной Азии. Признавая положительную роль ЮНЕСКО в организации и координации исследований по проекту Центральной Азии, участники конференции обратились к ЮНЕСКО с просьбой продлить срок действия проекта и оказать финансовую помощь для публикации материалов конференции в Душанбе²⁴.

Два пленарных заседания были специально посвящены обсуждению вопросов организации международного сотрудничества. Конференция одобрила рекомендацию парижского совещания экспертов по проекту «Центральная Азия» 1967 г. о подготовке монографии «История Центральной Азии в кушанский период» и постановила создать международную редакционную коллегию, в обязанность которой входили бы составление плана книги и практическая организация работы над ней. Монография должна суммировать результаты исследований, проведенных учеными различных стран, отражать современный уровень знаний по истории кушан и способствовать широкому распространению знаний о культуре народов Центральной Азии в кушанский период.

Конференция одобрила создание Международного

консультативного комитета по кушанским исследованиям²⁵. Его задачи заключались в следующем: оказывать содействие изучению кушанского периода путем организации и координации работы международных исследовательских групп; подготовить предложения о новых темах исследований и публикаций перед проведением международных совещаний или конференций по изучению кушанской культуры, а также выработать их программы и определить место проведения этих встреч. Одновременно были рассмотрены — и получили одобрение — предложения о создании следующих международных исследовательских групп по проблемам:

археология Центральной Азии в кушанский период (одна из первоочередных задач — составление археологической карты Центральной Азии);

общественные и экономические отношения в Кушанской империи;

религия и идеология;

искусство;

нумизматика;

эпиграфика.

Международная конференция ЮНЕСКО в Душанбе имела несомненный успех. В ее работе приняли участие крупнейшие специалисты по кушанскому периоду из различных стран мира: английский нумизмат Д. Мак-Доуэл; индийские археологи и историки А. Гхош, Б. Пури и Д. Сиркар; пакистанские археологи А. Дани и Ф. Хан; венгерский специалист по центральноазиатской палеографии Я. Харматта; афганские археолог Ш. Мустаминди и историк А. Хабиби; французские археологи Р. Гиршман и Д. Шлюмберже; иранский историк А. Сами и итальянский археолог Д. Фаченна²⁶. В конференции приняли участие и многие молодые ученые. Очень полно была представлена на ней советская наука²⁷. Обсуждение всех узловых проблем истории и культуры кушан дало новый толчок научным исследованиям в области кушановедения. Конференция сыграла положительную роль в деле распространения знаний о культурах народов Центральной Азии и их вклада в мировую цивилизацию. Отчеты о конференции публиковались в научных журналах и других изданиях многих стран мира²⁸.

Координацию деятельности различных археологиче-

ских экспедиций поручили, как мы уже говорили, учрежденному в Кабуле при содействии ЮНЕСКО Региональному центру по изучению истории кушан. В качестве первого шага было решено провести международную встречу археологов, работающих в Афганистане и других странах Центральной Азии. Эта встреча, получившая название Международного совещания ЮНЕСКО по координации археологических исследований в Центральной Азии, была организована министерством информации и культуры Афганистана в Кабуле в мае 1970 г. Программа, составленная организаторами встречи при консультации с ЮНЕСКО, включала следующие пункты: обмен мнениями о возможности эффективного сотрудничества в проведении археологических исследований в Афганистане и соседних странах Центральной Азии; координация других исследований, касающихся цивилизации Центральной Азии в кушанскую эпоху, и обсуждение плана публикаций ЮНЕСКО по этой теме; защита и сохранность исторических памятников²⁹.

Наряду с обсуждением названных выше вопросов программа предусматривала возможность проведения неофициальных групповых консультаций, а также посещения участниками наиболее интересных мест археологических раскопок в Афганистане. Иностранные ученые смогли совершить поездки в район Хадды (на Тепе-Шотор), Беграм, Сурх-Коталь, Ай-Ханум и познакомиться с ходом работ, проводившихся совместно индийскими и афганскими специалистами, по реставрации буддийских памятников Бамиана.

В состав делегации стран Центральной Азии входили ответственные руководители национальных археологических служб и крупные специалисты по истории и культуре кушанского периода. Из Индии, например, приехали генеральный директор археологических исследований Б. Лал и его предшественник на этом посту А. Гхош, из Пакистана — генеральный директор Археологической службы Ф. А. Хан, из Ирана — профессор Тегеранского университета Шах Хуссейни, из Советского Союза — президент Академии наук Таджикистана М. С. Асимов (глава делегации), руководитель археологических раскопок кушанских памятников в Узбекистане (Халчаян и Дальверзин-тепе) Г. А. Пугаченкова и

заместитель руководителя Афгано-советской археологической экспедиции И. Т. Кругликова. В состав делегации Афганистана входили: президент Исторического общества Афганистана А. Х. Хабиби, директор Института археологии Ш. Мустаминди, профессора Кабульского университета Ф. Этемади и Мир Хуссейн Шах³⁰. Иностранные археологические миссии, работающие в Афганистане, представляли: французскую — П. Бернар, итальянскую — М. Таддеи, американскую — Л. Дюпре³¹. В совещании принимали участие эксперты по кушанскому периоду и из других стран — США (Б. Роуланд), Англии (Д. Мак-Доуэл), ФРГ (К. Фишер³² и К. Шипман) и Франции (Д. Фуссман).

После торжественного открытия совещания, на котором присутствовали руководители правительства Афганистана³³ состоялся обмен информацией о результатах археологических исследований, связанных с кушанским периодом в Афганистане и сопредельных странах. Затем обсуждались практические вопросы организации международного сотрудничества в кушанских исследованиях. Для быстрейшего и регулярного обмена информацией о последних результатах исследований участники совещания приняли решение о выпуске в Кабуле ежегодного информационного бюллетеня, включающего сведения об открытиях в области археологии кушанского периода, сделанных в различных районах Центральной Азии, а также новейшую библиографию по данной проблеме. Ответственность за регулярную его публикацию взял на себя Региональный центр по изучению истории кушан, который объявил, что бюллетень будет представлять собой специальный выпуск журнала «Афганистан» — органа Исторического общества Афганистана. Представители стран — участниц совещания обещали регулярно присылать необходимую для бюллетеня информацию Региональному центру в Кабуле³⁴.

Второй важный вопрос повестки дня — запланированная ЮНЕСКО публикация, посвященная культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Представитель ЮНЕСКО предложил на рассмотрение ученых два варианта такого издания: монографическое исследование «История Центральной Азии в кушанский период», которое было рекомендовано совещанием экспертов в Париже, и художественный альбом по искусству и куль-

туре кушан с вводной статьей о кушанской цивилизации. После продолжительного обсуждения участники совещания пришли к единому мнению, что подготовка монографии займет очень много времени, а недостаток источников и невыясненность кушанской хронологии станут труднопреодолимыми препятствиями в этой работе. Учитывая же необходимость ознакомить с известными науке данными о кушанской эпохе широкие читательские круги, было принято решение об издании альбома. «Альбом кушанского искусства и архитектуры» должен иметь вводную статью, содержащую краткий очерк по истории кушанской цивилизации в Центральной Азии, а также тексты, комментирующие иллюстративную часть, которая должна включать не только изображения отдельных предметов высокой художественной ценности, но и давать представление о народном искусстве кушанского периода. По общему согласию при отборе иллюстраций для альбома предпочтение следует отдавать малоизвестным и новым материалам. Ответственным редактором издания был рекомендован американский ученый Б. Роуланд, при этом имелось в виду, что издание ЮНЕСКО будет подготовлено силами ведущих специалистов по истории, культуре и искусству кушанского времени из разных стран³⁵.

В резолюциях семинара отмечалась его положительная роль для координации международных исследований. Было предложено проводить такие встречи в Кабуле регулярно каждые два года.

Совещание 1970 г. в Кабуле было полезным дополнением к Международной конференции по кушанскому периоду в Душанбе. Если на последней основное внимание уделялось проблемам теоретическим, то встреча в Кабуле была посвящена в первую очередь практическим вопросам (координация исследований и подготовка публикаций). Совещание имело и большое политическое значение. Молодая афганская историческая наука продемонстрировала свою зрелость и получила международное признание. Это послужило стимулом для еще более активного участия ученых Афганистана в осуществлении международной программы по изучению цивилизаций Центральной Азии³⁶.

Осуществление проекта ЮНЕСКО и большое внимание, которое уделялось в рамках этого проекта кушан-

ской цивилизации, способствовали оживлению деятельности ученых мира в данной области исследований. На страницах научных журналов и изданий, рассчитанных на массового читателя, появилось большое количество статей о кушанской эпохе, послуживших делу распространения знаний о вкладе народов древней Центральной Азии в мировую цивилизацию. Ценным приобретением для кушанской науки стали труды конференции в Душанбе и информационный бюллетень по кушанским исследованиям. Последний издается под эгидой Исторического и литературного общества Афганской академии и Генеральной дирекции археологии и охраны исторических памятников³⁷. Одним из важных результатов предпринятых в рамках программы ЮНЕСКО усилий явилась заметная активизация археологических исследований кушанского периода во всех странах Центральной Азии.

ВЕХИ

МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА:

ДЕЛИ, САМАРКАНД, КАБУЛ,

ИСЛАМАБАД, УЛАН-БАТОР

Осуществление проекта ЮНЕСКО по изучению цивилизаций Центральной Азии не ограничилось проведением мер по развитию кушанских исследований и их координации. Одновременно велась работа и по другим темам проекта: по искусству эпохи тимуридов, истории развития науки, литератур Центральной Азии и истории идей и философии. Выполнение этой работы в соответствии с решениями, принятыми на совещании экспертов в Париже, и на основании соглашений с ЮНЕСКО взяли на себя научные центры и национальные комитеты ЮНЕСКО — Индии, Ирана, Пакистана и Советского Союза.

В первое двухлетие ученые этих стран составляли предварительные обзоры центральноазиатских исследований, собирали библиографические данные, привлекали к участию в работе по проекту ЮНЕСКО новые научные центры и отдельных специалистов. В каждой из стран эта работа давала возможность решить две основные задачи: организацию региональных исследований по теме, за которую ученые данной страны несли координационную ответственность, и обеспечение участия представителей национальной науки в мероприятиях и исследованиях по другим темам проекта.

Первым значительным событием следующего двухлетия (1969—1970) осуществления проекта стала международная конференция на тему «Центральная Азия: движение народов и идей с древнейших времен до наших дней». Она была проведена в Индии в феврале 1969 г. Это мероприятие не планировалось программой цен-

тральноазиатских исследований ЮНЕСКО, и инициатива по его проведению принадлежала целиком Индии, а именно Индийскому совету по культурным связям (Indian Council for Cultural Relations). Конференция сыграла важную роль в развитии центральноазиатских исследований в самой Индии и укреплении международного научного сотрудничества по проекту ЮНЕСКО.

Еще в начале 60-х годов Индийский совет по культурным связям провел в Дели научную конференцию по истории Азии, на которой, в частности, была вынесена рекомендация практиковать периодический созыв региональных научных симпозиумов и семинаров, посвященных истории Индии и ее культурным связям с другими странами Азии. Спустя несколько лет Индийским советом по культурным связям были организованы семинары: «Индия и арабский мир» (1965) и «Индия и Юго-Восточная Азия» (1966). Появление в программе ЮНЕСКО проекта «Центральная Азия», возможно, навело на мысль о том, что предметом обсуждения следующего международного мероприятия могут стать исторические и культурные связи Индии со странами этого региона¹. Во всяком случае, уже на первом этапе развития проекта Индийская национальная комиссия по сотрудничеству с ЮНЕСКО обратилась в Секретариат ЮНЕСКО с просьбой об оказании помощи в проведении в Нью-Дели международной конференции на тему «Индия и Центральная Азия: движение народов и идей».

Ознакомление с программой конференции показало, что она в большой степени связана с направлением исследований по проекту ЮНЕСКО и может стать важным средством популяризации знаний по истории и культуре народов Центральной Азии и организации международного сотрудничества ученых. Учитывая это, ЮНЕСКО оказала поддержку проведению конференции в Индии².

Конференция проводилась в Нью-Дели с 11 по 15 февраля. Для участия в ней приехали делегации и отдельные ученые из Англии, Афганистана, Ирана, Италии, Монголии, СССР³, США и Турции. Очень активным было участие в конференции ученых Индии. Доклады и сообщения участников конференции читались и обсуждались на заседаниях четырех секций. Они были посвящены основной теме конференции — исто-

рии народов и истории идей в Центральной Азии и затрагивали различные периоды истории: эпоху древности, средние века, новое и новейшее время.

На заседаниях секций древней истории Центральной Азии в известной мере была продолжена дискуссия по кушанской эпохе, начатая на конференции в Душанбе, что в целом вполне соответствовало задачам проекта. Большой интерес в этом плане представляла работа секции нового и новейшего времени, поскольку она явилась первым шагом на пути к осуществлению предложения — включить в проект исследования по современной Центральной Азии⁴. На заключительном заседании конференция приняла решение о включении в проект ЮНЕСКО этого предложения⁵, а также исследования по литературам Центральной Азии в XVI—XIX вв. Обсудив предварительный доклад о состоянии изучения истории идей и философии в странах Центральной Азии, подготовленный Центром высших философских исследований Мадрасского университета, участники конференции приняли резолюцию о созыве в Индии международного симпозиума ЮНЕСКО по истории философии и общественной мысли⁶.

Конференция в Нью-Дели имела большое значение. Она содействовала более активному участию индийских ученых в исследованиях по проблемам Центральной Азии.

Не случайно, что вскоре после окончания работ конференции, а именно в апреле 1969 г., в Дели было проведено первое заседание Национального консультативного комитета по изучению Центральной Азии при Индийской национальной комиссии по сотрудничеству с ЮНЕСКО. На повестке дня были следующие вопросы:

1. Общий обзор проекта ЮНЕСКО по изучению Центральной Азии и осуществлению исследований по пяти основным темам.

2. Обсуждение отчетов об участии в этой работе индийских научных институтов и центров.

3. Рассмотрение рекомендаций и решений конференции в Нью-Дели.

4. Обсуждение доклада, подготовленного Центром высших философских исследований Мадрасского университета, о современном состоянии изучения истории философии и идей в Центральной Азии.

5. Рассмотрение предложений Национального института по истории науки и археологической службы Индии по организации исследований в рамках проекта ЮНЕСКО.

Рассмотрев эти вопросы, Комитет принял ряд рекомендаций, включая решения о том, какие именно индийские научные институты будут осуществлять координацию ведущихся в Индии работ по основным темам проекта. Координация исследований по кушанской эпохе была поручена Археологической службе Индии (Archaeological Survey of India), а изучение искусства тимуридского времени — Национальному музею в Дели (National Museum). Ответственность за организацию работы по истории развития науки была возложена на Национальный институт науки и департамент истории Алигархского университета (National Institute of Sciences of India and Aligarh Muslim University), по литературоведению — на Алигархский университет и Азиатское общество в Калькутте (Asiatic Society of Calcutta), а по истории идей и философии — на Мадрасский университет (Centre of Advanced Study in Philosophy, University of Madras). На этом же заседании были организованы индийские консультативные комитеты по кушанским исследованиям и по изучению истории развития науки⁷. В состав комитетов вошли ведущие специалисты Индии по кушанской проблеме и по истории науки.

Руководителем Комитета по археологии и истории Центральной Азии в кушанский период был назначен генеральный директор Археологической службы Индии Б. Б. Лал, членами комитета стали Дж. Р. Шарма, А. К. Нарайн, Б. Н. Пури, П. Баннерджи, Б. Н. Мукерджи, М. Н. Дешпанде и Б. К. Тхапар. Комитет начал свою самостоятельную деятельность с проведения в июле 1969 г. совещания в Дели. На нем был рассмотрен и утвержден план работы, предусматривающий подготовку аннотированной библиографии по кушанскому периоду, составление каталога памятников гандхарской скульптуры в Индии и проведение новых раскопок памятников кушанского времени, включая возобновление раскопок в бывшей столице кушанских царей Матхуре.

Консультативный комитет по теме «История идей и философии в Центральной Азии» на одном из своих за-

седаний в начале 1970 г. утвердил программу исследований, включавшую следующие темы:

1. Религиозные и философские идеи.
2. История социальных и политических идей.
3. Символы, мифы и легенды в искусстве и архитектуре (от кушанского периода до эпохи монголов).
4. Научные, исторические и географические идеи.

На этом заседании было решено, что общее, во всеиндийском масштабе, руководство исследованиями в области истории идей и философии будет осуществляться одним из факультетов университета в Дели.

В числе индийских научных учреждений, участвующих в осуществлении проекта, были названы Алигархский мусульманский университет и университеты в Патне и Аллахабаде. Делийскому университету было поручено подготовить предложения о научной конференции истории идей и философии в Центральной Азии. Она явилась бы отправным пунктом для организации международных исследований по теме в рамках проекта⁸.

Координацию региональных исследований по искусству Центральной Азии в эпоху тимуридов поручили ученым Советского Союза, и работа в этом направлении была предпринята еще в первом двухлетии проекта ЮНЕСКО. В основу плана работ по теме «Искусство тимуридов» были положены рекомендации парижского совещания экспертов 1967 г., предусматривавшие подготовку публикаций по тимуридской архитектуре и художественному оформлению рукописных книг той эпохи, составление реестра сохранившихся в странах Центральной Азии памятников искусства эпохи тимуридов и сводного каталога рукописей того времени⁹. В качестве первого шага по осуществлению этой программы советские искусствоведы предприняли подготовку издания альбома памятников тимуридской архитектуры. Комитет по изучению цивилизаций Центральной Азии и Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО поручили выполнение этой работы коллективу ученых Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры Узбекской ССР в Ташкенте¹⁰.

Изучая эту проблему в предварительном порядке, советские ученые выяснили, что работе по подготовке публикаций, предназначенных для широких кругов, должно предшествовать проведение серьезных исследований.

Возникло много вопросов, связанных с определением хронологических рамок периода. Необходимо было установить принципы, на основе которых те или иные памятники относились к разряду «тимуридских». Требовала уточнения география распространения памятников. Большие сложности представляла и международная координация работы по теме. Организаторы исследований пришли к мысли о необходимости международных встреч специалистов по искусству эпохи тимуридов, на которых эти проблемы могли быть решены. По предложению советских ученых в программу ЮНЕСКО на 1969—1970 гг. был включен пункт, предусматривавший организацию в 1969 г. в Советском Союзе в рамках проекта «Центральная Азия» международного симпозиума по искусству эпохи тимуридов¹¹.

Местом для проведения симпозиума был выбран Самарканд — некогда столица среднеазиатской империи, славящаяся блестящими памятниками средневекового зодчества, значительная часть которых создана в эпоху правления династии тимуридов.

Подготовкой симпозиума в Самарканде занимался образованный при Академии наук Узбекистана Организационный комитет, работавший в контакте с Комитетом по изучению цивилизаций Центральной Азии и Секретариатом ЮНЕСКО¹².

Программа симпозиума включала два основных направления работы: обсуждение проблем теории и истории искусства и выработку практических рекомендаций по международному сотрудничеству в деле подготовки публикаций ЮНЕСКО.

Для большей эффективности предстоящего симпозиума Секретариат ЮНЕСКО предложил заблаговременно подготовить доклады по основным проблемам теории и истории искусства тимуридов, которые могли бы послужить отправным материалом для дискуссии. Написанные ведущими специалистами из разных стран мира доклады были переведены на несколько языков и распространены до начала работы в Самарканде. Они были посвящены архитектуре, миниатюрной живописи, каллиграфии, искусству украшения рукописной книги и прикладному искусству народов Центральной Азии тимуридского времени¹³. На обсуждение выносились также проблемы периодизации истории развития искусства

тимуридов и географических границ исследования. Информационный документ ЮНЕСКО о симпозиуме в Самарканде подчеркивал важность выяснения значения самого термина «тимуридское искусство», получившего широкое распространение в среде специалистов по восточному искусству. Там, в частности, отмечалось, что термин «тимуридское» употребляется в проекте ЮНЕСКО как условное название для искусства народов Центральной Азии в период с конца XIV до начала XVI в., совпадающий с временем существования государства Тимура и его преемников¹⁴.

Симпозиум в Самарканде открылся приветственными речами представителя Генерального директора ЮНЕСКО и председателя советского Комитета по изучению цивилизаций Центральной Азии. От имени ученых Узбекистана с речью выступил президент Академии наук УзССР А. С. Садыков. Был зачитан доклад вице-президента Академии наук Узбекистана И. М. Муминова «Об исторических корнях возникновения и развития искусства Средней Азии эпохи тимуридов». В нем говорилось, что предпосылкой развития и подъема среднеазиатского искусства явилась имевшая место в XIV—XV вв. политическая консолидация Средней Азии. Возникшее в это время в Мавераннахре искусство вобрало в себя лучшие достижения художественной и технической мысли народов Среднего и Ближнего Востока. Искусство эпохи тимуридов, по мнению И. М. Муминова, явилось отражением взаимосвязи и взаимовлияния культур Средней Азии, Афганистана, Ирана и Арабского Востока¹⁵.

Учитывая разногласия, возникшие еще в период предварительных консультаций по программе в понимании термина «тимуридское искусство», а также в отношении географических рамок его распространения и периодизации, Секретариат симпозиума вынес обсуждение этих важных вопросов на первое пленарное заседание, предваряя им дискуссию по архитектуре, миниатюре и другим разделам темы. Дискуссия по общим проблемам подтвердила наличие различных мнений по вопросу о содержании термина «тимуридское искусство» и правомерности его применения в научной литературе, в том числе и в международном исследовании, предпринятом под эгидой ЮНЕСКО. Некоторые противники употреб-

ления термина выдвигали для обоснования своей точки зрения географические аргументы. Так, например, они считали, что границы распространения памятников искусства, называемого «тимуридским», выходят далеко за пределы государства тимуридов. Другие добавляли к этому и соображения, основанные на хронологии развития искусства. По их мнению, «тимуридский стиль» в искусстве Центральной Азии намного пережил государства тимуридов, сохранившись в Индии вплоть до конца эпохи Великих Моголов. В выступлениях некоторых ученых прозвучало несогласие с употреблением термина, выражающего явно династийный характер и никак не характеризующего само искусство этого времени, а также высказывания, связанные с недоброй памятью, которую оставил в истории своей жестокостью основатель империи — «железный хромец» Тимур. В то же время многие участники дискуссий, соглашаясь с высказанными доводами, отстаивали возможность использования термина «тимуридское искусство», ссылаясь на давность сложившейся в науке традиции. В окончательном докладе, заслушанном на последнем заседании симпозиума, был подведен итог дискуссии и отмечено, что термин можно использовать в практических целях во время дискуссии на симпозиуме, но ответственным за подготовку публикаций следует подыскать новое название, дающее ясное представление как о географическом распространении этого искусства, так и о периоде истории, связанном с ним¹⁶.

Выступившие по вопросу о географическом распространении «тимуридского искусства» говорили о затруднениях, которые возникают при определении пространственных рамок исследования. Если это легче сделать применительно к архитектуре, где сохранившиеся «на месте» памятники помогают определению границ, то в отношении миниатюры и искусства оформления рукописной книги это намного сложнее. Участники дискуссии пришли к выводу, что географические рамки исследования не могут определяться лишь границами тимуридских владений. Искусство указанного периода должно изучаться в пределах его распространения, включающих территории советской Средней Азии, Афганистана и Ирана. По времени исследование должно касаться как периода зарождения в конце XIV в. в искусстве Цен-

тральной Азии «тимуридского стиля», так и эпохи его расцвета и распространения в середине следующего столетия и постепенного упадка, приходящегося на начало XVI в.

За дискуссией по общим проблемам последовало обсуждение вопросов архитектуры, миниатюры, искусства украшения рукописной книги и прикладного искусства. Оно носило широкий характер и выявило много вопросов, нуждающихся в дополнительном изучении¹⁷. В то же время дискуссия послужила теоретической базой и для определения структуры и содержания будущих публикаций ЮНЕСКО по искусству тимуридского времени. Вопросы, связанные с характером публикаций и организацией работы по их подготовке, обсуждались на заседаниях двух рабочих групп, сформированных из числа участников симпозиума. Одна из них занималась вопросами подготовки публикаций по архитектуре, вторая — по миниатюрной живописи¹⁸.

Члены рабочей группы по архитектуре ознакомились с первым вариантом текста альбома по архитектуре и иллюстрированным материалам, который был подготовлен по контракту с ЮНЕСКО коллективом советских авторов. Группа одобрила проделанную работу и разработала рекомендации на будущее. Предложения и рекомендации касались названия альбома¹⁹, формы преподнесения материала, объема издания и характера иллюстраций, состава международной редакционной коллегии, которая должна была включать представителей науки Афганистана, Ирана и СССР. Была разработана также единая схема описания памятников для каталога монументов архитектуры Центральной Азии, составляющего важную часть издания. Она предусматривала представление следующих данных: название и местонахождение памятника, краткие сведения об истории постройки здания, характерных чертах архитектуры, современном состоянии памятника, его основных измерениях и имевших место реставрационных работах.

На заседании группы обсуждались вопросы, связанные с углубленным исследованием тимуридского зодчества в рамках международного сотрудничества. Был одобрен перечень тем, разработка которых представляет особую важность. Все эти предложения нашли отражение в рекомендациях рабочей группы, опубликованных

в виде приложения к итоговому докладу симпозиума²⁰.

Рабочая группа по искусству миниатюрной живописи в отличие от специалистов по архитектуре не имела заранее подготовленных для обсуждения материалов или плана публикаций. Ее участники согласились с предложением ЮНЕСКО о том, чтобы планируемое издание было посвящено не просто искусству миниатюры, а искусству художественного оформления рукописной книги, что включает наряду с миниатюрой искусство каллиграфии, художественного украшения рукописи и книжного переплета. Поэтому в первом пункте рекомендаций рабочей группы говорится, что публикацию следует озаглавить: «Искусство книги в Центральной Азии в XV веке (во времена тимуридов)»²¹, а в последующем пункте поясняется, что именно включается в понятие «искусство рукописной книги» — миниатюра и украшения рукописи, искусство каллиграфии и переплета.

Было решено также, что при отборе материала для публикации ЮНЕСКО предпочтение будет отдаваться материалам или ранее неизучавшимся, или неопубликованным. В основу плана главы, посвященной миниатюре, был положен принцип рассмотрения этого искусства по основным школам и центрам создания художественных рукописей.

Группа представила на одобрение пленарного заседания симпозиума предложение по составу авторов, которые примут участие в работе над альбомом по искусству рукописной книги²².

На заключительном пленарном заседании доклады обеих рабочих групп были одобрены и получили силу рекомендаций для авторских коллективов по подготовке публикаций ЮНЕСКО по архитектуре и искусству рукописной книги. Пленарное заседание поддержало предложение группы участников симпозиума о подготовке третьего альбома по искусству эпохи тимуридов, посвященного прикладному искусству, и их просьбу о включении этой публикации в планы ЮНЕСКО. Симпозиум оказал также поддержку афганским ученым, обратившимся к ЮНЕСКО с просьбой об оказании технической и финансовой помощи в деле сохранения и восстановления памятников культуры Афганистана. С большим воодушевлением было принято приветственное послание иностранных участников симпозиума советским ученым

по случаю предстоявшего празднования столетия со дня рождения В. И. Ленина²³.

Рассказ о самаркандском симпозиуме будет неполным, если не сказать о том, что участники этой встречи получили возможность ознакомиться со специально подготовленной к открытию симпозиума выставкой произведений изобразительного и прикладного искусства тимуридского времени, экспонаты которой были привезены из десятков различных музеев, научных институтов и частных коллекций. Участники симпозиума имели возможность ознакомиться с памятниками искусства, музейными коллекциями и хранилищами рукописей в Самарканде, Бухаре и Ташкенте.

В связи с проведением симпозиума в Самарканде советскими учеными был подготовлен ряд печатных изданий по темам этой встречи. Среди них — публикации основных докладов советских ученых по архитектуре и искусству каллиграфии тимуридского времени, художественный альбом «Миниатюры Бабур-наме»²⁴, «Каталог всесоюзной выставки искусства тимуридского периода»²⁵, специальный выпуск журнала «Социальные науки в Узбекистане», содержащий наряду со статьями обширную библиографию работ советских ученых по искусству Центральной Азии²⁶, и другие издания.

Таким образом, симпозиум в Самарканде оказался весьма эффективным и в плане научно-исследовательском, и в области организации работы по подготовке публикаций. Работа симпозиума получила высокую оценку в выступлениях многих его участников, а также представителей международных организаций, научных союзов, присутствовавших на его заседаниях, и Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО²⁷.

1970 год был отмечен проведением двух крупных мероприятий — совещания в Кабуле по координации археологических исследований, о котором подробно рассказывалось в предыдущей главе, и международного симпозиума по истории развития науки в столице Пакистана Исламабаде.

Ученые Пакистана принимали активное участие в международных предприятиях проекта — в конференциях и исследованиях по кушанской истории и археологии²⁸, по истории центральноазиатского искусства. С некоторым запозданием, которое объяснялось внутриво-

литическими осложнениями в стране, пакистанские ученые предприняли шаги по организации региональных исследований по теме «Вклад народов Центральной Азии в мировую науку». Было решено и по этой теме провести международную встречу специалистов. Ее подготовкой по поручению Пакистанской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО занялся Исламабадский университет²⁹.

Программа встречи была согласована с ЮНЕСКО и определялась темой исследования, рекомендованной совещанием экспертов в Париже: «Вклад народов Центральной Азии в развитие науки в IX—XIII вв.», а также задачами подготовки публикаций. Подготовленный пакистанскими учеными симпозиум по истории науки был проведен в Исламабаде с 23 по 30 сентября 1970 г. В нем приняли участие специалисты пяти стран — Афганистана, Индии, Ирана, Пакистана и Советского Союза. Повестка дня включала общую дискуссию по проекту ЮНЕСКО и ведущимся в его рамках исследованиям, обсуждение направлений работы по теме симпозиума, отбор тем для публикаций по истории науки, консультации по составу международных исследовательских групп и авторских коллективов и методам региональной координации работы. Организаторы симпозиума подготовили к его открытию ряд материалов и документов. Среди них доклады: «Центральная Азия в IX—XIII вв., некоторые аспекты развития науки и культуры» (Н. Ахмад, Дакка), «Вклад мусульманских ученых в математику и астрономию» (Р. Сиддики, Исламабад), «Взгляд на культуру ислама: изобретения и открытия» (Ф. Курейши, Лахор), «В. В. Бартольд: его жизнь и труды (1869—1930)» (Инаятулла, Лахор), «Краткий обзор развития науки в Центральной Азии в период с 900 г. по 1300 г.» (Ш. Х. Сиддики, Карачи) и др.³⁰.

Участники симпозиума одобрили тему исследования по истории развития науки в той формулировке, в какой она предлагалась в программных документах проекта «Центральная Азия», однако рекомендовали расширение хронологических рамок исследования за счет включения периода, предшествующего IX в., и времени после XIII в. В отчете симпозиума содержится рекомендация подготовить серию монографий из семи книг о вкладе ученых Центральной Азии в развитие

науки. Во изменение решений парижского совещания экспертов о том, что предметом исследования будут только точные и естественные науки, симпозиум в Исламабаде рекомендовал включить в программу раздел о развитии общественных наук в Центральной Азии. Участники симпозиума высказались в пользу публикации не только фундаментальных монографий по истории развития науки, но и серии популярных брошюр о жизни и деятельности наиболее замечательных ученых Центральной Азии эпохи средневековья и антологии трудов Ал-Бируни.

Согласованная на симпозиуме схема организации работ по истории развития науки предусматривала, что роль международного координационного центра исследований по данной теме будет выполнять Исламабадский университет. Были приняты также решения о создании международного консультативного комитета, в состав которого должны войти ученые из пяти стран региона и представитель ЮНЕСКО, и об учреждении международного редакционного совета по подготовке предусмотренных программой ЮНЕСКО публикаций.

Участники симпозиума обратились к ЮНЕСКО с просьбой о продлении срока действия проекта по изучению цивилизаций Центральной Азии и об оказании помощи в проведении в ближайшие годы в рамках проекта ряда новых научных мероприятий, включая конференцию по проблемам социального и культурного развития стран региона в новое и новейшее время³¹.

Заканчивая историю экспериментального периода развития проекта ЮНЕСКО по изучению Центральной Азии, следовало бы сказать несколько слов об участии в нем Монгольской Народной Республики. Монголия, как известно, не входила в число стран, по чьей инициативе создавался проект. Она также не принадлежала к той ограниченной части региона Центральной Азии, к которой относились исследования, вошедшие в программу ЮНЕСКО на 1967—1970 гг. Но уже в первые годы осуществления проекта монгольские ученые проявили к нему живейший интерес и приняли участие в целом ряде мероприятий, в частности в работе международных конференций ЮНЕСКО в Душанбе, Нью-Дели и Самарканде. А в конце 1968 г. Академия наук МНР об-

ратилась к ЮНЕСКО с просьбой о расширении рамок исследований по проекту «Центральная Азия» и включении МНР в число стран — участниц проекта. Огромный объем запланированной на четырехлетие программы исследований и ограниченность времени и выделенных на ее выполнение средств в бюджете ЮНЕСКО не позволили внести столь важные изменения в текущую программу. Но инициатива монгольских ученых встретила понимание и благожелательное отношение со стороны всех стран — участниц проекта. И потому уже в программе на 1969—1970 гг., утвержденной 15-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, мы находим упоминание о возможном расширении географических рамок исследований по проекту «Центральная Азия» за счет их распространения на Монгольскую Народную Республику³².

В программе ЮНЕСКО на 1969—1970 гг. не было упоминания о новых темах, которые имели бы отношение к восточной части Центральной Азии, включающей Монголию, но в действительности этот период отмечен активизацией участия монгольских ученых в проекте ЮНЕСКО. Кроме того, ЮНЕСКО оказала содействие в выполнении проектов, имеющих целью распространение знаний об истории и культуре монгольского народа. Из них наиболее важным является помощь ЮНЕСКО в издании на английском языке написанной коллективом монгольских и советских ученых «Истории МНР»³³ и в подготовке Международного конгресса монголоведов.

Этот конгресс проводился в Улан-Баторе 2—7 сентября 1970 г. Организованный Академией наук МНР при содействии ЮНЕСКО, он явился важным этапом в развитии монголистики и отличался от предшествующего конгресса значительным расширением диапазона этой отрасли востоковедения. Если раньше она включала лишь филологические и исторические исследования, то на конгрессе в Улан-Баторе монголоведение было представлено также исследованиями в области этнографии, археологии, философии, искусства, права и экономики³⁴. Как это было обусловлено соглашением с ЮНЕСКО, конгресс имел также цель выработать рекомендации относительно тем исследований, которые могли быть включены в программу изучения культур Центральной

Азии. Одна из них — «Роль кочевых народов в формировании и развитии культур Центральной Азии».

Конец 1970 г. был отмечен и официальным включением Монгольской Народной Республики в число стран — участниц проекта ЮНЕСКО по изучению Центральной Азии. В программе ЮНЕСКО на 1971—1972 гг., утвержденной 16-й сессией Генеральной конференции, по поводу участия МНР в центральноазиатских исследованиях говорилось, что «рамки проекта будут расширены путем включения в него Монголии и новых тем исследования, рекомендованных II Международным конгрессом монголоведов, состоявшимся в 1970 г.»³⁵. Но об этом новом этапе исследований по проекту «Центральная Азия» будет рассказано в следующих главах.

Глава IV

ИТОГИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПЕРИОДА (1967—1970) И ПЕРСПЕКТИВЫ

В декабре 1970 г. закончился экспериментальный период осуществления проекта ЮНЕСКО по изучению цивилизаций Центральной Азии. Четыре года, прошедших со времени 14-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО,— срок неизмеримо малый по сравнению с объемом работ, предусмотренных проектом. Как отмечалось в докладе совещания экспертов в Париже, для получения результатов исследований даже по тщательно отобранном темам был необходим опытный четырехлетний срок¹.

За это время была выяснена степень полезности нового предприятия ЮНЕСКО и его эффективность как средства организации международного сотрудничества ученых, перспективность тех или иных исследований, испытаны на практике методы международного и регионального сотрудничества.

Основная задача экспериментального периода — налаживание плодотворного сотрудничества стран Центральной Азии в изучении истории и культуры этого региона, без чего успех исследований невозможен или весьма затруднен. Выполнение этой задачи облегчалось благодаря доброй воле к сотрудничеству стран региона, организационной и финансовой помощи ЮНЕСКО, а также международному авторитету этой организации, взявшей на себя роль координатора проекта. Естественно, этого было недостаточно для налаживания эффективного сотрудничества. Политика «разделяй и властвуй», проводившаяся колониальными державами в течение столетий, привела к тому, что культурные контакты между странами региона почти совсем прекрати-

лись и организация научного сотрудничества по проекту ЮНЕСКО была в известной степени историческим экспериментом.

Значительные трудности имелись и в организации исследований в самих странах, участвующих в проекте. Даже там, где имелась достаточно развитая сеть исследовательских институтов и университетов, не сразу нашлись центры, способные выполнять сложную работу по организации междисциплинарных исследований, сопряженную с координированием этих исследований в региональном и международном плане. Поэтому в большинстве стран были созданы специальные координационные комитеты, связанные, с одной стороны, с национальными комиссиями ЮНЕСКО, что облегчало осуществление международных контактов, а с другой — с научными центрами и университетами своей страны. Однако их создание потребовало много времени, а в некоторых странах затянулось до последнего года экспериментального четырехлетнего периода². В этих случаях роль координаторов участия страны в международных исследованиях выполняли национальные комиссии по делам ЮНЕСКО. Тем не менее к концу опытного периода во всех странах региона были определены или созданы центры, которые занимались организацией центральноазиатских исследований на национальном уровне. Что касается международной и региональной координации по проекту в целом, то в связи с отсутствием специального центра она обеспечивалась Секретариатом ЮНЕСКО в Париже, а также проводившимися международными конференциями, в которых обычно участвовали представители науки и культуры всех стран — участники проекта «Центральная Азия». Одно из важных достижений экспериментального периода — завершение институционализации проекта, т. е. процесса создания в регионе системы сотрудничающих научных учреждений.

Начались международные исследования по двум основным темам программы, намеченным в 1967 г.: истории археологии Центральной Азии в кушанский период и искусству эпохи тимуридов. Конференция по кушанскому периоду в Душанбе и координационное совещание в Кабуле способствовали организации широкого международного сотрудничества ученых в археологиче-

ских и исторических исследованиях и подготовке совместных публикаций. Издание Региональным центром в Кабуле бюллетеня сделало возможным регулярный обмен научной информацией по проблеме. Значительные успехи наблюдались и в организации исследований по искусству Центральной Азии эпохи тимуридов. Важными элементами его стали самаркандская конференция и практическая работа по написанию силами международных авторских групп трудов по архитектуре и искусству рукописной книги.

В конце рассматриваемого периода были намечены основные направления в изучении истории развития науки в Центральной Азии и создан центр по координации этих исследований в Пакистане. В Индии провели предварительное исследование по изучению истории философии Центральной Азии в странах региона для определения наиболее важных направлений работы в рамках проекта ЮНЕСКО, завершившееся интересной научной конференцией. Однако начать международные исследования до конца 1970 г. не удалось. Что касается изучения литератур, то здесь ограничились составлением плана совместной монографии о литературных течениях в Центральной Азии.

Большое внимание уделялось в течение экспериментального периода и второму направлению в работе по проекту ЮНЕСКО, а именно распространению знаний о культурах народов Центральной Азии и их вкладе в развитие общечеловеческой культуры. В различных странах региона были проведены международные конференции и симпозиумы, сопровождавшиеся организацией выставок и публикацией довольно обширной литературы. Распространению знаний служила и работа по подготовке изданий ЮНЕСКО по искусству. Мы уже говорили, что проект «Центральная Азия» повлек за собой публикацию ряда статей в журналах «Курьер ЮНЕСКО», «Журнал всемирной истории», «Новости ЮНЕСКО», «Хроника ЮНЕСКО», откуда они перепечатывались в научных и популярных изданиях многих стран мира. В эти же годы ЮНЕСКО предприняла производство цветного фильма для телевидения, посвященного искусству стран региона, к работе над которым были привлечены специалисты из СССР, Афганистана, Индии, Ирана и Пакистана³.

Центральноазиатский проект был экспериментальным и для самой программы культурных исследований ЮНЕСКО, поскольку он первый из серии региональных проектов по изучению культур народов Азии. Благодаря его популярности в странах региона, эффективности организации международного научного и культурного сотрудничества, а также положительной оценке самой ЮНЕСКО, срок действия программы по изучению культур Центральной Азии был продлен. Проходившая в конце 1970 г. 16-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО приняла резолюцию, в которой говорилось о необходимости «продолжить специальные исследования и публикацию работ о наиболее оригинальных аспектах цивилизаций Центральной Азии»⁴.

В новую программу на 1971—1972 гг. кроме работы по всем пяти темам проекта входило изучение современных аспектов цивилизаций Центральной Азии и расширение географического района исследования⁵. В 1972 г. намечалось провести в столице Туркменской ССР Ашхабаде международную конференцию по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. В связи с продлением срока действия проекта «Центральная Азия» возникла необходимость подвести итоги проделанной работы и составить новый план исследований и публикаций с учетом директив, утвержденных Генеральной конференцией. Секретариатом ЮНЕСКО было созвано новое консультативное совещание по проекту. Оно проводилось в штаб-квартире ЮНЕСКО в апреле—мае 1971 г.—четыре года спустя после первого совещания экспертов в Париже. Для участия в консультативном совещании пригласили ученых, ответственных за координацию исследований в странах региона, а также специалистов из стран Европы⁶.

Главной задачей совещания было проведение консультаций и неофициальное обсуждение с сотрудниками Секретариата ЮНЕСКО технических проблем, связанных с осуществлением проекта. Имелось в виду, в частности, обсудить планы и сроки подготовки публикаций ЮНЕСКО по искусству Центральной Азии, по истории науки и литературы⁷.

Выступая на открытии совещания, помощник генерального директора ЮНЕСКО по социальным наукам

и культуре Р. Хоггарт высоко оценил проделанную за четыре года работу и заявил, что проект «Центральная Азия» — хороший пример научного и культурного сотрудничества. Он отметил необходимость изучения проблем современной Центральной Азии и подчеркнул важность распространения знаний о культурах региона, поскольку большинство человечества почти ничего не знает об этом интереснейшем перекрестке мировых цивилизаций⁸.

Оценивая результаты четырех лет работы, совещание консультантов в своем итоговом докладе констатировало, что проект «Центральная Азия» положил начало научным исследованиям, послужил делу укрепления существующих в странах региона институтов, обеспечил условия для международного сотрудничества, которое способствовало координации исследований по различным дисциплинам, выходящим за рамки границ отдельных государств, и, в общем, «успешно служил целям планирования, стимулирования и международной координации»⁹.

В докладе подчеркивается положительная роль международных научных конференций и симпозиумов, проведенных за четырехлетие в рамках проекта ЮНЕСКО¹⁰, в организации и координации исследований и подготовке публикаций, а также в том, что они «предоставили ученым из стран Центральной Азии такую возможность встретиться друг с другом, какой в прошлом у них никогда не имелось».

Важным результатом проведенной работы, имеющей значение и для последующего развития центральноазиатских исследований, явилось создание в 1967—1970 гг. в странах — участницах проекта центров по координации национальных и региональных исследований. В докладе упомянуты следующие центры:

1. Комитет по изучению цивилизаций Центральной Азии (Москва, 1967 г.).

2. Региональный центр по изучению истории кушан (Кабул, 1968 г.).

3. Национальный комитет советников по изучению Центральной Азии (Нью-Дели, 1968 г.).

4. Центр по изучению истории науки при Исламабадском университете (Исламабад, 1970 г.).

5. Центр по изучению литератур народов Централь-

ной Азии и Иранский комитет по координации изучения цивилизаций народов Центральной Азии (Тегеран, 1968 и 1970 гг. соответственно).

В докладе отмечалась незначительная результативность подготовки публикаций, а именно запланированных в рамках проекта ЮНЕСКО серии альбомов по искусству Центральной Азии. Однако было установлено, что это произошло из-за нехватки времени и недостаточной финансовой помощи ЮНЕСКО. В связи с этим участники совещания обратили внимание Секретариата ЮНЕСКО на то, что программа публикаций окажется малоэффективной и в будущем, если ее финансовое обеспечение радикальным образом не изменится.

На совещании были детально обсуждены планы всех публикаций, предусмотренных программой «Центральная Азия», а именно: альбома по искусству и архитектуре кушанской эпохи; альбома по архитектуре Центральной Азии (XIV—XVI вв.); альбома по искусству рукописной книги в Центральной Азии (XIV—XVI вв.), атласа индо-тибетской медицины¹¹; антологии трудов Ал-Бируни; монографии по литературам Центральной Азии (период средних веков).

После разъяснения Секретариата о новой ориентации изданий ЮНЕСКО по искусству участники совещания согласились с тем, что альбомы должны быть ориентированы не на специалистов, а на широкие круги читателей¹². В программу публикаций вошли предложения об издании по линии ЮНЕСКО работ «Вклад народов Центральной Азии в развитие науки» и «История Центральной Азии» в трех томах. Последнее издание рассматривалось как необходимое дополнение к опубликованной многотомной «Всемирной истории человечества», где история народов Центральной Азии не нашла удовлетворительного отражения¹³.

На совещании в Париже обсуждался вопрос и о новых темах программы исследований проекта «Центральная Азия». Консультанты одобрили рекомендацию Генеральной конференции о включении в программу исследования «Социальное и культурное развитие стран Центральной Азии в XIX—XX вв.». Затем была утверждена программа международной конференции в Ашхабаде, посвященной данной теме, представленная советским участником совещания.

Другие предложения по темам исследования были связаны с присоединением к странам — участницам проекта ЮНЕСКО Монгольской Народной Республики. В программу вошли две новые темы: «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» и «Этногенез народов Центральной Азии». Обе темы были рекомендованы для включения в программу ЮНЕСКО VII Международным конгрессом монголоведов в Улан-Баторе. Собрание также поддержало инициативу ученых Монгольской Народной Республики о проведении в 1973 г. в Улан-Баторе международного симпозиума о роли кочевых народов в цивилизации Центральной Азии и просило Секретариат ЮНЕСКО ассигновать для этой цели необходимые финансовые средства.

Поскольку в географический район исследований была включена Монгольская Народная Республика, на совещании возник вопрос о целесообразности одновременного изучения и других областей восточной части Центральной Азии. Однако все участники пришли к заключению, что дальнейшее расширение района исследований было бы целесообразно начать лишь после завершения работ над темами проекта¹⁴. Затем на совещании обсуждался вопрос об учреждении международной научной ассоциации, которая в будущем могла бы взять на себя координацию исследований, предпринятых в рамках проекта ЮНЕСКО по изучению культур Центральной Азии¹⁵. Было признано целесообразным и своевременным создание ассоциации, объединяющей ученых Центральной Азии и специалистов из других стран. Обсудив основные принципы такого объединения ученых, консультанты выработали рекомендации в отношении статуса ассоциации.

Ассоциация по изучению культур Центральной Азии — так рекомендовали назвать новую организацию — должна быть неправительственной научной организацией, примыкающей, как и многие другие союзы по общественным наукам, к Международному совету по философии и гуманитарным наукам (International Council for Philosophy and Humanistic Studies)¹⁶, штаб-квартира ассоциации в первые годы ее существования должна находиться при Секретариате ЮНЕСКО, а затем поочередно в странах Центральной Азии; по своему составу ассоциация должна быть не региональной, а в

полном смысле этого слова международной, но страны Центральной Азии представляются в бюро ассоциации большим числом членом, чем прочие государства; членами ассоциации будут главным образом научные институты, хотя не исключается и индивидуальное членство.

Совещание рекомендовало Секретариату ЮНЕСКО организовать в 1972 г. встречу представителей шести стран региона специально для выработки устава и официального учреждения ассоциации.

Таким образом, консультативное совещание 1971 г. не только подвело итоги работы по проекту «Центральная Азия» за прошедшее четырехлетие, но и наметило программу исследований на новый период¹⁷.

Глава V

НОВЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1971—1973)

Новый этап работы по проекту ЮНЕСКО «Центральная Азия» начался в 1971 г. совещанием консультантов в Париже после завершения экспериментального четырехлетнего периода. С точки зрения содержания этот этап характеризуется началом изучения современных аспектов цивилизаций Центральной Азии и расширением географического ареала исследований в связи с присоединением к проекту Монгольской Народной Республики. Исходя из этих критериев, можно констатировать, что новая стадия проекта была подготовлена международной конференцией ЮНЕСКО в Ашхабаде, посвященной вопросам социального и культурного развития стран Центральной Азии в новое и новейшее время, и распространением исследований на восточные районы Центральной Азии.

В подготовке конференции в Ашхабаде, проходившей с 26 сентября по 5 октября 1972 г., принимали участие Комитет по изучению цивилизаций Центральной Азии при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО и организационные комитеты Академии наук СССР и Академии наук Туркменской ССР. Ее программа предусматривала проведение научной дискуссии по всем наиболее важным аспектам социального и культурного развития Центральной Азии в XIX—XX вв.: новой и новейшей истории стран и народов региона; международным отношениям; культурным контактам; изменению социальной и экономической структуры общества; истории общественной и политической мысли; развитию науки, литературы и искусства¹.

На пленарных заседаниях конференции и заседани-

ях двух секций: «История, социальное и культурное развитие» и «Литература и искусство» — зачитывались доклады по общим проблемам общественного и культурного развития, имеющим отношение ко всему региону. В целом на семи пленарных и 14 секционных заседаниях было прочитано и обсуждено около ста докладов и сообщений². Организация синхронного перевода докладов и дискуссионных выступлений на три рабочих языка конференции — русский, английский и французский и заблаговременная публикация на русском и английском языках пленарных докладов, а также тезисов секционных докладов и сообщений советских ученых, принимавших участие в работе Ашхабадской конференции³, во многом способствовали ее эффективности.

Конференция в Ашхабаде привлекла внимание представителей науки и культуры 23 стран мира. Кроме делегаций шести стран — участниц проекта ЮНЕСКО (по традиции наиболее многочисленных) на конференцию приехали ученые Англии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Дании, Италии, Польши, США, Турции, ФРГ, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Югославии и Японии. Советскую делегацию представляли деятели науки и культуры республик Средней Азии, Казахстана, Российской Федерации (в том числе Бурятской и Тувинской автономных республик) и республик Закавказья.

Для проведения конференции в столицу Туркменистана приехали ответственные сотрудники Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, представители генерального директора ЮНЕСКО и Международного союза востоковедов. Почетными гостями конференции были члены правительства и Верховного Совета Туркменской ССР, послы и ответственные сотрудники дипломатических миссий Индии, Ирана и Пакистана в Советском Союзе.

В адрес Ашхабадской конференции ЮНЕСКО поступили приветствия Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР Н. В. Подгорного, шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви, Президента Пакистана Зульф리카ра Али Бхутто и ряда других государственных и общественных деятелей стран Центральной Азии. В приветственном послании Н. В. Подгорного говорилось о важности Ашхабадской конференции «для дальнейшего изучения исторических процессов, происходящих в странах Азии», и выражалась надежда на то,

что «богатый опыт социально-экономических преобразований и культурного строительства в советских республиках Средней Азии послужит делу социального и культурного прогресса народов азиатского континента»⁴. Президент Пакистана, подчеркнув важную роль народов Центральной Азии в развитии мировой культуры, заявил в своем послании: «Мы, в Пакистане, будем с огромным интересом следить за ходом работы этой важной международной встречи, и я желаю ей всяческих успехов». В приветствии шахиншаха Ирана отмечались заслуги советской науки в изучении истории и культуры Центральной Азии. «Археологические раскопки, исторические и филологические исследования советских ученых за последние пятьдесят лет, — писал Мохаммед Реза Пехлеви, — пролили свет на важные, полезные и до сих пор неизвестные вопросы истории, языка и искусства этого региона»⁵.

Многие доклады, представленные советскими и зарубежными участниками конференции, посвящались вопросам истории, социально-экономическому и культурному развитию народов советской Средней Азии. Интерес к этим проблемам объяснялся в первую очередь исторической и практической ценностью опыта народов, за половину столетия проделавших огромный путь от феодального строя к социализму и создавших суверенные национальные государства в составе братской семьи равноправных республик СССР.

Участники встречи в Ашхабаде посетили выставку народного творчества республик Средней Азии, открытие которой было приурочено к началу конференции. На выставке книги советских республик Средней Азии гости ознакомились с работами советских ученых, посвященными проблемам социального и культурного развития Средней Азии, истории и культуре Афганистана, Ирана, Индии, Монгольской Народной Республики и Пакистана. Для участников Ашхабадской конференции были организованы экскурсии в научно-исследовательские учреждения и учебные заведения города, на промышленные предприятия и в колхозы, посещение и осмотр памятников культуры и искусства туркменского народа. Во время работы конференции в Ашхабаде проводилась декада кинофильмов республик Средней Азии.

На совещаниях обсуждались вопросы международно-

го сотрудничества в изучении Центральной Азии по программе ЮНЕСКО. Участники конференции приняли решение начиная с 1973 г. уделять преимущественное внимание в рамках проекта ЮНЕСКО проблемам современности. В качестве первоочередных тем для исследований, проводимых на основе регионального и международного сотрудничества, были рекомендованы: «Социальное и культурное развитие стран Центральной Азии в XIX—XX вв.»; «Новые литературы народов Центральной Азии (XVI—XIX вв.)»; «Развитие науки и техники и их воздействие на традиционные общества»; «Центральная Азия как место встречи мировых цивилизаций».

Было решено также продолжить работу по изучению культур Центральной Азии периода древности и средних веков. В плане мероприятий по проекту ЮНЕСКО, принятом конференцией, намечалось проведение международного симпозиума в Улан-Баторе и ряда международных семинаров и симпозиумов в различных странах региона, посвященных выдающимся представителям науки и культуры Центральной Азии Ал-Фараби, Ал-Бируни, Амиру Хосрову Дехлеви и др.

Участники конференции единодушно поддержали предложение об учреждении в 1973 г. международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии.

В заключение конференция ЮНЕСКО в Ашхабаде приняла приветствие народам Советского Союза в связи с 50-летием образования СССР. В нем отмечались выдающиеся успехи народов советской Средней Азии в социальном и культурном развитии, достигнутые в содружестве с другими народами советской страны⁶.

Международная конференция ЮНЕСКО в Ашхабаде явилась не только важным научным форумом, ставшим отправной точкой для международных исследований современных цивилизаций народов Центральной Азии. Она продемонстрировала также солидарность и взаимопонимание представителей науки и культуры стран региона, стремящихся к дальнейшему укреплению культурных связей и научного сотрудничества⁷.

Следующим шагом в развитии проекта ЮНЕСКО стало распространение исследовательской программы на восточные районы Центральной Азии. В осуществлении этой работы большую роль сыграло участие в проекте

ученых Монгольской Народной Республики. По их инициативе в мае 1973 г. в г. Улан-Баторе был проведен международный симпозиум «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», основная задача которого, как она определялась совещанием консультантов в Париже весной 1971 г. и решениями 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, состояла в том, чтобы положить начало международным исследованиям по новой теме проекта.

Программа организованного Академией наук МНР и монгольским Комитетом по изучению цивилизаций Центральной Азии⁸ симпозиума предусматривала всестороннее обсуждение проблемы при участии в нем историков, археологов, этнографов, искусствоведов и филологов. Доклады и сообщения, прочитанные на симпозиуме, охватывали самые различные периоды истории народов Центральной Азии — от древнейших времен до наших дней. На симпозиуме было представлено 63 доклада и сообщения. В нем участвовало около 300 ученых из 20 стран мира⁹. Доклад президента АН МНР акад. Б. Ширендыба и многие другие были посвящены общей постановке проблемы периодизации истории кочевых обществ и задачам исследования¹⁰. Доклады и сообщения, прочитанные на симпозиуме, можно было бы подразделить на следующие группы: история кочевых обществ и тех стран и территорий, на которых они развивались; этногенез монголов и история монгольской культуры; этнография монголов; связь кочевых культур Центральной Азии с культурами других народов.

Большое внимание было уделено обсуждению проблем современности, и в частности вопросу о путях развития кочевых обществ и их «модернизации». В докладе Ш. Нацагдоржа (МНР) «Социализм и кочевники» говорилось об опыте развития Монголии со времени Народной революции от кочевого феодализма через различные формы кооперирования к созданию социалистической системы хозяйства. Докладчик привел интересные статистические данные о высоком уровне социального развития монгольского народа. Вопросам социального, экономического и культурного развития Монголии были посвящены также доклады Д. Загасбалдана (МНР) и В. Дыновского (ПНР). Многие выступавшие [А. Дани (Пакистан), М. Жамма (Сомали),

А. Зингер (Англия)] базировали свои исследования современного процесса развития кочевых обществ на материалах Пакистана, Афганистана, Ирана и кочевников Северной Африки.

Участники симпозиума пришли к выводу о необходимости организовать углубленное изучение кочевых цивилизаций, игравших роль связующего звена между различными народами и культурами Центральной Азии. Выступая на заключительном заседании, акад. Б. Ширендыб высоко оценил результаты работы симпозиума и выразил пожелание, чтобы исследование истории и культуры кочевых народов стало неотъемлемой частью программы проекта ЮНЕСКО по изучению цивилизаций Центральной Азии. Участники симпозиума одобрили предложения по развитию исследований, а также просьбу монгольских ученых к ЮНЕСКО об оказании им помощи в проведении ряда конкретных мероприятий, направленных на углубленное изучение истории кочевого общества Монголии (осуществление охраны и реставрации исторических, археологических и архитектурных памятников на территории МНР; проведение раскопок таких важных археологических объектов, как древняя столица монголов Каракорум; издание альбомов, посвященных народному искусству и архитектуре; публикация под эгидой ЮНЕСКО монгольского перевода «Ганджура» и «Данджура»; оснащение современным оборудованием создаваемой при Академии наук МНР археологической лаборатории и др.). Была подчеркнута важность изучения эпиграфических памятников Монголии и письменных источников по истории монголов на арабском, персидском, и других языках.

Приехавшие на симпозиум ученые имели возможность ознакомиться с различными сторонами жизни монгольского народа, с его достижениями в области экономики, науки и культуры. Специально для участников встречи в Улан-Баторе были организованы выставка археологии и этнографии Монголии и выставка литературы, посвященной Центральной Азии.

Международный симпозиум ЮНЕСКО в Улан-Баторе привлек внимание самых широких кругов научной и культурной общественности, а также многих правительственных учреждений МНР. На заседаниях симпозиума присутствовали заместитель Председателя Со-

вета Министров МНР Д. Майдар, министр народного образования и председатель монгольской Комиссии по делам ЮНЕСКО Д. Ишцэрэн. Участникам симпозиума направил приветствие Председатель Совета Министров Монгольской Народной Республики Ю. Цэденбал¹¹.

За двухлетие, прошедшее со времени совещания консультантов в Париже 1971 г., наметившего новую программу деятельности по проекту «Центральная Азия», были выполнены две его важные рекомендации: ученые приступили к изучению современных аспектов цивилизаций Центральной Азии (Ашхабадская конференция), а также к исследованиям, касающимся культур восточной части региона (симпозиум о культурной роли кочевых народов в Улан-Баторе). Оставалась, однако, невыполненной рекомендация о создании международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии, которая взяла бы на себя в будущем планирование, организацию и координацию исследований, предпринятых по проекту ЮНЕСКО.

Для учреждения ассоциации Секретариат ЮНЕСКО созвал еще одно совещание представителей науки стран — участниц проекта Центральной Азии¹². Оно проходило в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже с 23 по 25 июля 1973 г., сразу же после завершения работы XXIX Международного конгресса востоковедов.

Был рассмотрен целый ряд вопросов: координация текущих исследований, подготовка предусмотренных программой публикаций ЮНЕСКО и планы проведения новых научных симпозиумов и конференций¹³. Совещание одобрило рекомендации Ашхабадской конференции относительно тематики исследований по проблемам социального и культурного развития стран Центральной Азии в новое и новейшее время и симпозиума в Улан-Баторе по изучению культур кочевых народов. Рассматривались предложения о создании в странах региона новых научных центров, которые могли бы содействовать координации и дальнейшему развитию центральноазиатских исследований¹⁴. Обсуждались также вопросы программы исследования по проекту, и в частности предложения о включении новых тем и модификации старых. Некоторые участники совещания предложили расширить хронологические рамки исследований по проекту ЮНЕСКО и распространить их на древней-

ший период истории Центральной Азии¹⁵. Представитель индийского Комитета по изучению цивилизаций Центральной Азии представил на рассмотрение и утверждение заново сформулированную тему исследований по истории идей и философии — «История социальных идей и учреждений Центральной Азии», получившую общее одобрение.

Совещание отметило, что проект по изучению цивилизаций Центральной Азии «с успехом служил целям планирования и стимулирования исследований»¹⁶.

Затем совещание приступило к обсуждению основного пункта повестки дня — учреждение международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Участники встречи обсудили проект устава ассоциации, подготовленный пакистанским делегатом — проф. Р. Сиддики. Он был составлен на основе рекомендаций совещания консультантов 1971 г., участники которого сделали ряд поправок и дополнений по проекту. С учетом этих замечаний Секретариат ЮНЕСКО подготовил новый вариант проекта устава, который и стал объектом всестороннего обсуждения на совещании 1973 г. Оно касалось вопросов членства в ассоциации, функций ее основных органов, местоположения штаб-квартиры, взаимоотношений с ЮНЕСКО и финансового обеспечения. Основные положения проекта устава не вызвали возражений, и предметом дискуссии были главным образом вопросы окончательной редакции тех или иных его статей. 25 июля 1973 г. участники заседания единогласно приняли окончательный текст устава новой научной организации, которая получила наименование «Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии» (International Association for the Study of the Cultures of Central Asia).

Устав определил юридический статус Ассоциации как «неправительственной научной организации». Ее цели и задачи, согласно статье II, сводятся к следующему: а) содействие изучению культур народов Центральной Азии, включая их историю и этническое происхождение, литературу и языки, искусства, философию, историю науки, социальное и экономическое развитие с древнейших времен до наших дней; б) осуществление планирования и координации изучения культур Центральной Азии, проводящегося в рамках регионального и между-

народного сотрудничества ученых, а также таких предприятий, как совместные археологические раскопки или этнографические и лингвистические исследования; в) содействие международным обменам, исследованиям и культурному сотрудничеству посредством организации совещаний специалистов, международных симпозиумов и конференций и обмена научной информацией и трудами; г) сотрудничество с институтами и центрами, деятельность которых направлена на изучение и популяризацию знаний о культурах Центральной Азии; д) содействие распространению знаний о цивилизациях народов Центральной Азии и их вкладе в развитие мировой науки и культуры посредством публикации материалов и результатов исследований, осуществляемых под эгидой Ассоциации.

По статье III Устава, членами Ассоциации могут быть отдельные ученые, национальные комитеты по изучению культур Центральной Азии и научные институты, имеющие отношение к центральноазиатским исследованиям. В Уставе сказано, что штаб-квартирой Ассоциации в течение первых четырех лет будет Париж (Секретариат ЮНЕСКО).

В Уставе определяется структура Ассоциации. Ее составляют: Ассамблея, Совет и Секретариат. Ассамблея включает всех членов Ассоциации и является ее главным научным и совещательным органом. Руководящий орган Ассоциации — Совет. В состав его входят ученые из стран Центральной Азии (Афганистан, Индия, Иран, МНР, Пакистан и СССР), по три представителя от каждой страны, а также три члена, представляющие другие страны мира. Совет избирает из своего состава президента, пять вице-президентов, главного докладчика и казначея. Он же осуществляет планирование и координацию исследовательской деятельности и подготовку публикаций. Совет несет ответственность за выполнение планов исследований по программе Ассоциации.

Устав предопределяет, что в течение начального периода деятельности, пока штаб-квартира Ассоциации будет находиться в Париже, обязанности ее Секретариата будет выполнять Секретариат ЮНЕСКО¹⁷.

После принятия текста Устава совещание консультантов в качестве первой учредительной сессии прове-

ло выборы членов Совета Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. В соответствии с положениями Устава в него вошли по три представителя науки и культуры Афганистана, Индии, Ирана, МНР, Пакистана и Советского Союза, а также ученые Англии, Венгерской Народной Республики и США (по одному от каждой страны). В свою очередь, Совет избрал из своего состава президента, вице-президентов, докладчика и казначея Ассоциации¹⁸.

Учреждение в июле 1973 г. в Париже Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии следует рассматривать как отправную точку нового этапа в развитии международного сотрудничества в центральноазиатских исследованиях. Учитывая то обстоятельство, что в первое четырехлетие штаб-квартира Ассоциации будет находиться в Париже и технические функции администрирования будут осуществляться силами Секретариата ЮНЕСКО, новая международная организация явится тем органом, который возьмет на себя основную заботу по планированию и координации научных исследований, осуществляемых по проекту ЮНЕСКО. В последующем, как нам представляется, Ассоциация станет более самостоятельной научной организацией и возьмет на себя роль организатора и координатора более широкой, выходящей за рамки проекта ЮНЕСКО программы междисциплинарных исследований, связанных с цивилизациями Центральной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя первые итоги опыта международного сотрудничества в изучении культур Центральной Азии по проекту ЮНЕСКО, по-видимому, следует прежде всего отметить очевидный успех этого предприятия осуществляемого под эгидой Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Патронаж такой авторитетной международной организации, как ЮНЕСКО, и регулярно оказываемая ею финансовая помощь явились важными факторами, способствующими организации международного сотрудничества по программе изучения культур Центральной Азии, созданию в странах — участницах этого проекта координационных научных центров и проведению междисциплинарных исследований.

Успех осуществления программы исследований по проекту «Центральная Азия» в значительной мере был обеспечен благодаря активному участию в нем тех государств — членов ЮНЕСКО, которые принадлежат к данному региону. Совершенно очевидно, что проект отвечал интересам этих стран.

Но в осуществлении исследовательских программ проекта ЮНЕСКО принимали участие ученые из других стран Азиатского континента и специалисты-востоковеды из стран Европы, Америки и Австралии. Международной является и созданная под эгидой ЮНЕСКО Ассоциация по изучению культур Центральной Азии.

С момента основания проекта ЮНЕСКО, а тем более с начала осуществления программы исследований, прошло слишком мало времени, чтобы получить от него конкретные научные результаты. Но уже сейчас можно сказать, что работа, проделанная учеными за рассматри-

ваемый период, принесла существенную пользу делу развития научных знаний о цивилизациях Центральной Азии. В то же время проект ЮНЕСКО способствовал широкому распространению во всем мире знаний о культурах Центральной Азии и вкладе народов этого региона в развитие мировой цивилизации, а это было одной из важных задач проекта, призванного служить не только развитию науки, но и лучшему взаимопониманию между народами мира.

Советские ученые принимали активное участие в осуществлении проекта «Центральная Азия». Достаточно сказать, что три из шести крупных международных научных конференций были организованы в республиках Советской Средней Азии¹. Советские ученые внесли большой вклад в дело подготовки публикаций ЮНЕСКО о культурах Центральной Азии. В проекте ЮНЕСКО участвуют не только ученые из республик Средней Азии, но и значительное число специалистов из научных центров Российской Федерации, включая автономные Бурятскую и Тувинскую республики, республики Закавказья, Прибалтики и другие районы СССР.

Активное участие в осуществлении проекта ЮНЕСКО ученых Советского Союза объясняется, с одной стороны, огромными успехами в развитии науки и культуры, достигнутыми народами СССР, включая народы азиатских советских республик, с другой — традициями отечественного востоковедения, всегда тяготевшего к изучению истории и культуры соседних с Россией стран Востока и входивших в ее состав азиатских народов. А это, в свою очередь, объяснялось наличием тесной связи между историей России и многих других народов Азии. Недаром, говоря о причинах того большого влияния, какое оказала русская революция 1905 г. на страны Востока, В. И. Ленин отмечал: «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»².

Одной из характерных черт отечественной востоковедной науки было то, что лучшие ее представители считали своим долгом служить не только самой науке, но и делу культурного и общественного развития народов Востока. Хорошей иллюстрацией этому могут служить следующие слова В. В. Бартольда, сказанные им в 1900 г. при защите диссертации: «Может быть, скром-

ные труды русских ориенталистов еще более, чем другие успехи русской культуры, будут содействовать мирному сближению народов Востока с Россией...»³. Такое сближение народов России и Востока стало возможным лишь в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Семья советских востоковедов состоит ныне из представителей самых различных народов СССР, стремящихся к тому, чтобы их труды служили делу социального и культурного прогресса человечества и обеспечению мира между народами. О задачах советского востоковедения хорошо сказал известный востоковед Ю. Н. Рерих. В своем приветствии, подготовленном к открытию XXV Международного конгресса востоковедов, он писал: «Народы Азии, пришедшие к новой жизни бережно хранят свое культурное наследие и черпают в нем вдохновение для новых свершений. Наша задача — всемерно помогать им в этом. Ведь такая помощь укрепляет дело мира и служит науке и мирному сотрудничеству между учеными всех стран»⁴.

Участвуя в проекте ЮНЕСКО по изучению культур Центральной Азии и сотрудничая с учеными других стран мира, советские востоковеды стремятся внести свой посильный вклад в дальнейшее развитие науки и в дело укрепление взаимопонимания и дружбы между народами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ UNESCO Programme and Budget for 1967—1968. (Approved) Paris, 1967. В 1970 г. к числу стран — основных участниц проекта ЮНЕСКО присоединилась Монгольская народная Республика, в результате чего исследования распространились и на восточную часть Центральной Азии.

² С 1967 по 1973 г. в рамках проекта ЮНЕСКО были проведены следующие научные конференции: «Конференция по археологии, истории и искусству Центральной Азии в кушанский период» (Душанбе, 1968), «Конференция по истории философии и идей в Центральной Азии» (Нью-Дели, 1969), «Симпозиум по искусству Центральной Азии в эпоху тимуридов» (Самарканд, 1969), «Совещание по координации археологических исследований в Центральной Азии» (Кабул, 1970), «Симпозиум по истории развития науки в Центральной Азии в средние века» (Исламабад, 1970), «Конференция по проблемам социального и культурного развития стран Центральной Азии в XIX—XX вв.» (Ашхабад, 1972) и симпозиум на тему «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» (Улан-Батор, 1973).

Кроме того, в этот период имели место три координационные встречи ученых в Париже — в 1967, 1971 и 1973 гг. На последней из них была учреждена Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.

Введение

¹ Н. М. Пржевальский, Монголия и страна тангутов, М., 1946, с. 41 (Новой Голландией в XIX в. называли Австралию).

² Из восточных источников наиболее ценен отчет Чжан Цзяня, посетившего Среднюю Азию в конце II в. до н. э., и буддийского монаха Сюань Цзяня, совершившего в первой половине VII в. большое путешествие через Среднюю Азию и Афганистан в Индию. Из арабских путешественников и ученых наиболее интересные данные о Центральной Азии оставил странствующий купец из Марокко Ибн-Баттута, записки которого дают ценные материалы о жизни народов Средней Азии, Афганистана, Ирана, Индии и Китая середины XIII столетия. Большой вклад в изучение истории и фило-

софии народов Средней Азии и Индии XI в. внес великий среднеазиатский ученый-энциклопедист Ал-Бируни.

³ Записки Платона Карпини «История монгалов» и «Путешествия в Восточные страны» Гийома де Рубрука были опубликованы в одной книге в Санкт-Петербурге в 1911 г. в переводе А. И. Малевича. Эта книга была переиздана в Москве в 1957 г. под названием «Путешествия в Восточные страны Платона Карпини и Рубрука» под редакцией Н. П. Шастиной.

⁴ На русском языке книга Марко Поло была впервые издана в 1902 г. в переводе и с комментариями известного русского востоковеда И. Минаева («Путешествие по Татарии и другим странам», СПб., 1902).

⁵ Путевые записки Клавихо под названием «История великого Тамерлана» были опубликованы лишь в 1582 г. Перевод русского издания этой книги осуществил И. И. Срезневский («Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.», СПб., 1881).

⁶ С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последние три столетия, Пг., 1915, т. 1, с. 2.

⁷ В. А. Уляницкий, Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв. (По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел), М., 1889, с. 5—6

⁸ С. В. Жуковский, Сношения России..., с. 3—4.

⁹ Я. В. Ханыков, Пояснительная записка к карте Аральско-го моря и Хивинского ханства..., — ЗИРГО, кн. V, СПб., 1851, с. 283.

¹⁰ Попытки наладить торговые связи с Индией через Среднюю Азию предпринимались при царе Алексее Михайловиче. Он дал указания собрать сведения о путях в Индию направленному в 1669 г. в Бухару посольству братьев Пазухиных. А спустя несколько лет члену другого русского посольства в Бухару, Юсупу Касимову, было поручено «провесть о Индейском восточном шахе, как ему имя и титула, и как к нему писать и с которыми государствами царство его смежно» (С. В. Жуковский, Сношения России..., с. 28—38).

¹¹ Еще в 1552 г. Иван IV повелел «землю Московскую» измерить и чертеж государства сделать, а около 1627 г., когда старый Чертеж «избился весь и развалился», царь Михаил Федорович приказал, «примеряся к старому чертежу, в ту же меру сделать новый чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства». Тогда же была составлена и «Книга Большого Чертежа», дошедшая до нас во многих списках (см.: А. Махшеев, Географические сведения Книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае, СПб., 1879, с. 4—5).

¹² Путевой журнал И. Унковского, не потерявший своей научной ценности и в следующем столетии, был опубликован известным историком-востоковедом Н. И. Веселовским (Н. И. Веселовский, Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг., СПб., 1887).

¹³ Наиболее полные сведения о посольстве Ф. Беневени, находившемся в Средней Азии с 1718 по 1726 г., содержатся в статье А. П. Попова «Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом» (ЗИРГО, кн. IX, 1853).

¹⁴ К. М. Бэр, Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— ЗИРГО, кн. IV, 1850.

¹⁵ Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877, с. 190—194.

¹⁶ «Странствования Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию», изд. 3-е, Казань, 1811. «Странствования» Ф. Ефремова в Средней Азии охватывают девятилетний период — с 1774 по 1782 г. По возвращении в Россию Ф. Ефремов занимал должность «толмача бухарского, персидского и других азиатских языков» в Государственной коллегии иностранных дел в Петербурге.

¹⁷ «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в эти страны для переговоров», М., 1822. Книга Н. Муравьева была переведена на французский язык (*Voyage en Turcomanie et à Khiva, fait en 1819 et 1820, par M. Mouraviev, Paris, 1823*).

¹⁸ «*Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820... Rédigé*» par le Baron Georges de Meyendorff..., Paris, 1826. В предисловии, написанном издателем книги, французским ориенталистом А. Жобером, подчеркивается, что она служит серьезным вкладом в развитие географических знаний о Востоке. К книге приложена составленная Мейендорфом и другими членами миссии карта «Бухары и киргизских степей», которая, по признанию А. Жобера, содержит «около двух тысяч показателей, совершенно отсутствующих на предшествующих картах... и может быть представлена друзьям науки как образец топографической элегантности, точности и ясности» (с. VII). Книга переведена на русский язык Е. К. Бетчером под редакцией и со вступительной статьей Н. А. Халфина (Е. К. Мейендорф, Путешествие из Оренбурга в Бухару, М., 1975).

¹⁹ Книга была издана впервые в 1821 г. в Петербурге. Второе издание было осуществлено лишь недавно под редакцией В. А. Ромодина. (Филипп Назаров, Записки о некоторых народах и землях средней части Азии, М., 1968.)

²⁰ Экспедиция проводилась на построенных в Орске и доставленных на Аральское море в разобранном виде судах «Николай» и «Константин» (см.: А. И. Макшеев, Описание Аральского моря,— ЗИРГО, кн. V, 1851, с. 30—61).

²¹ С. В. Жуковский, Сношения России..., с. 104—105; Н. В. Ханыков, Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства...,— ЗИРГО, кн. V, 1851, с. 329—330.

²² Описание Бухарского ханства, составленное Н. Ханыковым, СПб., 1843.

²³ [Г. И. Данилевский], Описание Хивинского ханства,— ЗИРГО, кн. V, 1851, с. 62—159.

²⁴ A. de Humboldt, *Asie centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et le climatologie comparée*, Paris, 1843. В русском переводе: А. Гумбольдт, Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии, М., 1915.

²⁵ Там же, с. 14—15.

²⁶ Ferdinand von Richthofen, *China. Ergebnisse eigener reisen und darauf gegründeter studien*, Bd 1, Berlin, 1877, с. 7.

²⁷ И. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена... Сочинение монаха Иакинфа, СПб., 1851, с. VII. Между прочим, в предисловии Бичурин говорит, что название его книги «есть точный, буквальный перевод с китайского языка» (там же, с. II)

²⁸ Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale par Nicolas de Khanikoff, Paris, 1862. На русском языке книга Н. Ханькова была впервые опубликована более чем через столетие после появления парижского издания. См.: Н. Ханьков, Экспедиция в Хорасан, М., 1973.

²⁹ «Естественной» границей Центральной Азии на западе Н. Ханьков считал цепь гор, протянувшуюся от Шираза на юге до Демавенда на севере (Mémoire sur la partie..., с. 205—206, 213.

³⁰ Ferdinand F. von Richthofen, China..., Berlin, 1877, с. 3—8.

³¹ Широкому использованию термина «Центральная Азия», по Рихтгофену, способствовало, видимо, и то обстоятельство, что именно ко времени выхода в свет его книги «Китай» началось особенно интенсивное исследование восточных областей Внутренней Азии, удобно укладывавшихся в границы рихтгофеновской Центральной Азии, или Хань-хая.

³² И. В. Мушкетов, Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г., т. I, СПб., 1886. Разбору значения терминов «Центральная Азия», «Внутренняя Азия», «Туркестан» и др. посвящена вся первая глава книги, названная «Средняя Азия и Туркестан».

³³ Там же, с. 9. Несколько выше И. В. Мушкетов говорит: «...в последней половине нынешнего столетия, когда, с одной стороны, многочисленные экспедиции, а с другой — усиленные изыскания ориенталистов накопили огромный запас сведений о Средней Азии, сделалось возможным определить границы ее более точно и более естественно, чем это было до сих пор. Еще Н. Ханьков пытался дать более естественное определение, но маститый исследователь Китая сделал это несравненно основательнее» (с. 4).

³⁴ Там же, с. 10. При этом Мушкетов предлагал сохранить за восточной частью Внутренней Азии название «Центральная», которое дал ей Рихтгофен.

³⁵ Там же, с. 10—11.

³⁶ Под Туркестаном, или Туркестанским бассейном, И. В. Мушкетов понимал район Внутренней Азии, простирающийся «от Мугоджарских гор и Устюрта на западе до Джунгарского Алатау, Тяньшаня и Памира на востоке; от гор Копет-дага и гор Хорасанских на юге до Тарбогатая, Чингиз-тау и Арало-Иртышского водораздела на севере» (там же, с. 13).

³⁷ «Энциклопедический словарь» под ред. И. Андреевского, т. XXI, СПб., 1900, с. 351.

³⁸ Sir H. Rawlinson, England and Russia in the East, London, 1875, с. 205. Там же Роулинсон разъясняет, что в его книге речь идет о районе «между Российской империей на севере и Британской империей на юге, включая... часть персидской провинции Хорасан на западе и Китайский Туркестан на востоке».

³⁹ Так для краткости мы будем называть западную и восточную части Внутренней Азии.

⁴⁰ В 1846 г. в Петербурге было создано Русское археологическое общество. Восточный отдел общества внес большой вклад в археологическое изучение азиатской части России.

⁴¹ Это предопределялось в какой-то мере задачами и самой структурой Русского географического общества, в состав которого со времени его основания кроме географических входили отделы этнографии и статистики.

⁴² П. П. Семенов, История полувековой деятельности императорского Русского географического общества, 1845—1895, ч. I, СПб., 1896, с. 27—29.

⁴³ Подготовка этого издания, а также составление новейшей карты азиатской части России были предприняты за счет средств пожертвованных П. В. Голубковым.

⁴⁴ Переводы труда К. Риттера выходили под общим названием «Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией». Серия открылась томом, посвященным восточным окраинам Азии, включая Монголию, дополнением к которому составил сам П. П. Семенов. В этой работе принял участие известный синолог В. П. Васильев.

⁴⁵ В большей части изданных в этой серии книг объем дополнений значительно превышал размеры переведенных разделов «Землеведения» К. Риттера. В качестве примера можно привести переводы, сделанные В. В. Григорьевым («Кабулистан и Кафиристан») и «Восточный или Китайский Туркестан») и Н. В. Ханьковым («Иран»).

⁴⁶ Цит. по предисл. к кн.: П. П. Семенов - Тянь-Шанский, Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах, М., 1946, с. 9.

⁴⁷ С 1850 по 1860 г. он был секретарем и помощником председателя Отделения физической географии, с 1860 по 1873 г. — председателем Отделения, а с 1873 по 1914 г. — председателем Русского географического общества.

⁴⁸ П. П. Семенов, История полувековой деятельности... ч. I—III, СПб., 1896; см. также: Л. С. Берг, Всесоюзное географическое общество за сто лет, М.—Л., 1946, и Э. Мурзаев, В далекой Азии..., М., 1956. Огромный интерес представляют также опубликованные дневники и отчеты самих исследователей Центральной Азии.

⁴⁹ Д. Каррутерс, Неведомая Монголия, т. I, Пг., 1914, с. 15. Довольно лестный отзыв о значении русских исследований находим и в предисловии к книге, написанном лордом Керзоном. Он пишет о Каррутерсе: «Его имя будет вполне достойным добавлением к немногочисленному списку английских исследователей, работавших в этих частях Центральной Азии, которые ознаменованы именами Енгезбанда, Нью-Еллиаса и Штейна, и вместе с именами замечательных русских людей — Пржевальского, Козлова, Потанина, Северцова и прочих исследователей, чьи самобытные труды, даже по прошествии ряда лет, приносят такие обильные плоды их родной стране...» (там же, с. VI).

⁵⁰ М. В. Певцов, Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь, М., 1949.

⁵¹ Г. Н. Потанин, Путешествия по Монголии, М., 1948.

⁵² П. К. Козлов, Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, М., 1948 г.; П. К. Козлов, Путешествие в Монголию 1923—1926 гг., М., 1949.

⁵³ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926.

⁵⁴ В число участников экспедиции Н. В. Ханькова 1858—1859 гг. входили: ботаник, зоолог, геолог, топографы, географы.

⁵⁵ П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. I, с. 326.

⁵⁶ Там же, с. 326. Экспедиция обследовала весь северо-запад и запад Ирана, Западный Афганистан и часть провинций Центрального Ирана. Материалы своих лингвистических, этнографических и археологических наблюдений Н. В. Ханьков впоследствии частично опубликовал в книге «Mémoires...» и использовал для дополнений перевода «Ирана» К. Риттера.

⁵⁷ В 1865 г. русскими войсками был взят Ташкент, в 1868 г. признали вассальную зависимость от царской России Коканд и Бухара, а в 1873 г.—Хива. Присоединение Средней Азии к России было завершено в 1884 г.

⁵⁸ «Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта, полковника Н. П. Игнатьева», СПб., 1897; П. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870.

⁵⁹ П. И. Лерх, Монеты Бухар-худатов, СПб., 1909. Первоначально эта работа была представлена П. И. Лерхом в качестве доклада на III Международном съезде ориенталистов в Петербурге в 1876 г. под названием «*Sur les monnaies des Boukhar-Koudahs ou princes de Boukhara avant la conquête du Mavereppahr par les arabes*».

⁶⁰ О деятельности и научных заслугах А. Л. Куна см.: Б. В. Лунин, Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, 1965, с. 114—119. Основанная на изучении обширного круга источников и литературы, эта книга представляет собой наиболее полный свод сведений об изучении Средней Азии русскими ориенталистами.

⁶¹ Начиная с 1867 г. В. В. Григорьев был управляющим Восточным отделением Русского археологического общества.

⁶² См. переведенные и дополненные В. В. Григорьевым тома «Землеведения» К. Риттера: «Кабулистан и Кафиристан», СПб., 1867; «Восточный или Китайский Туркестан», вып. 2 — дополнения, СПб., 1873. В первой работе примечания и дополнения переводчика составляют по объему четыре пятых книги. Что же касается второй, то, как указывает сам переводчик, том «дополнений» является самостоятельной работой, которую можно было бы назвать «История Восточного Туркестана с древнейших времен до настоящего» («Восточный или Китайский Туркестан», с. V).

⁶³ В. В. Вельяминов-Зернов, Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худаяр-хана, — ТВОРАО, ч. II, СПб., 1856; его же, Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайрхана (1748—1765), т. I—II, Уфа, 1853—1855.

⁶⁴ Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений...

⁶⁵ P. Lerch, Khiva oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse, St.-Petersburg, 1873.

⁶⁶ И. П. Минаев, Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.

⁶⁷ В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.

⁶⁸ Труды третьего Международного съезда ориенталистов в Петербурге, т. I, СПб., 1879—1880, с. CV.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Сообщение Н. И. Веселовского о раскопках на городище Афрасиаб было опубликовано в «Записках Русского археологического общества», т. II, Новая серия, СПб., 1887. Позже, главным образом в изданиях Восточного отделения Русского археологического общества, им были опубликованы и другие результаты изучения памятников культуры Средней Азии. Об археологических исследованиях Н. И. Веселовского см. статью Б. Фармаковского «Н. И. Веселовский — археолог» (ЗВОРАО, т. XXV, вып. 1—4). Там же опубликована статья В. В. Бартольда о Н. И. Веселовском и приведен наиболее полный перечень его трудов.

⁷¹ В. А. Жукровский, Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва, — «Материалы по археологии России», № 16, СПб., 1894.

⁷² В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Л., 1925, с. 265.

⁷³ Первый том «Записок» вышел в 1887 г. Ранее работы членов Восточного отделения печатались в особой серии «Трудов» Общества.

⁷⁴ Б. В. Лукин, Средняя Азия..., с. 129. Востоковед-тюрколог и этнограф Н. Н. Пантусов был членом-сотрудником Русского археологического общества. Работа по изучению несторианских памятников Семиречья проводилась по поручению Археологической комиссии.

⁷⁵ Н. М. Ядринцеву, известному русскому археологу, этнографу и публицисту, принадлежит и честь определения местоположения Каракорума, где со времени Плано Карпини, Рубрика и Марко Поло не побывал ни один европеец.

⁷⁶ Первые рунические надписи были обнаружены еще в конце XVII — начале XVIII в. в верхнем течении Енисея (в районе Минусинска) С. Ремезовым, Ф. Страленбергом и Д. Мессершмидтом. В 1822 г. французский ориенталист Абель-Ремюза вслед за русским исследователем Сибири Спасским отметил важность расшифровки этих надписей, но сказал, что сделать это можно будет лишь в случае обнаружения двуязычной надписи. Открытие Н. М. Ядринцева предоставило науке именно такой случай.

⁷⁷ В состав экспедиции входили Н. М. Ядринцев и другой известный исследователь Центральной Азии — археолог Д. А. Клеменц.

⁷⁸ Об открытии и первых шагах по изучению орхонских памятников см.: Н. М. Ядринцев, Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума, — ИИРГО, т. XXVI, вып. IV, СПб., 1890; Н. И. Веселовский, Орхонские открытия, — ЖМНП, ч. ССХСII, СПб., апрель 1894; Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. I—V, СПб., 1892—1901. История изучения рунических памятников под-

робно изложена в кн.: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии, М., 1964.

⁷⁹ Вопрос о направлении в Турфан археологической экспедиции обсуждался на заседании специальной комиссии Академии наук, в состав которой входили: В. В. Радлов, В. Р. Розен, В. П. Васильев, К. Г. Залеман, А. А. Куник, Д. А. Клеменц и С. Ф. Ольденбург. Турфанская экспедиция состоялась в 1898 г.

⁸⁰ Странами, заявившими на конгрессе о своем участии в Ассоциации, были: Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Россия, США, Швейцария, Швеция, Финляндия и Франция.

⁸¹ Состав Бюро Русского комитета определен в феврале 1903 г., после того как само создание комитета было одобрено правительством. Тогда же был утвержден и устав Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, определивший его структуру и основные задачи.

⁸² В проекте Устава, составленного на французском языке, но ~~на русском языке~~ использовалась: L'Association internationale pour l'Exploration historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient (Verhandlungen des XIII Internationalen Orientalisten-Kongresses, Hamburg, September 1902, Leiden, 1904, с. 387—389).

⁸³ Бюллетень выходил на французском языке под названием: Bulletin de l'Association internationale pour l'Exploration historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient. Одновременно Петербургский комитет издавал «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях».

⁸⁴ История отечественного востоковедения дает нам многочисленные примеры участия в изучении культур Востока представителей различных народов Азии. Это относится равным образом и к началу XX столетия, когда в изучении Центральной Азии принимали участие ученые — выходцы из Средней Азии.

Глава I

¹ О проекте «Восток — Запад» см. публикацию ЮНЕСКО: Appraisal of the Major Project on Mutual Appreciation of Eastern and Western Cultural Values, 1957—1966, UNESCO, Paris, 1968.

² UNESCO Programme and Budget for 1967—1968. (Approved), Paris, 1967, § 931.

³ «Изучение цивилизаций народов Центральной Азии. Информационный документ» (пер. с англ.), Париж, 29 марта 1967 г. с. 2. Документ был подготовлен для участников предстоящего совещания экспертов в целях выработки программы исследований по новому проекту.

⁴ Там же, прил., с. 1. Здесь же оговаривалось, что при изучении истории кушан район исследований неизбежно должен включать и северо-западные провинции КНР, известные ранее под названиями «Китайский Туркестан» и «Синцзян».

⁵ Там же, прил., с. 1.

⁶ Персональный состав участников совещания дается в приложении к документу ЮНЕСКО, Meeting of Experts for the Study of Civilizations of Central Asia..., Final Report Paris, 9 June 1967 (SHC/CS/47/4), Annex. От Советского Союза в совещании участвовали Б. Г. Гафуров и Г. М. Бонгард-Левин.

⁷ Здесь и далее, говоря о совещании экспертов, авторы руководствуются текстом принятого участниками «Окончательного доклада», Meeting of Experts for the Study of Civilizations of Central Asia..., Final Report Paris, 9 June 1967 (SHC/CS/47/4).

⁸ Там же, с. 3—4.

⁹ Тему «Гандхарское искусство» было решено рассматривать как составную часть кушанских исследований.

¹⁰ Программой ЮНЕСКО первоначально предусматривался четырехлетний срок действия проекта — с 1967 по 1970 г.

¹¹ В «Окончательном докладе», в частности, говорится о необходимости изучения современных цивилизаций Центральной Азии и в том числе проблемы влияния культурного наследия и древних культурных традиций и философии на современное и культурное развитие стран этого региона в наше время.

¹² Впоследствии и в других странах произошли изменения в отношении научных учреждений, названных на совещании экспертов в качестве центров координации исследований по проекту.

¹³ Хронологические рамки темы включали период IX—XIII вв. — время наивысшего расцвета науки в Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

¹⁴ В качестве центров координации были названы Тегеранский университет и созданный в Тегеране при содействии ЮНЕСКО в рамках основного проекта «Восток—Запад» Центр по изучению иранской цивилизации.

¹⁵ Вопрос об этом центре обсуждался на совещании экспертов в Париже. Его участники просили Секретариат ЮНЕСКО осуществлять функции общей координации исследований по проекту до тех пор, пока не будет найдено иное решение вопроса.

¹⁶ На 14 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО на проект «Центральная Азия» на 1967—1970 гг. было ассигновано 100 тыс. долл.

Глава II

¹ Первый перевод этих источников на русский язык был осуществлен [Иакинфом] Бичуриным и опубликован в книге «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», СПб., 1851.

² Современные сводки сведений по ранней истории юэчжей см. в кн.: В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, с. 131—135; Б. Я. Ставиский, Между Памиром и Каспием, М., 1966, с. 192—224; Б. Г. Гафуров, Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972, с. 128—134; History of Mankind. Cultural and Scientific Development. The Ancient World, 1200 B. C. to A. D. 500, pt III, New York, 1965.

³ Некоторые ученые ведут отсчет династии кушанских правителей от Герая, которого, на основании нумизматических данных,

считают предшественником или соправителем Куджулы Каффиза.

⁴ Vincent A. Smith, *The Kushan, or Indo-Scythian Period of Indian History* (B. C. 165 to A. D. 320),—*JRAS*, London, 1903, с. 4:

⁵ Там же, с. 3.

⁶ J. Kennedy, *The Secret of Kanishka*,—*JRAS*, July and October 1912; его же, *Sidelights on Kanishka*,—*JRAS*, April 1913.

⁷ *JRAS*, July 1913, с. 627—650; October 1913, с. 911—1042.

⁸ Материалы Лондонской конференции по датам Капашки 1960 г. были опубликованы лишь в 1968 г. в кн.: *Papers on the date of Kanishka Submitted to the Conference on the Date of Kanishka*, London, 20—22 April 1960, Leiden, 1968.

⁹ В числе вышедших в 50—60-е годы работ по истории стран Центральной Азии, в которых имеются специальные разделы или главы, посвященные кушанскому периоду, можно назвать следующие: История таджикского народа, т. I, М., 1963; В. М. Массон и В. А. Ромодин, *История Афганистана*, т. I, М., 1964; J. E. Louhuizen—de Leeuw van, *The «Scythian» Period. An Approach to the History, Art, Epigraphy and Palaeogeography of the north India from the 1st Century B. C. to the 3rd Century A. D.*, Leiden, 1949; D. C. Sircar, *The Kushans. The Age of Imperial Unity*,—«*The History and Culture of the Indian People*», vol. II, Bombay, 1953; В. Н. Рюри, *India under the Kushans*, Bombay, 1965.

¹⁰ Любопытно отметить, что даже в таком обобщающем труде, каким является предпринятое под эгидой ЮНЕСКО издание «История человечества», кушанская эпоха рассматривается как часть истории Индии. Правда, в немногих строках, посвященных кушанскому государству, отмечается тот факт, что оно распространилось одновременно на Индию и Трансоксиану, будучи предназначено служить каналом для распространения культурных и религиозных влияний из Индии, Ирана и Средней Азии (см.: *History of Mankind. Cultural and Scientific Development*, vol. II, pt III, с. 677).

¹¹ В 20-е годы там вели раскопки французские археологи.

¹² О результатах первых раскопок, проведенных афганской экспедицией в долине Джелалабада, см.: Ch. Moustamidi, *Nouvelle fouilles à Nadda (1966—1967)*, Kabul, 1970.

¹³ См.: Международная конференция по археологии, истории и искусству Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе (Таджикистан, СССР), 27 сентября—6 октября. Информационный документ, Париж, 31 июля 1968 (SHC/CS/179/1).

¹⁴ Там же, с. 3.

¹⁵ Советская археология Средней Азии и кушанская проблема. Аннотированная библиография, ч. I и II, М., 1968.

¹⁶ Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых, М., 1968.

¹⁷ Б. Г. Гафуров, *Кушанская эпоха и мировая цивилизация*, М., 1968; М. С. Асимов, *Наука Средней Азии кушанской эпохи и пути ее изучения*, Душанбе, 1968; Б. Ставиский и Г. Бонгард-Левин, *Средняя Азия в кушанский период (Археологические исследования советских ученых)*, М., 1968; Б. Литвинский, *Очерк истории буддизма в Средней Азии*, М., 1968; Е. Зеймаль, *Кушанская хронология (Материалы к проблеме)*, М., 1968.

¹⁸ В состав президиума вошли: председатель—Б. Г. Гафуров, шесть заместителей председателя: А. Хабиби (Афганистан), А. Гхош

(Индия), А. Сами (Иран), А. Дани (Пакистан), Р. Гиршман (Франция), Я. Харматта (Венгрия). Членами редакционного комитета были избраны: Р. Гиршман (Франция) — председатель, Ш. Мустаминди (Афганистан), Г. М. Бонгард-Левин (СССР), Л. И. Мирошников (ЮНЕСКО).

¹⁹ Доклад был опубликован. См.: Б. Г. Гафуров, Кушанская эпоха и мировая цивилизация, М., 1968.

²⁰ Ф. А. Заславская, Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху, — НАА, 1969, № 5, с. 223—227.

²¹ International Conference on the History, Archaeology and Arts of Central Asia in the Kushan Period, Dushanbe (Tadjikistan, USSR), 27 September—6 October 1968. Final Report, Paris, 31 December 1968 (SHC/CS/179/2).

²² Там же, с. 4.

²³ Там же, с. 5.

²⁴ По соглашению с ЮНЕСКО подготовку издания трудов конференции взял на себя советский Комитет по изучению Центральной Азии. См.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конференции по истории археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху, т. I, М., 1974; т. II, М., 1975.

²⁵ International Conference..., Final Report, Annex I, с. 1—2.

²⁶ Прислали свои доклады для зачитания на конференции итальянский ученый А. Симонетта, японский специалист по кушанам: К. Эноки, американский искусствовед Б. Роуланд, которые по разным причинам не смогли приехать в Душанбе.

²⁷ Полные данные об участниках конференции в Душанбе и прочитанных на ней докладах см.: Программа конференции.

²⁸ Кушанской проблеме была посвящена большая статья в «Курьере ЮНЕСКО» (Б. Г. Гафуров, Великая цивилизация кушан, — «Курьер ЮНЕСКО», февраль 1969). Номер журнала, на обложке которого было дано скульптурное изображение головы кушанского принца, найденное при раскопках в советской Средней Азии, обошел весь мир.

²⁹ Последний пункт, не связанный непосредственно с проектом «Центральная Азия», был включен в программу по желанию афганского министерства информации и культуры.

³⁰ В качестве наблюдателей в работе семинара принимали участие президент Академии Пашто Тольна С. Риштин, известные афганские ученые Ахмад Али Кохзад, С. К. Риштия, Р. Фархад и др.

³¹ Представитель японской миссии не смог приехать на совещание.

³² К. Фишер был руководителем западногерманской экспедиции, проводившей раскопки в Афганистане.

³³ На торжественном заседании с речами выступили: премьер-министр Нур Ахмед Этемади, министр культуры, ректор Кабульского университета, представитель генерального директора ЮНЕСКО.

³⁴ На совещании была разработана схема, по которой должна подбираться информация для публикации в бюллетене.

³⁵ Работа по подготовке альбома была отложена из-за отсутствия необходимых средств в бюджете проекта ЮНЕСКО по изу-

чению Центральной Азии, но в настоящее время к ней уже приступили.

³⁶ Итоговые материалы о совещании в Кабуле опубликованы в первом выпуске бюллетеня по кушанским исследованиям — «International Seminar on Kushan Studies», Kabul, 1970, с. 1—9. Краткий отчет об этой встрече археологов помещен в журнале «Народы Азии и Африки», 1971, № 2.

³⁷ В 1971 г. вышел второй номер бюллетеня под серийным названием «Kushan Culture and History». Обложка бюллетеня украшена эмблемой совещания в Кабуле, изображающей найденную в Сурх-Котале статую Канишки. В 1974—1975 гг. вышли два тома трудов Конференция в Душанбе.

Глава III

¹ Или, как об этом говорил секретарь Совета Умар Галимов, «по счастливому стечению обстоятельств планы Совета совпали с принятием ЮНЕСКО проекта по изучению цивилизаций Центральной Азии». (Central Asia. Movement of Peoples and Ideas from Times Prehistoric to Modern, New Delhi, 1970, с. V. Далее в списках — Central Asia. Movement of Peoples...).

² Тот факт, что конференция служит больше целям популяризации знаний о культурных связях Индии и Центральной Азии, нежели задачам научного исследования, отмечали в своих выступлениях президент Индийского совета по культурным связям Дж. Н. Хосла и министр образования Индии Тригуна Сен (Central Asia. Movement of Peoples..., с. 1—3, 8—11).

³ Советские ученые выступили на конференции с докладами: «Влияние Индии на развитие общественной мысли у народов Центральной Азии» (Б. Г. Гафуров), «Культурные связи Индии со Средней Азией в древности» (Г. М. Бонгард-Левин), «Изучение индийского искусства и литературы в СССР» (М. А. Дробышев) и «Эволюция философских взглядов Л. Толстого и М. Ганди» (С. А. Микоян).

⁴ Проблемам нового и новейшего времени были посвящены доклады: «Демократические тенденции в литературах Средней Азии в XIX—начале XX в. (Д. Каушик, Индия); «Иностранное вмешательство как препятствие в распространении общественной мысли в Афганистане XIX—начала XX в.» (М. К. Аханг, Афганистан); «Экономические отношения в Центральной Азии и Афганистане (А. Гуха, Индия), а также упомянутые выше доклады советских участников конференции М. А. Дробышева и С. А. Микояна.

⁵ В решениях говорилось о необходимости проведения специальной научной конференции по проблемам современности.

⁶ Все материалы конференции в Дели — доклады, принятые резолюции и проч. — опубликованы в книге: Central Asia. Movement of peoples... Краткий отчет о конференции был помещен в индийском журнале «Indo-Asian Culture», vol. XVIII, № 2, April 1969, с. 61—63.

⁷ Minutes of the Meeting on 26th April 1969 of the National Advisory Committee on Central Asian Studies Constituted by the Indian National Commission for UNESCO.

⁸ Summary Record of the Meeting of the Local Consultative Com-

mittee on the Priority Theme «History of Ideas and Philosophy in Central Asia», Held on 14th April 1970. В состав Консультативного комитета по философии вошли известные ученые Нихаранджан Рей, Дж. Р. Шарма, Р. С. Шарма, Р. С. Панде, представлявшие университеты Дели, Патны, Аллахабада и Алигарха.

⁹ Meeting of Experts for the Study of Civilizations of Central Asia. UNESCO House, Paris, 24—28 April 1967. Final Report (SHC/CS/47/4), с. 7.

¹⁰ Работой руководила член-корр. АН Узбекской ССР Г. А. Пугаченкова.

¹¹ UNESCO Programme and Budget for 1969—1970. (Approved), Paris, 1969, para 1110, с. 351.

¹² Председателем Организационного комитета Академии наук Узбекской ССР был вице-президент Академии И. М. Муминов.

¹³ Для симпозиума были подготовлены следующие доклады: «Зодчество эпохи тимуридов в его основных чертах» (Г. А. Пугаченкова, СССР); «Проблемы изучения художественной рукописи и искусства каллиграфии эпохи тимуридов» (Х. Сулейман, СССР); «Problems in the History of the Timurid School of Miniature Painting» (B. Gray, England); «The Decorative arts of Central Asia During the Timurid Period» (E. J. Grube, USA); «Timurid Manuscripts of Artistic Value in Afghan Collection» (Mir Husain Shah, Afghanistan) — SHC/Conf. 23/2, 3, 4, 5 and 6.

¹⁴ International Symposium on the Art of Central Asia During the Timurid Period, Samarkand (Uzbekistan, USSR), 23—27 September 1969. Information Document, Paris, 4 July 1969 (SHC/Conf. 23/1).

¹⁵ См. статью Ф. А. Заславской и Н. А. Кузнецовой «Симпозиум по искусству эпохи тимуридов» (НАА, 1970, № 3) и доклад И. М. Муминова «Об исторических корнях возникновения и развития искусства Средней Азии эпохи тимуридов» (Самарканд — Ташкент, 1969).

¹⁶ International Symposium on the Art of Central Asia During the Timurid Period, Samarkand, 23—27 September 1969. Final Report, Paris, 12 January 1970 (SHC/Conf. 23/7), с. 3. Далее в сносках — Samarkand Symposium... Final Report.

¹⁷ Резюме выступлений участников дискуссии содержится в «Окончательном докладе» симпозиума в Самарканде. В работе симпозиума приняли участие ведущие специалисты по искусству Востока, приехавшие из 14 стран Азии, Европы и Америки.

¹⁸ Работа первой проходила под председательством Г. А. Пугаченковой, на заседаниях второй председательствовал английский ученый Б. Грей.

¹⁹ Члены рабочей группы остановились на названии «Шедевры архитектуры Центральной Азии времени тимуридов».

²⁰ Samarkand Symposium... Final Report, Annex II.

²¹ Там же, Annex III.

²² В качестве руководителя работы над этой публикацией был рекомендован английский ученый Б. Грей.

²³ Samarkand Symposium... Final Report, Annex IV, V and VI.

²⁴ Миниатюры Бабур-наме. Составитель Х. Сулейман, Ташкент, 1969.

²⁵ Каталог всесоюзной выставки искусства тимуридского периода. Составители О. Акимускин и А. Иванов, Ташкент, 1969.

²⁶ «Социальные науки в Узбекистане», № 8—9, 1969 (Ташкент).

²⁷ Кроме ЮНЕСКО на симпозиум прислали своих представителей Международный совет по философии и гуманитарным наукам, Международный союз архитекторов и Международная ассоциация пластического искусства.

²⁸ Координацию участия пакистанских историков и археологов в кушанских исследованиях осуществляли департамент археологии Пешаварского университета (А. Х. Дани) и Археологическая служба Пакистана (Ф. А. Хан).

²⁹ Этой работой руководил вице-канцлер университета проф. Р. Сиддики.

³⁰ Полный список представленных докладов и документов см.: Report of the UNESCO Symposium on the Contribution of the Peoples of Central Asia to the Development of Science During the 9th—13th Centuries, Held under the Auspices University of Islamabad (Pakistan), 23—30 September 1970, с. 4—5.

³¹ Там же, с. 21—23 (Proposals and Recommendations).

³² UNESCO Programme and Budget for 1969—1970. (Approved), Paris, 1969, § 1007, с. 350.

³³ Книга была переведена на английский язык в ЮНЕСКО. По контракту с ЮНЕСКО она была опубликована в Москве издательством «Наука» — History of the Mongolian People's Republic, М., 1973.

³⁴ М. И. Гольман, Международный конгресс монголоведов, — НАА, 1972, № 2, с. 229—232.

³⁵ UNESCO Programme and Budget for 1971—1972. (Approved), Paris, 1971, § 3175, с. 272.

Глава IV

¹ Meeting of Experts for the Study of Civilizations of Central Asia. UNESCO House, Paris, 24—28 April 1967. Final Report, Paris, 9 June, 1967 (SHC/CS/47/4), с. 2.

² Так, в Пакистане Координационный центр по изучению истории развития науки был создан лишь в 1970 г. В конце 1970 г. был сформирован и Комитет по изучению цивилизаций Центральной Азии при Комиссии Ирана по делам ЮНЕСКО.

³ Фильм «Искусство Центральной Азии» создан кинематографистами Узбекистана и Таджикистана (оператор М. Каюмов) при содействии национальных комиссий ЮНЕСКО других стран — участниц проекта «Центральная Азия». Автор сценария — Г. А. Пугаченкова, консультанты фильма — Б. Г. Гафуров, А. П. Болгарев, Л. И. Мирошников.

⁴ UNESCO Programme and Budget for 1971—1972. (Approved), Paris, 1971, § 3168, с. 271.

⁵ Там же, § 3175, с. 272.

⁶ В совещании участвовали: Ш. Мустамкиди (Афганистан), Р. Рахул (Индия), З. Сафа (Иран), Х. Цэрэв (МНР), Р. Сиддики (Пакистан), Л. И. Мирошников (СССР), Б. Грей (Англия), И. Бечка (Чехословакия).

⁷ United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Collective consultation on the study of civilizations of Central Asia, Paris, 1971 (CLT/1732/19.7), с. 1.

⁸ Там же, с. 1.

⁹ Там же, с. 12.

¹⁰ Кроме конференций и симпозиумов в Душанбе (1968), Дели (1969), Самарканде (1969), Кабуле (1970) и Исламабаде (1970), о которых подробно говорилось выше, в докладе назван также Международный семинар по восточным рукописям в Кабуле (июль—август 1967 г.). Его организация формально не была частью проекта «Центральная Азия», но семинар имел отношение к проблемам искусства тимуридского времени и проводился под эгидой ЮНЕСКО.

¹¹ Этот атлас был подготовлен к изданию группой ученых Бурятского института общественных наук Сибирского отделения АН СССР в Улан-Удэ.

¹² Рукопись фундаментальной вступительной статьи к альбому по архитектуре была обсуждена на совещании и получила высокую оценку. Однако, учитывая новую ориентацию серии публикаций ЮНЕСКО, была принята рекомендация о подготовке и нового варианта вступительной статьи.

¹³ Речь идет об издании ЮНЕСКО («История человечества»).

¹⁴ На совещании вновь возникла дискуссия о значении термина «Центральная Азия». Она касалась исторических, этнографических и культурных аспектов определения. В результате все участники пришли к общему мнению о границах района исследования по проекту ЮНЕСКО, а также констатировали, что этот термин вполне отвечает практическим задачам проекта.

¹⁵ Инициатива создания международной ассоциации исходила от ученых стран Центральной Азии, и именно поэтому Секретариат ЮНЕСКО включил этот вопрос в повестку дня совещания.

¹⁶ Представители Совета и входящего в его состав Международного союза востоковедов выступили в поддержку идеи создания ассоциации по изучению культур Центральной Азии.

¹⁷ Краткий отчет о совещании консультантов 1971 г. помещен в журнале «Народы Азии и Африки» (1971, № 6, с. 234—236).

Глава V

¹ Международная конференция по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. (Ашхабад, 26 сентября—5 октября 1972 г.). Программа конференции, М., 1972. Об этой программе сообщалось также в статье: «Сотрудничество ученых мира в исследовании проблем Центральной Азии (к Ашхабадской конференции ЮНЕСКО)»,— «Народы Азии и Африки», 1972, № 4, с. 3—7.

² Список прочитанных на конференции докладов и сообщений см.: Международная конференция по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. (Ашхабад, 26 сентября—5 октября 1972 г.). Итоговый доклад, М., 1972, с. 19—29 (далее — Международная конференция в Ашхабаде. Итоговый доклад).

³ Международная конференция по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. (Ашхабад, 26 сентября—5 октября 1972 г.). Тезисы докладов и сообщений ученых СССР (П. А. А з я м о в и Ю. Д. Д е ш е р с в, Советский опыт

развития национальных культур на базе родных языков; М. Гапуров, Социально-культурное развитие народов Средней Азии и Казахстана в новейшее время; Б. Г. Гафуров, Основные этапы историко-культурного развития народов Центральной Азии; Л. Мирошников, Советский Союз и страны Центральной Азии: к вопросу об основах внешнеполитических отношений, М., 1972).

Подробный отчет об ашхабадской конференции напечатан в журнале «Народы Азии и Африки» (1973, № 2, с. 212—216).

⁴ «Правда», 27.IX.1972.

⁵ Международная конференция в Ашхабаде. Итоговый доклад, с. 8—10. Английский текст посланий см. в документе ЮНЕСКО: International Conference on the Social and Cultural Development of Central Asian Countries in the 19th and 20th Centuries. Ashkhabad, 26 September—5 October 1972. Final Report, Paris, 28 February 1973 (SHC-72/Conf. 14/I), Annex II, с. 2—3.

⁶ Международная конференция в Ашхабаде. Итоговый доклад, с. 17—18.

⁷ В 1975 г. в Москве опубликован первый выпуск трудов Ашхабадской конференции ЮНЕСКО (Central Asia in Modern Times, Moscow, 1975).

⁸ Председатель Оргкомитета симпозиума — вице-президент монгольской Академии наук, член-корр. АН МНР Х. Цэрэв, ответственный секретарь — д-р Н. Сэр-Оджав.

⁹ Международный симпозиум «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». Улан-Батор, 5—11 мая 1973 г. Заключительный доклад, Париж, 15 октября 1973 (SHC/WS/300) (далее — Симпозиум в Улан-Баторе. Заключительный доклад).

¹⁰ Эти же проблемы поднимались в докладах О. Латтимора (США) и Н. Сэр-Оджава (МНР).

¹¹ Симпозиум в Улан-Баторе. Заключительный доклад, Приложение II. «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», Улан-Батор, 1974.

¹² В нем участвовали представители национальных комитетов и других центров по координации центральноазиатских исследований Афганистана, Индии, Ирана, МНР, Пакистана и СССР. На некоторых заседаниях в качестве наблюдателей присутствовали ученые Турции, Японии и Франции.

¹³ Обсуждались предложения о проведении в странах региона симпозиума по литературе Центральной Азии в Иране, конференции по арийской проблеме в Индии и научных сессий, посвященных творчеству Амир Хосрова Дехлеви (в связи с 700-летним юбилеем).

¹⁴ Речь шла о создании: международного института археологии и антропологии при Исламабадском университете и укреплении Академии пушту в Пешаваре (предложения пакистанских ученых), центра по изучению языка и литературы пушту в Кабуле (предложение ученых Афганистана) и международного центра по изучению миграции народов и их культурных контактов в древнейшее время (предложение Института Среднего и Дальнего Востока в Риме).

¹⁵ В старой программе эти хронологические рамки открывались началом кушанской эпохи (II—I вв. до н. э.).

¹⁶ United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Consultative Meeting on the Central Asian Cultural Studies Programme, Paris, 11 March 1974 (SHC/WS/330), с. 2. Предложения

о создании научных центров и новых темах, а также уточненные планы публикаций приведены в приложениях к докладу совещания.

¹⁷ Там же, Annex XI — «Statutes of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia», с. 1—3.

¹⁸ Там же, Annex XII — «Council of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia».

Заключение

¹ Имеются в виду конференции ЮНЕСКО в Таджикистане (Душанбе — 1968 г.), Узбекистане (Самарканд — 1969 г.) и Туркмении (Ашхабад — 1972 г.).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, с. 326.

³ В. В. Бартольд, Сочинения, т. 1, прилож. II, с. 610, М., 1963.

⁴ Современный Восток, М., 1960, № 7, с. 9.

ЛИТЕРАТУРА

Труды классиков марксизма-ленинизма. Документы и материалы КПСС

- Маркс К. Британское владычество в Индии.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 9.
- Энгельс Ф. Афганистан.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 14.
- Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 21.
- Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года.—Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.—Полн. собр. соч., т. 27.
- Ленин В. И. О национальной программе РСДРП.—Полн. собр. соч., т. 24.
- Ленин В. И. Пробуждение Азии.—Полн. собр. соч., т. 23.
- Ленин В. И. Речь на заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов (21 декабря 1920 г.).—Полн. собр. соч., т. 42.
- Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу.—Полн. собр. соч., т. 23.
- Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском дворце съездов 21 декабря 1972 г., М., 1972.
- Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта 1971 г., М., 1971.
- Брежнев Л. И. Решения XXIV съезда КПСС — боевая программа деятельности советских профсоюзов. Речь на XV съезде профессиональных союзов СССР 20 марта 1972 г., М., 1972.

Документы

- Международная конференция по археологии, истории и искусству Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе (Таджикистан, СССР), 27 сентября — 6 октября 1968 г. Информационный документ, Париж, 31 июля 1968. Пер. с англ. (SHC/CS/179/1).
- Международная конференция по истории, археологии и искусству Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе (Таджики-

- стан, СССР), 27 сентября — 6 октября 1968. Окончательный доклад, Париж, 22 января 1969 г. Пер. с англ. (SHC/CS/179/2).
- Международная конференция по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. (Ашхабад, 26 сентября — 5 октября 1972 г.). Итоговый доклад, М., 1972.
- Международная конференция по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. (Ашхабад, 26 сентября — 5 октября 1972 г.). Программа конференции, М., 1972.
- Международный симпозиум «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», Улан-Батор, 5—11 мая 1973 г. Заключительный доклад, Париж, 15 октября 1973 (SHC/WS/300).
- Международный симпозиум ЮНЕСКО по искусству периода тимуридов. Программа, Самарканд, 1969.
- Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Консультативное совещание по программе изучения культур Центральной Азии (Париж, 23—25 июля 1973 г.), Париж, 20 июня 1974 г. Пер. с англ. (SHC/WS/330).
- Совещание экспертов по центральноазиатским исследованиям. Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж, 24—28 апреля 1967 г. Изучение цивилизаций народов Центральной Азии. Информационный документ, Париж, 29 марта 1967 г. Пер. с англ. (SHC/CS/47/1).
- Совещание экспертов по изучению цивилизаций Центральной Азии. Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж, 24—28 апреля 1967 г. Окончательный доклад, Париж, 9 июля 1967. Пер. с англ. (SHC/CS/47/4).
- Appraisal of the Major Project on Mutual Appreciation of Eastern and Western Cultural Values. Report by the Director-General (UNESCO), Paris, 25 October 1966 (14C/70).
- Colloque international sur l'art de l'Asie centrale à l'époque timouride. Samarkand, 23—27 septembre 1969. Rapport final, Paris, le 12 Janvier 1970 (SHC/Conf. 23/7).
- Colloque international sur «Le rôle des peuples nomades dans la civilisation de l'Asie centrale», Oulan-Bator, 5—11 mai 1973. Rapport final, Paris, le 15 octobre 1973 (SHC/WS/300).
- Expert Meeting for Central Asian Studies. UNESCO House, Paris, 24—28 April 1967. Information Document, Paris, 29 March 1967 (SHC/CS/47/1).
- International Conference on the Archaeology, History and Arts of Central Asia in the Kushan Period. Dushanbe (Tajikistan, USSR), 27 September — 6 October 1968. Information Document, Paris, 31 July 1968 (SHC/CS/179/1).
- International Conference on the History, Archaeology and Arts of Central Asia in the Kushan Period, Dushanbe (Tajikistan, USSR), 27 September — 6 October, 1968. Final Report, Paris, 31 December 1968 (SHC/CS/179/2).
- International Conference on the Social and Cultural Development of the Countries of Central Asia in the 19th—20th cc. (Ashkhabad, 26 September — 5 October 1972), Final report, Moscow, 1973.
- International Conference on the Social and Cultural Development of Central Asian Countries in the 19th and 20th Centuries, Ashkhabad, 26 September — 5 October 1972. Final Report, Paris, 28 February 1973 (SHC—72/Conf. 14/1).
- International Symposium on the Art of Central Asia During the Ti-

- murid Period, Samarkand (Uzbekistan, USSR), 23—27 September 1969, Information Document, Paris, 4 July 1969 (SHC/Conf. 23/1).
- International Symposium on the Art of Central Asia During the Timurid Period, Samarkand, 23—27 September 1969. Final Report, Paris, 12 January 1970 (SHC/Conf. 23/7).
- Meeting of Experts for the Study of Civilizations of Central Asia. UNESCO House, Paris, 24—28 April 1967. Final report, Paris, 9 June 1967 (SHC/CS/47/4).
- Report (of the) International Seminar and Exposition of Manuscripts. Kabul, July 31 — August 4, 1967 (UNESCO Paris),— (CLT/2303/0310).
- Report of the UNESCO Symposium on the Contribution of the Peoples of Central Asia to the Development of Science During the 9th—13th Centuries, Held under the Auspices of University of Islamabad (Pakistan), 23—30 September 1970.
- Statutes of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia—in: «United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Consultative Meeting on Central Asian Cultural Studies Programme», Paris, 11 March 1974, Annex XI (SHC/WS/330).
- UNESCO. Draft Report of the Advisory Committee for the Major Project on Mutual Appreciation of Eastern and Western Cultural Values. Sixth session. UNESCO House, Paris, 6—10 December 1965 (UNESCO/MAPA/GAC/II).
- UNESCO Programme and Budget for 1967—1968. (Approved), Paris, 1967.
- UNESCO Programme and Budget for 1969—1970. (Approved), Paris, 1969.
- UNESCO Programme and Budget for 1971—1972. (Approved), Paris 1971.
- UNESCO Programme and Budget for 1973—1974. (Approved), Paris, 1973.
- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Collective Consultation on the Study of Civilizations of Central Asia, Paris, 1971 (CLT/1732/19.7).
- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Consultative Meeting on the Central Asian Cultural Studies Programme, Paris, 11 March 1974 (SHC/WS/330).

Книги и статьи

- Азимов П. А., Дешериев Ю. Д. Советский опыт развития национальных культур на базе родных языков, М., 1972.
- Акимушкин О. Ф. и Иванов А. (составители). Каталог все-союзной выставки искусства тимуридского времени, Ташкент, 1969.
- Асимов М. С. Наука Средней Азии кушанской эпохи и пути ее изучения, Душанбе, 1968.
- Бабер-Наме или Записки султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским], Казань, 1857.
- Бартольд В. В. Греко-Бактрийское государство и его распространение на северо-восток,— Соч., т. II, ч. 2, М., 1964.

- Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Л., 1925.
- Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927.
- Бартольд В. В. К вопросу о языках согдийском и тохарском,— Соч., т. II, ч. 2, М., 1964.
- Бартольд В. В. К истории арабских завоеваний в Средней Азии,— Соч., т. II, ч. 2, М., 1964.
- Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья,— Соч., т. II, ч. I, М., 1963.
- Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа,— Соч., т. II, ч. I, М., 1963.
- Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк,— Соч., т. II, ч. I, М., 1963.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия,— Соч., т. I, М., 1963.
- Бекмаханова Н. Е. Социальное и культурное развитие стран Центральной Азии в XIX—XX веках. Международная конференция ЮНЕСКО в Ашхабаде,— «История СССР», М., 1973, № 2.
- Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет, М.—Л., 1946.
- Бернштам А. Н. Гуннский могильник Нонин-ула и его историко-археологическое значение,— «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», М., 1937, № 4.
- [Н. Бичурин]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, с картою на трех больших листах. Сочинение монаха Иакинфа, ч. I, СПб., 1851.
- [Блакеннагель]. Путевые заметки майора Блакеннагеля о Хиве в 1793—94 гг.— ВИРГО, ч. 22, 1858.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.
- Бэр К. М. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний,— ЗИРГО, ч. 1 и 2, кн. III и IV, 1849—1850.
- Вайнберг Б. И. Международная конференция ЮНЕСКО по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху,— СЭ, 1969, № 2.
- Валиханов Ч. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг. (Извлечения из отчета штабс-капитана Валиханова),— ЗИРГО, 1861, кн. I.
- Валиханов Ч. Очерки Джунгарии,— ЗИРГО, 1861, кн. I.
- Вамберги Г. История Бохары, или Трансоксаниии, с древнейших времен до настоящего. Перевод А. И. Павловского, т. I—II. СПб., 1873.
- Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии, М.—Л., 1940.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исторические сведения о киргизкайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайрхана (1748—1765), т. I—II, Уфа, 1853—1855.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худаяр-хана,— ТВОРАО, ч. II, 1856.
- [Веселовский Н. И.] История императорского Русского архео-

- логического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. Составил Н. И. Веселовский, СПб., 1900.
- Веселовский Н. И. (ред.) Мечети Самарканда. Альбом архитектурных рисунков и чертежей, Вып. I, СПб., 1905.
- Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877.
- Веселовский Н. И. Орхонские открытия,— ЖМНП, ч. ССХСII, апрель 1894.
- Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.
- Гапуров М. Социально-культурное развитие народов Средней Азии и Казахстана в новейшее время, М., 1972.
- Гафуров Б. Великая цивилизация кушан,— «Курьер ЮНЕСКО», февраль 1969.
- Гафуров Б. Восток, история, цивилизация,— ААС, 1967, № 12.
- Гафуров Б. Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация, Душанбе — Москва, 1968.
- Гафуров Б. Г. Основные этапы историко-культурного развития народов Центральной Азии, М., 1972.
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972.
- Гафуров Б. Г., Мирошников Л. И. Сотрудничество ученых мира в исследовании проблем Центральной Азии (К Ашхабадской конференции ЮНЕСКО),— НАА, 1972, № 4.
- Гольман М. И. Международный конгресс монголоведов,— НАА, 1972, № 2.
- [Григорьев В. В.] Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан. Перевел, с присовокуплением критических примечаний и дополнений... В. В. Григорьев, СПб., 1867.
- Григорьев В. В. О скифском народе саках, СПб., 1871.
- [Григорьев В. В.] Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел, с присовокуплением критических примечаний и дополнений по источникам, изданным в течение последних тридцати пяти лет... В. В. Григорьев. Выпуск второй — дополнения, СПб., 1873.
- Григорьев В. Рец. в кн.: ЖМНП, ноябрь 1873.
- [Григорьев В. В.] Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом, СПб., 1876.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II — Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Л., 1926.
- Гумбольдт А. фон. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии, под ред. проф. Д. Н. Анучина, т. I, М., 1913.
- [Данилевский Г. И.] Описание Хивинского ханства,— ЗИРГО, кн. V, 1851.
- [Ефремов Ф.] Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию, изд. 3-е, Казань, 1811.

- Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва («Материалы по археологии России», № 16). СПб., 1894.
- Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Пг., 1915.
- Заславская Ф. А. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху.— НАА, 1969, № 5.
- Заславская Ф. А., Кузнецова Н. А. Симпозиум по искусству эпохи тимуридов.— НАА, 1970, № 3.
- Зеймаль Е. Кушанская хронология (Материалы к проблеме). Москва — Душанбе, 1968.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758), М., 1964.
- Иванов Вяч. Вас. Языковые данные о происхождении Кушанской династии и тохарская проблема.— НАА, 1967, № 3.
- [Игнатъев Н. П.] Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта, полковника Н. П. Игнатъева, СПб., 1897.
- Изучение Центральной Азии продолжается.— «Новости ЮНЕСКО», май 1969, № 5.
- История искусства народов СССР, т. I, М., 1971.
- «История монгалов» Плано Карпини и «Путешествие в Восточные страны» Гийома де Рубрука, Перевод А. И. Малейна, СПб., 1911.
- История таджикского народа, т. I — С древнейших времен до V в. н. э. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963.
- Каррутерс Д. Неведомая Монголия, т. I — Урянхайский край. Пер. с англ. Н. В. Турчанинова, Пг., 1914.
- Клавихо Р. Г. де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Перевод И. И. Срезневского, СПб., 1881.
- Клеменц Д. А. Предварительные сведения об археологических результатах Турфанской экспедиции — ЗИРГО, т. XII, 1899.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии, М., 1964.
- Книга Большому Чертежу. Подгот. к печати и редакция К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950.
- Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, М., 1948.
- Козлов П. К. Путешествие в Монголию 1923—1926 гг., М., 1949.
- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.— Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957.
- Крачковский И. Ю. Бируни и его роль в истории восточной географии.— в кн. «Бируни», сб. статей под ред. Л. П. Толстова, М.—Л., 1950.
- Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки. Составитель Е. В. Зеймаль, под ред. В. Г. Луконина, Душанбе, 1968.
- Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870.
- Лерх П. И. Монеты Бухар-худатов, СПб., 1909.
- Литвинский Б. А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связи между Средней Азией, Китаем и Ин-

- дней в древности (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР), М., 1960.
- Литвинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии.— ВДИ, 1967, № 4.
- Литвинский Б. Очерк истории буддизма в Средней Азии. Москва — Душанбе, 1968.
- Логашова Д. Б. Международная научная конференция ЮНЕСКО по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии.—СЭ, 1973, № 1.
- Лукин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958.
- Лукин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, 1965.
- Макшеев А. Географические сведения Книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае, СПб., 1879.
- [Макшеев А. И.] Описание Аральского моря.—ЗИРГО, кн. V, 1851.
- Мандельштам А. М. О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане.—СА, т. XXI, 1954.
- Массон М. Е. Скульптура Айртама,—«Искусство», 1935, № 2.
- Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I—II, М., 1964—1965.
- Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых, Москва — Душанбе, 1968.
- Международная конференция по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX вв. (Ашхабад, 26 сентября—5 октября 1972 г.). Тезисы докладов ученых СССР, М., 1972.
- Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины, СПб., 1882.
- Минаев И. П. Буддизм. Исследования и материалы, т. I—II, СПб., 1887.
- Минаев И. П. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885—1886 гг.
- Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.
- Миниатюры Бабур-наме. Составитель Х. Сулейман, Ташкент, 1969.
- Мирошников Л. И. Изучение цивилизаций Центральной Азии по программе ЮНЕСКО (Международное совещание в Париже).—НАА, 1971, № 6.
- Мирошников Л. Империя Великих кушан,—«Новости ЮНЕСКО», Париж, апрель 1967, № 4.
- Мирошников Л. К конференции ЮНЕСКО в Ашхабаде.—ААС, 1972, № 9.
- Мирошников Л. И. Международное совещание по координации археологических исследований в Центральной Азии.—НАА, 1971, № 2.
- Мирошников Л. И. Проблемы социального и культурного развития стран Центральной Азии в XIX—XX веках (Международная конференция ЮНЕСКО).—НАА, 1973, № 2.
- Мирошников Л. И. Проект по изучению цивилизаций народов Центральной Азии.—НАА, 1968, № 2.

- Мирошников Л. Советский Союз и страны Центральной Азии: к вопросу об основах внешнеполитических отношений, М., 1972.
- Муминов И. М. Об исторических корнях возникновения и развития искусства Средней Азии эпохи тимуридов, Самарканд — Ташкент, 1969.
- [Муравьев Н.] Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в оные страны для переговоров, М., 1822.
- Мурзаев Э. В далекой Азии. Очерки по истории изучения Средней и Центральной Азии в XIX—XX вв., М., 1956.
- Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г., т. I, СПб., 1886.
- Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии, СПб., 1821.
- Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.
- Окладников А. П. Центральноазиатский очаг первобытного искусства, Новосибирск, 1972.
- Ольденбург С. Ф. Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии, — ЖМНП, сентябрь 1903.
- Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото, — «Материалы по этнографии России», т. II, СПб., 1914.
- Певцов М. В. Путешествие в Кашгарню и Кун-Лунь, М., 1949.
- Позднеев А. Монголия и монголы, т. I—II, СПб., 1896—1898.
- [Поло, Марко] Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И. П. Минаева, изд. 2-е, М., 1956.
- Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом, — ЗИРГО, кн. IX, 1853.
- Потанин Г. Н. Путешествия по Монголии, М., 1948.
- Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, М., 1946.
- Пугаченкова Г. А. Зодчество эпохи тимуридов в его основных чертах, ЮНЕСКО, Париж, август 1969 (SHC/Conf. 23/2).
- Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна, М., 1971.
- [Радлов В. В.] Предварительный отчет о результатах снаряженной... Академиею наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона В. В. Радлова, — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. I, СПб., 1892.
- Рейснер И. М. К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени, — «Вопросы истории», 1951, М., № 6.
- Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954.
- Рерих Ю. Н. Тохарская проблема, — НАА, 1963, № 6.
- Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, М., 1974.
- Ромодин В. А. Из истории изучения афганцев и Афганистана в России, — «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953.
- Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. I—V, СПб., 1892—1901.
- Семенов П. П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества. 1845—1895, СПб., 1896.

- Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах, М., 1946.
- Сивилцын В. М. Центральная Азия, М., 1959.
- Снесарев А. Е. Восточная Бухара, СПб., 1906.
- Снесарев А. Е. Афганистан, М., 1921.
- Советская археология Средней Азии и кушанская проблема, Отв. ред. акад. Б. Г. Гафуров. Составители; Б. Ставиский, Б. Ваинберг, Н. Горбунова, Э. Новгородова, ч. I—II, М., 1968.
- Ставиский Б. Я. Между Памиром и Каспием, М., 1966.
- Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим (К вопросу о международных связях в кушанский период),— в сб. «Индия в древности», М., 1964.
- Ставиский Б., Бонгард-Левин Г. Средняя Азия в кушанский период (Археологические исследования советских ученых), Москва—Душанбе, 1968.
- Ставиский Б. Я. О северных границах Кушанского государства,— ВДИ, 1961, № 1.
- Сулейман Х. Проблемы изучения художественной рукописи и искусства каллиграфии эпохи тимуридов, ЮНЕСКО, Париж, август 1969 (SHC/Conf. 23/6).
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация, М., 1949.
- Тревер К. В. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг.,— «Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры», Л., 1931, № 9—10.
- Третий международный съезд ориенталистов, СПб., 1881.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948.
- Толстов С. П. Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема «эры шака» и «эры Канишки»,— «Проблемы востоковедения», 1961, М., № 1.
- Труды третьего Международного съезда ориенталистов в Петербурге, т. I—Под ред. В. В. Григорьева, СПб., 1879—1880, т. II—Под ред. В. Р. Розена, СПб.—Лейден, 1879.
- Уляницкий В. А. Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв. (По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел), М., 1889.
- [Унковский И.] Посольство к зюнгарскому Хун-тайджи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1772—1774 годы, СПб., 1887.
- [Ханыков Н. В.] Описание Бухарского ханства, составленное Н. Ханыковым, СПб., 1843.
- [Ханыков Н. В.] Иран К. Риттера. Часть первая. Перевел и дополнил Н. В. Ханыков, СПб., 1894.
- Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан, М., 1973.
- Ханыков Я. В. Очерк состояния Внутренней Киргизской орды в 1841 году,— ЗИРГО, кн. 1—2, изд. 2-е, 1849.
- Ханыков Я. В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах Гладышевым и Муравиным, СПб., 1851.
- [Ханыков Я. В.] Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями, составленная Я. В. Ханыковым,— ЗИРГО, кн. V, 1851.
- Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной

- Азии в кушанскую эпоху, Душанбе, 27 сентября—6 октября 1968 г., т. I—II, М., 1974—1975.
- Чихачев П. О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарьи и Нагорной площади Памир,—ЗИРГО, кн. III, 1849.
- Эльманджра М., Мирошников Л. И. ЮНЕСКО и международное сотрудничество в изучении цивилизации Центральной Азии,—«Радиожурнал ЮНЕСКО», Париж, 1968, № 3.
- Юркевич Э. А. История изучения кушанских памятников Афганистана,—СА, 1969, № 2.
- Ядринцев Н. М. Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума,—ИИРГО, т. XXVI, вып. IV, 1890.
- Ядринцев Н. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 году,—«Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. V, СПб., 1901.
- Azimov P. A., Desheriev Y. D. Soviet Experience in Developing National Cultures on the Basis of Indigenous Languages, Moscow, 1972.
- Appraisal of the Major Project on Mutual Appreciation of Eastern and Western Cultural Values, 1957—1966. UNESCO, (Paris), 1968.
- Basham A. L. (ed.) Papers on the Date of Kanishka Submitted to the Conference on the Date of Kanishka, London, 20—22 April 1960, Leiden, 1968.
- Belenitsky A. Asie centrale, Genève, 1968.
- Bernard P. Deuxième campagne de fouilles d'Al Khanoum en Bactriane,—«Academie des inscriptions et belles-lettres», Comptes rendus des séances de l'année 1967 (avril—juin), Paris, 1967.
- Bussagli M. La peinture de l'Asie centrale, Genève, 1963.
- Byron R. Timurid Architecture. General Trends,—«Survey of Persian Art» by A. U. Pope (ed.), vol. II—Text, London—New York, 1939.
- Central Asia in Modern Times, Moscow, 1975.
- Central Asia. Movement of Peoples and Ideas from Times Prehistoric to Modern, New Delhi, 1970.
- Culture and Art of Soviet Central Asia in the Kushan Period. Catalogue of Exhibition, Dushanbe, 1968.
- Etudes des civilisations de l'Asie centrale,—«Chronique de l'UNESCO», (Paris), vol. XV, № 1, Janvier 1969.
- Fleet J. F. The Question of Kanishka,—JRAS, January 1913.
- Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhara, t. I—II, Paris, 1905—1951.
- Gafurov B. Al-Biruni. A Universal Genius Who Lived in Central Asia a Thousand Years Ago,—«UNESCO Courier», June 1974.
- Gafurov B. The Great Civilization of the Kushans,—«UNESCO Courier», February 1969.
- Gafurov B. Kushan Civilization and World Culture, Dushanbe—Moscow, 1968.
- Gafurov B. G. (ed.) Soviet Central Asian Archaeology and the Kushan Problem. An Annotated Bibliography. Compiled by Stavisky D. Y., Vainberg B. I., Gorbunova N. G., Novgorodova E. A., vol. I—II, Moscow—Dushanbe, 1968.
- Gafurov M. Social and Cultural Development of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan in Modern Times, Moscow, 1972.
- Ghirshman R. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kushans,—MDAFA, t. XIII, Le Caire, 1946.

- Ghirshman R. Le problème de la chronologie des Kouchans,— «Cahiers d'histoire mondiale», vol. III, Neuchâtel, 1957, № 3.
- Glaesser G. The Work of the Committee on the Study of the Civilizations of Central Asia of the USSR Commission for UNESCO,— «East and West», New Series, vol. 23, № 3—4, Rome, Sept.—Dec., 1973.
- Gray B. Problems in the History of the Timurid School of Miniature Painting, UNESCO, Paris, 18 August 1969 (SHC/Conf.23/3).
- Grube E. J. The Decorative Arts of Central Asia During the Timurid Period, UNESCO, Paris, August 1969 (SHC/Conf.23/4).
- Guerre P. Présence de l'Asie centrale,— «Critique», Paris, Août—Sept. 1968, № 255—256.
- Habibi A. H. Afghanistan Importance from the Viewpoint of the History and Archaeology of Central Asia,— «Afghanistan», Kabul, vol. XX, № 4, Winter 1968.
- Histoire des Mongols et des tartares par Aboul-ghasi Béhatur-Khan. Publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons, t. I—II, St.-Petersbourg, 1871—1874.
- Histoire et origine des Kouchans: une conférence de l'UNESCO à Dushanbe,— «Informations UNESCO», № 540, Décembre 1968.
- History of Mankind. Cultural and Scientific Development. Vol. II—The ancient world, 1200 B. C. to A. D. 500, Part three, New York, 1965.
- History of the Mongolian People's Republic, Moscow, 1973.
- Humboldt A. de. Asie centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et le climatologie comparée, Paris, 1843.
- International Conference on Central Asia,— «Indo-Asian Culture», vol. XVIII, № 2, New Delhi, April 1969.
- International Conference on the History, Archaeology and Culture of Central Asia in the Kushan Period. Abstracts of Papers by Soviet Scholars, Dushanbe—Moscow, 1968.
- International Conference on the Social and Cultural Development of the Countries of Central Asia in the 19th—20th cc. (Ashkhabad, 16 September—5 October 1972). Abstracts of the Papers Presented by the Soviet Scholars, Moscow, 1972.
- International Seminar on Kushan Studies, Kushan series, № 1 (Historical Society of Afghanistan Series, № 95), Kabul, 1970.
- Kennedy J. The Secret of Kanishka,— JRAS, July and October 1912.
- Kennedy J. Fresh Light on Kanishka,— JRAS, July 1913.
- Kennedy J. The Nameless King,— JRAS, July 1913.
- Kennedy J. Sidelights on Kanishka,— JRAS, April 1913.
- [Khanikoff, Nicolas de]. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale par Nicolas de Khanikoff, Paris, 1862.
- Klaproth J. Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours; accompagnés de recherches historiques et ethnographiques sur cette partie du monde, Paris, 1826.
- Kruglikova I. et Moustamindi Ch. Resultats préliminaires des travaux de l'Expedition archéologique afghano-sovietique en 1969,— «International Seminar on Kushan Studies», Kushan series № 1, Kabul, 1970.
- Krouglikova I. T. et Sarianidi V. I. La Bactriane ancienne dans optique de nouvelles recherches archéologiques,— «Kushan Culture and History», № 2, Kabul, December 1971.

- Lerch P. Khiva oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse. St.-Petersburg, 1873.
- Les arts de l'Asie centrale: un colloque à Samarkande,— «Informations UNESCO», № 564/565, December 1969.
- Les Kouchans,— «Chronique de l'UNESCO», Juillet — Août 1967, vol. XIII, № 7—8.
- Litvinsky B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia, Dushanbe — Moscow, 1968.
- Lohuizen—de Leeuw J. E. van. The «Scythian» Period. An Approach to the History, Art, Epigraphy and Palaeography of the North India from the 1st Century B. C. to the 3rd Century A. D. Leiden. 1949.
- Maheu R. The East-West Major Project,— «Orient-Occident», (Paris), vol. IX, № 6, December 1966.
- Marshall J. H. Notes on Archaeological Explorations in India, 1908—1909,— JRAS, 1909.
- Marshall J. The Buddhist Art of Candhara, Cambridge, 1960.
- Marshall J. Taxila, vol. 1—3, Oxford, 1951.
- Masson V., Sarianidi V. Afghanistan in the Ancient East,— «Afghanistan», vol. XXII, № 2, Kabul, 1969.
- Maybon A. L'art bouddhique du Turkestan orientale. La mission Pelliot (1906—1909),— «L'art décoratif», (Paris), Août 1910.
- Meyendorff, Baron G. de. Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820, Paris, 1826.
- Minorsky V. Geographical Factor in Persian Art,— BSOS, vol. IX, pt 3, London.
- Mir Husain Shah. Timurid Manuscripts of Artistic Value in Afghan Collection, UNESCO, Paris, August 1969 (SHC/Conf. 25/5).
- Miroshnikov L. Les civilisations d'Asie centrale et leur étude,— «Cahiers d'histoire mondiale», vol. XIII, Neuchatel, 1971, № 4.
- Miroshnikov L. The Forgotten Empire of the Kushans «UNESCO Features», (Paris), № 502, May (I), 1967.
- Miroshnikov L. The Soviet Union and Central Asian Countries: on the Bases of Foreign Relations, Moscow, 1972.
- Miroshnikov L. International Conference on the Social and Cultural Development of Central Asian Countries,— «Social Sciences», vol. 4, № 2 (12), 1973 (Moscow).
- [Mouraviev N.] Voyage en Turcomanie et à Khiva, fait en 1819 et 1820, par M. Mouraviev, Paris, 1823.
- Moustamindi Ch. Nouvelle fouilles à Hadda (1966—1967), Kabul, 1970.
- Narain A. K. The Indo-Greeks, Oxford, 1957.
- D'Ohsson C. Histoire des Mongols, Haague — Amsterdam, 1834.
- Pelliot P. Explorations et voyages dans la Haute Asie, Paris, 1936.
- Pugatchenkova G. A. L'architecture de l'Asie centrale à l'époque timouride,— UNESCO, Paris, le 13 août 1969 (SHC/Conf. 23/2).
- Puri B. N. India under the Kushans, Bombay, 1965.
- Rapson E. J. (ed.) The Cambridge History of India, Cambridge, 1922.
- Rawlinson H. G. Bactria. The History of Forgotten Empire, London, 1912.
- Rawlinson H. England and Russia in the East, London, 1875

- Reclus E. Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes, tome VI.— L'Asie russe, Paris, 1881.
- Remusat A. Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie centrale, Paris, 1825.
- Richtshofen F. von. China. Ergebnisse eigener reisen und darauf gegründeter studien, Erst Band, Berlin, 1877.
- Rosenfield J. M. The Dynastic Arts of the Kushans, Berkeley — Los Angeles, 1967.
- Sankrityayana M. R. History of Central Asia, Calcutta — New Delhi, 1964.
- Senkovski J. Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turcs et des Mongols, St.-P., 1824.
- Sircar D. C. The Kushans. The Age of Imperial Unity,— «The History and Culture of the Indian people», vol. II, Bombay, 1953.
- Smith V. A. The Kushan, or Indo-Scythian Period of Indian History (B. C. 165 to A. D. 320),— JRAS, 1903.
- Smith V. A. The Oxford Student's History of India, Oxford, 1919.
- Stavisky B. J., Bongard-Levin G. M. Central Asia in the Kushan Period (Archaeological Studies by Soviet Scholars), Dushanbe — Moscow, 1968.
- Stchoukine I. Les peintures des manuscrits timourides, Paris, 1954.
- Stein A. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran, vol. I—IV, Oxford, 1928.
- Stein A. Serindia. Detailed Report of Exploration in Central Asia and Westernmost China, vol. I—V, Oxford, 1921.
- Schlumberger D. Descendants non-méditerranéens de l'art grec.— «Syria», t. 37, № 1—2, 1960.
- Shlumberger D. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India,— «Proceedings of the British Academy», London, 1961.
- Sykes P. A History of Afghanistan, vol. I—II, London, 1940.
- Taddei M. Inde, Genève — Paris, Munich, 1970.
- Tchihatchef P. Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine, Paris, 1845.
- Thomas F. W. The Date of Kanishka,— JRAS, July 1913.
- UNESCO Meeting of experts for the Study of Civilizations of Central Asia,— «New Orient» (Praha), 1967, № 5.
- [Vambery A.] History of Bokhara From the Earliest Period Down to the Present, Composed for the First Time. After Oriental Known and Unknown Historical Manuscripts by Arminius Vambery, London, 1873.
- Verhandlungen des XIII Internationalen Orientalisten Kongresses, Hamburg, September 1902, Leiden, 1904.
- Wheeler R. Rome Beyond the Imperial Frontiers, London, 1955.
- Wood J. A Journey to the Source of the River Oxus, London, 1872.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

**(периодические издания,
серии, сборники)**

- ААС — «Азия и Африка сегодня». М.
ВДИ — «Вестник древней истории». М.
ВИРГО — «Вестник Имп. Русского географического общества». СПб.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения». СПб.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». СПб., Пг.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества». СПб.
ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества». СПб.
НАА — «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура». М.
СА — «Советская археология». М.
СЭ — «Советская этнография». М.
ТВОРАО — «Труды Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества». СПб.
BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies (University of London)». London.
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». London.
MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan». Paris — Le Caire.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	6
Глава I. Изучение Центральной Азии и ЮНЕСКО	29
Глава II. Центральная Азия в кушанскую эпоху: опыт организации международных исследо- ваний	43
Глава III. Вехи международного сотрудничества: Дели, Самарканд, Кабул, Исламабад, Улан- Батор	60
Глава IV. Итоги экспериментального периода (1967—1970) и перспективы	75
Глава V. Новый этап в изучении культур Цент- ральной Азии (1971—1973)	83
Заключение	93
Примечания	96
Литература	113
Список сокращений	126

*Б. Г. Гафуров,
Л. И. Мирошников*

**ИЗУЧЕНИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ**

**(Опыт
международного
сотрудничества
по проекту ЮНЕСКО)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. Э. Шварц*
Младший редактор *М. В. Ходакова*
Художник *Г. К. Писманник*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Е. Сищенко*
Корректор *В. В. Воловик*

Сдано в набор 11/XI 1975 г.
Подписано к печати 23/III 1976 г.
А-06535. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 4,0. Усл. п. л. 6,72. Уч.-изд. л. 7,34
Тираж 3000 экз. Изд. № 3844. Зак. № 872
Цена 60 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр. Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
34 81	19 св. 8 св.	в конце VII	в начале II

Зак. 849

